

ЮЛИЯ ЧЕРНЫШЕВА

ЮЛИЯ ЧЕРНЫШЕВА

СУДЬБА ИЗ КОМНАТЫ НАПРОТИВ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Иногда друзья преподносят такие "сюрпризы", что хочется удавить их на месте. И то, что бочка дегтя при этом приправлена ложкой меда, не играет ровным счетом никакой роли. Но пообещав помощь, Кристина оказалась связана по рукам и ногам, и теперь ей приходится выполнять взятые на себя обязательства. Вот только кто бы мог подумать — то, что казалось ей подставой, стало вдруг отличным способом разобраться в себе. И осознать, что иногда судьба поджидает совсем рядом. Буквально в комнате напротив...

Судьба из комнаты напротив

— Криска-Криска-Криска! — лучшая подруга с совершенно щенячьим попискиванием тискает меня, словно плюшевую обезьянку. Сложно сказать, что я этому рада, но мои 45 килограмм и 158 сантиметров роста, против её 60 и 175 соответственно... Сопротивляться сейчас, значило бы заведомо обречь себя на провал.

— Бэт, если ты не забыла, у меня недавно был перелом ребра и вывих руки. Тебе не кажется, что добить меня сейчас, будет неинтересно? Может, подождёшь, пока я хотя бы смогу сопротивляться?

— Ох, прости, Крис. Я так соскучилась по тебе, что совсем забыла, что...

— Не трещи, прошу тебя, — я закатываю глаза, припоминая все «прелести» поездки в общественном транспорте. — Мой мозг неспособен сейчас воспринимать информацию с такой скоростью. Вот скажи мне, кто ездит с младенцем в плацкарте? Это же даже хуже, чем мелкие собачки, вроде чихуахуа или тойтерьера.

— Ребёнок хуже собаки? Ох, слышала бы тебя моя мама, — подруга закатывает глаза в ответ и подхватывает мой чемодан, видимо определив в инвалиды, после напоминания о вывихе.

— Прости, но в данном случае твоя мама для меня не авторитет — нормальными у неё получились только старший и младший ребёнок, — констатирую я, и мы вместе смеёмся, потому как двое братьев Лизаветы — те ещё занозы. Младшая сестра тоже не отличается благоразумием и спокойствием, но её возраст вполне позволяет закатывать истерики и пускать слюни в бутылочку.

Пока мы выбираемся с территории железнодорожного вокзала, расположившись в салоне старенького Фольксвагена подруги, я подставляю лицо прохладному воздуху из кондиционера, а Лиза просвещает меня относительно всего нового, что произошло за время отсутствия. Правда добрую половину информации я уже слышала от неё же по телефону, или имела честь видеть освещённой в социальных сетях, но теперь события начинают обрастать животрепещущими (исключительно по мнению подруги) подробностями, и заткнуть её сейчас не проще чем, заткнуть фонтан ладонью.

Голос солиста «30 Seconds to Mars» расслабляет, я мысленно подпеваю ему в унисон, и возвращаюсь в реальность лишь тогда, когда слышу знакомое имя. Даже не так — когда слышу ненавистное, набившее оскомину имя. Тимофей. Чёртов Тимофей Котов... Вот как его родители двадцать с лишним лет назад вообще додумались так назвать ребёнка, а?

— Что, прости?

— Я говорю, что Котов раскатывает по городу на новой машине.

— Оу, безусловно, это очень важная информация, — произношу я занудным тоном.

Лизка протягивает руку и лохматит мне волосы, демонстрируя поистине голливудскую улыбку.

— Язва сегодня в хорошем настроении?

— Язва мечтает о душе и каком-нибудь вкусном, но не очень полезном бургере, — откликаюсь, в ответ делая из волос подруги воронье гнездо.

— О да, душ бы тебе не помешал, — Лизавета морщит нос и машет рукой, намекая на

дурной запах.

Я показываю ей язык и откидываю кресло назад. Привычная пробка на кольце вполне даст время вздремнуть, потому как вечером это удастся едва ли.

Вечером я осознаю, насколько была права, когда в нашу с Лизкой квартиру буквально вваливается толпа университетских приятелей и знакомых. Новость о моём триумфальном (да неужели?) возвращении достигла их ушей и теперь все жаждут подробного рассказа о лете вообще, и в частности, о той аварии, в которой мои рука и ребро пострадали, а автомобиль... Тут следовало бы процитировать некролог, но за прошедший месяц я успела свыкнуться с мыслью, что верная Реношка больше не со мной. Правда остаться без колёс оказалось хуже, чем я думала. Гораздо хуже, если уж совсем честно. И пока я просвещаю обо всём этом наострившую уши общественность, Бэт насилует телефон, в попытке дозвониться до «Галактики» и заказать столик на... (тут она снова пересчитывает количество людей, которые то отбывают, то прибывают) примерно двенадцать человек. И, когда ей это удаётся, мы бодрой толпой покидаем гостеприимные стены нашей квартиры.

— Ну а вообще, как оно? — спустя три часа, бокал пива и пару коктейлей, интересуется Лизка, упираясь в меня слегка нетрезвым взглядом. К этому моменту остальная компания разбредается по своим делам, и мы с ней остаёмся один на один, переместившись из отдельной кабинки в общий зал.

— Оно — это?.. — прикладываясь к бокалу с ярко-голубым содержимым и пафосным названием, что-то вроде «Лагуны», прошу уточнить я.

— Ну, оно... — небрежный жест рукой, и я едва успеваю убрать солонку из зоны обстрела.

— Скучно, — признаюсь, осознав, что дожидаться сейчас конкретики — не вариант.

— Что именно?

— Ну, лето, отсутствие машины, тебя рядом не было...

— Тимофей... — глядя куда-то мимо меня — кажется пить ей и впрямь хватит — произносит подруга.

— Тимофей... Стоп, причём здесь Котов? Кажется, ты набралась, дорогая! — отчитываю её, поминая свой длинный язык и алкоголь вместе с ним. — Вот уж по кому я точно не скучала, так это по надутому индюку, который...

— Ну вот, Крис, ты вновь разбила моё сердце, — произносит до чёртиков знакомый голос, рядом с левым ухом.

Я призываю всю свою выдержку, чтобы не развернуться и не выплеснуть остатки коктейля в лицо этому гамадрилу. Вместо этого, натягиваю на лицо самую ехиднейшую из имеющихся в моём арсенале улыбок и делаю небольшой глоток, переводя дыхание. И, прежде чем сказать что-либо, кидаю на подругу взгляд, обещающий ей все кары мира.

— Я тут ни при чём, — быстро произносит Лизка, отводя глаза куда-то за моё левое плечо. — Понятия не имела, что он тут будет...

— Детка, мама тебя не учила, что лгать нехорошо? — вмешивается в наш разговор ещё один голос и на мягкую скамью рядом с Лизаветой присаживается высокий блондин в футболке с символикой «Skillet».

Я в шоке наблюдаю, как лучший друг моего заклятого врага засовывает язык в рот моей лучшей подруги. В мыслях каша, я едва ли могу разобраться, что происходит, а когда Лиза

отрывается от Лёни, и смотрит на меня с выражением собаки, которая только стащившей огромный сочный бифштекс с тарелки хозяина, я могу сказать лишь одно:

— Вот дерьмо...

— Крис, я... — начинает что-то бормотать Лизка, но я наставляю на неё указательный палец.

— Молчи, Иуда. Мне нужно придумать хоть одну причину, по которой я должна тебе выслушать прежде, чем предам анафеме.

— Брось, Крис, — Лёня располагает свою руку на её плечах и улыбается так, словно выиграл миллион. — Неужели я настолько тебя раздражаю?

— Ты — нет. Он — да, — указываю я за свою спину, но там уже никого нет. Тимофей стоит у барной стойки и явно флиртует с одной из официанток, хотя мне и нет до этого никакого дела.

— Эй, да прекрати! Смотри, какой он милый? — парень машет в сторону Котова утащенной с тарелки долькой яблока, и я послушно слежу за его рукой, не теряя надежды, что Тимофей провалился сквозь землю и сейчас на его месте стоит какой-нибудь очаровательный блондин, но... Небеса глухи к моим молитвам.

— Милый? Прости, мы сейчас оба говорим о Котове? Об этом исчадии Ада с чёрной дырой вместо совести и желе вместо мозгов? Бэт, если я когда-нибудь соглашусь с твоим парнем по этому поводу, то это значит, что меня пора вести к психиатру.

— Она всегда такая? — Интересуется Леонид, приступая к уничтожению тонко нарезанного ананаса, орудуя пластиковой шпажкой и явно возомнив себя гвардейцем.

— Конечно, нет. Когда у неё ПМС все гораздо, гораздо хуже, — «успокаивает» его моя подруга. Моя бывшая подруга. Моя будущая мёртвая бывшая подруга.

— Эй, я бы предпочла, чтобы мой ПМС не был застойной темой сегодняшнего вечера, — информирую Ромео с Джульеттой, поморщившись. Я не ханжа, но, правда, это не тот вопрос, который хотелось бы обсуждать.

— А я вот с удовольствием поговорил бы на эту тему, — Тимофей вновь балует нас своим вниманием, вернувшись от барной стойки с двумя кружками пива и парой бокалов с содержимым, дублирующим остатки наших с Лизкой коктейлей.

— Такой душка, я сейчас просто скончаюсь от умиления, — произношу я, пока Котов опускает свою ношу на поверхность стола.

— Я бы предложил тебе скончаться от чего-нибудь другого, но всё равно же откажешься, — провокационно высказывается он, даже не предполагая, что его рубашка сейчас находится в зоне риска.

Вместо этого я улыбаюсь, довольствуясь тем, что представляю, как бы это выглядело. Но улыбка стирается, словно мокрой тряпкой, когда наглый кошак усаживается рядом со мной. А так как сижу я почти на самом краю, свободного места для него остаётся по минимуму, и сквозь тонкую ткань джинсов чувствует тепло его бедра, прижавшегося к моему.

— Эй, ты не мог бы взять себе стул? — возмущаюсь, поспешно отодвигаясь от него. — Я не хочу, чтобы твои блохи перепрыгнули на меня.

— Не мог бы, — в том же тоне откликается Котов и располагается поудобнее, широко раздвинув ноги и вновь касаясь меня, заставляя подвинуться ещё и почти вжаться в стену. — Но ты можешь не беспокоиться, мои блохи слишком хорошо воспитаны, чтобы прыгать на кого-то, вроде тебя. Как и их хозяин.

Вновь его слова звучат двусмысленно и провокационно, и я уже готовлюсь дать какой-нибудь язвительный ответ, когда Лиза касается моей руки. Поднимаю глаза, я вижу её умоляющий взгляд, и губы, которые беззвучно произносят «пожалуйста». И затыкаюсь, одним глотком допивая остатки голубой гадости, из которой успел выйти весь газ, и притягивая к себе полный бокал. Если остатки вечера мне предстоит провести за одним столом с Котовым, я не хочу быть трезвой. Прощай мозг, увидимся завтра утром.

Спустя ещё какое-то время, и чёрт знает сколько употреблённого внутрь алкоголя, я пьяна и люблю весь мир. Даже вот этого симпатичного брюнета, сидящего рядом. Да-да, того, чья рука покоится на спинке скамьи, почти касаясь моей шеи. И я не то, чтобы против, но что-то не даёт расслабиться окончательно и отпустить тормоза. Видимо, даже будучи погруженной в пучину алкогольного опьянения, я не могу забыть о том, кто друг, а кто так, мимо проходил. И этот «мимо проходящий» точно огребёт затрещину, если попытается спустить руку ниже. Впрочем, он это знает, так что сидит смирно, изредка прикладываясь к пивной кружке и лениво беседуя о чём-то с Леонидом. Который, в свою очередь, времени зря не теряет, медленно лаская пальцами плечо моей лучшей подруги. И я вижу, как Лизавета тает под его руками, словно сливочное масло на горячем ноже.

— Бэтс, пойдём-ка прогуляемся до дамской комнаты, — командую, поднимаясь со скамьи и радуясь, что координация ещё не покинула организм окончательно. По крайней мере, шатает меня не так сильно, как могло бы. — Эй, красавчик, ты не мог бы быть столь любезен, чтобы выпустить меня? Дама хочет писать.

Лёня заходится смехом, захлебнувшись пивом и пуская его через нос, а Котов лишь удивлённо приподнимает брови и послушно поднимается, пропуская меня на волю. Даже аккуратно поддерживает под локоть, когда я спотыкаюсь о ножку стола и шиплю рассерженной кошкой.

Хотя, возможно, он просто потерял дар речи от обращения. Потому как раньше самым мягким эпитетом, который я использовала, обращаясь к нему, было что-то вроде кошака облезлого или Кудряшки Сью. Причём последнее сейчас было бы как раз в тему, потому что волосы его как раз отрасли настолько, чтобы начать завиваться лёгкими «барашками». Но да, я сейчас пьяна, возмутительно довольна жизнью и философия хиппи близка, как никогда.

Лизавета тоже выбирается из-за стола, перед этим успев на пару секунд замереть на коленях своего парня, и хватает меня под руку. А затем такой, шаткой даже с виду конструкцией, мы направляемся в сторону туалетов.

— Не утони в унитазе, Ариэль, — несётся в спину, но я делаю вид, что не услышала, напоминая себе отомстить позже.

— Крис, мне нужна твоя помощь, — произносит Лизка в том момент, когда я разглядываю в зеркале своё покрасневшее лицо в обрамлении красных же прядей волос. За которые, собственно, Котов и дал это дурацкое прозвище. Никогда не понимала, за что все так любят мультик про полу-девушку, полу-селёдку, с водорослями вместо мозгов. Видимо прагматизм напрочь убивает во мне романтика, но я придерживаюсь мнения — всякому нужно знать своё место. И если ты русалка, то пару стоит себе искать среди подобных, не заглядываясь на двуногих. Ведь это только Дисней закончил историю слащавым «и жили они долго и счастливо». У старика Андерсена все закончилось далеко не так радужно, и в его версию мне верится больше.

— Ты уже не в состоянии сама надеть трусики? — усмехаюсь, отворачиваясь от зеркала. Косметички с собой нет, так что, в попытке привести раскрасневшуюся кожу лица в порядок, можно рассчитывать лишь на холодную воду, а она помогает мало.

— Я не об этом, — слышится звук сливающейся воды, и подруга выходит из кабинки, поправляя ремень брюк.

— Поняла уже, выкладывай, — я отбираю блеск, который Лиза только что извлекла из кармана, и вновь оборачиваюсь к зеркалу, покрывая губы нежно-розовым цветом. Брр, гадость!

— Ты ведь правда моя самая-самая лучшая подруга? — вопросительно произносит она, и я испытываю желание сделать ровно противоположное тому, что советовал Котов. То есть, утопиться в унитазе. Сейчас. Немедля. Потому что когда Лизавета начинает мяться, говорить таким тоном, и интересоваться, действительно ли я считаю её лучшей подругой, это значит, она хочет попросить о чем-то, что мне будет дорого стоить. Очень дорого. Последний раз, когда она использовала этот приём, я обзавелась татуировкой в виде кружевной подвязки на бедре. Потому как одна Лиза идти боялась, а моё присутствие придавало ей смелости. А предпоследний раз мы прыгали с парашютом с какого-то на ладан дышащего кукурузника, после чего мастеру в салоне наверняка пришлось закрасивать мою первую седину. А до этого...

— Нет, — возвращая блеск, твёрдо произношу я. И качаю головой на случай, если слов недостаточно. — Ни за что больше не поведусь на твои уловки, гадкая интриганка. Поэтому или выкладывай карты на стол, или молчи вообще. Не думай, что я ещё раз поверю фразе «в этом нет ничего страшного». Даже клинические идиоты умеют учиться на своих ошибках, а я, надеюсь, ещё не опустилась до их уровня.

Лиза надувает губы на отповедь, и молчит. Я тоже молчу, сложив руки на груди и ожидая, пока она соберётся с духом.

— Хорошо, — наконец выдыхает подруга, слегка раздражённая неуступчивостью. — Только пообещай, что сначала выслушаешь до конца, а потом будешь кричать, ладно?

— Когда это я кричала, недослушав? — начинаю возмущаться я, но замолкаю, заметив ехидное выражение лица подруги, на лбу которой буквально светится слово «ВСЕГДА». — Ладно, чёрт с тобой, закрываю рот, — я делаю жест, словно и впрямь закрыла рот на замок и бросала ключик в раковину.

— Мы с Лёней хотим попробовать пожить вместе... — я изображаю живой интерес на лице, но, очевидно, смотрится это недостаточно убедительно. — Да, знаю, мы встречаемся всего ничего, но мы любим друг друга и... — я делаю рукой пару круговых движений, предлагая ей перемотать все эти розовые сопли и перейти к сути дела. — И... так как мы живём с тобой, а Лёня — с Тимофеем, мы хотели предложить вам...

Стоп. В моём мозгу возникает идея о том, какую именно просьбу хочет озвучить Лизка, но отбрасываю её, как крамольную. В самом деле, не может же моя подруга, будучи в здравом уме и трезвой... ладно, хорошо, не очень трезвой памяти, предложить мне...

— ... точнее тебе, поменяться с Лёней и переехать в квартиру к Котову? Платить только за коммуналку, представляешь, какая экономия?

Я говорила, что Лизавета находится в здравом уме? Забудьте. Очевидно, розовые сердечки и милые пони заполонили её голову, и теперь та неспособна мыслить здраво. Подумать только — человек, который лучше прочих знает о моих «пламенных чувствах» к Тимофею, предлагает мне жить с ним под одной крышей. Более того, в его квартире. Бред.

Полный, безоговорочный бред.

— Так что, ты согласна? — снова используя этот щенячий взгляд, спрашивает она. Видимо, надежда, что я соглашусь, будучи в состоянии шока, не умирает вообще.

— Нет, — слова «не орать» приходится повторять про себя как мантру. — Бэт, ты совсем сбрендила? Или, пока меня не было, ты головой ударилась? С какого перепуга ты решила, что я соглашусь?!

— Я подумала...

— Нет, Бэт, если бы ты подумала, то поняла, что сама мысль о подобном звучит абсурдно. Поэтому давай сделаем вид, что ты этого не говорила, а я не слышала, хорошо? — Кажется, я даже протрезвела от подобной идеи.

— Но я подумала, что машина поможет тебя уговорить... Лёня сказал, что...

— При чём здесь машина? — интересуюсь, не слушая, что там сказал Лёня, судя по всему заразившийся сумасбродством от своей девушки.

И подруга цепляется за интерес, поспешно вываливая информацию.

— Я сразу сказала ему, что ты ни за что на свете не согласишься на это. А он предложил взамен дать тебе то, в чём нуждаешься больше всего.

— Машину? Серьёзно? — замаячившая, пусть и невнятная пока, возможность вновь оказаться на колёсах отодвигает на второй план все остальные мысли.

— Я же говорила, что Котов купил новую машину? А старую у него относительно дёшево выкупил Лёня. И если бы ты была так мила, что согласилась поменяться с ним местами, то он готов дать тебе её во временное пользование, пока не решится вопрос со страховкой, и не купишь новую.

Черт... Вот так людей и загоняют в тупик. Предложи мне что-либо другое, что угодно, с гордостью бы отказалась. Но мне претила сама мысль следующие пару месяцев, или около того, пока идёт административное разбирательство в ГИБДД и страховая решает вопрос с выплатой, передвигаться на своих двоих или общественном транспорте. Неизвестно, кстати, что хуже.

— Тем более от квартиры Тимофея, намного ближе к университету, а до твоей работы вообще рукой подать... — забивая последний гвоздь в гроб моей силы воли, говорит Лизка.

И я закрываю лицо руками, понимая, что она победила.

— Я ненавижу тебя...

— Останина, ты чудо! — Лизвета обнимает меня, буквально поднимая в воздух.

А я думаю о том, сколько раз придётся пожалеть о своём решении. Выходит, что далеко не один... Но сияющие глаза подруги, существенная экономия на съёме жилья и да, обретение колёс, того стоят.

Следующее утро начинается для меня с похмелья и боли в руке. С трудом открыв глаза, с которых никто не удосужился вчера смыть подводку и тушь, я оглядываю собственную комнату и издаю стон Кентервильского привидения. Так плохо мне не было, пожалуй, с тех самых пор, когда я очнулась в больнице после аварии. По крайней мере, голова в тот раз болела также сильно. Устроившись поудобнее, я натыкаюсь взглядом на два стакана, стоящие на краю прикроватной тумбочки. В одном из них явно вода, потому что рядом расположилась упаковка обезболивающих, а во втором... Я вцепляюсь во второй стакан и несколькими большими глотками опустошаю его. Смесь из томатного сока, желтка сырого яйца, приправленная солью, перцем и соусом «Табаско» — не тот коктейль, который хотелось бы смаковать. Но за его чудодейственные свойства я была готова простить многое.

— Встала, милая? — Лизка впархивает в комнату, облачённая в светлый домашний костюм и фартук с изображением фигуры в бикини, от неё пахнет ванилью и выпечкой, а это значит, на завтрак меня ждёт что-то восхитительно вкусное.

Лизавета чудесно готовит различные сладости, но делает это лишь под настроение, так что вот такие моменты, когда инициатива исходит от неё, весьма редки. И даже то, что я ещё мучаюсь похмельем, не в силах испортит аппетита. Хотя я, как всегда, чуточку завидую подруге, которой такое понятие вообще чуждо. Она быстро пьянеет, также быстро трезвеет и наутро бывает бодра и довольна жизнью, тогда как я...

Я чувствую себя старой развалиной, аккуратно сползая с кровати и морщась от боли в рёбрах и руке. Видимо, та поза, в которой я отключилась, не способствовала здоровому отдыху.

— Вот теперь встала, — констатирую, разбирая спутавшиеся и лезущие в лицо пряди. Точнее, делая попытку их разобрать. — Вроде бы. Ты давно на ногах?

— Уже почти двенадцать, так что да, давно. Лёня обещал заехать, так что если не хочешь встретить его в таком виде, чапай в душ. А потом как раз можно заняться вещами, — Лизка воркует, словно голубка, но что-то в её словах не даёт мне умилиться, и послушно направить свои стопы в сторону ванной комнаты. И вот тут я вспоминаю кое-что, что заставляет вновь опуститься на кровать, вцепляясь пальцами в волосы.

Вещи... Вот, чёрт! Чёрт-чёрт-чёрт. Воспоминания о вчерашнем разговоре, просьбе Лизки, и моем согласии всплывают яркими кадрами, и я едва сдерживаюсь, чтобы вновь не застонать, на этот раз, от отчаяния.

Теперь-то картинка начинает складываться, как пазл — из мелких, не сразу бросающихся в глаза деталей. И становится ясно, почему Лизавета потащила меня именно в это кафе, и откуда сладкой парочке было известно, что мы там будем. Готова поставить косарь на то, что подсовываемые подругой и её «сообщниками» коктейли тоже преследовали одну-единственную цель.

Мне не слишком приятно думать, что Лизка всё подстроила, но других вариантов нет. Она совершенно точно знает, что я ни за что не согласилась бы, будучи в своём уме. И уж кому, как ни ей, также знать о двух таких чертах моего характера, как умение держать обещания и... и способность идти против своих желаний ради выгоды. Да, вот такая я корыстная. Теперь вот придётся пожинать плоды этой корысти, какими бы мерзкими на

вкус они ни были.

Я оставляю волосы в покое и направляюсь к выходу из комнаты, стараясь не глядеть на подругу. Хуже всего, что я прекрасно понимаю мотивы её поступка, но сделать вид, что все в порядке? Вот уж нет!

— Крис, я... — начинает она, но я поднимаю руку и отрицательно качаю головой.

— Неа, Бэт. Давай без оправданий, ладно? Просто подумай, что в следующий раз я тоже могу «попросить» о чём-то, и уже ты окажешься в ситуации, когда некуда сдавать назад.

— Но я... — она глядит расстроено, но я не собираюсь сдаваться так просто. — Я же хотела как лучше, правда! Ты сама поймёшь, сколько плюсов от этого переезда.

Плюсов и вправду немало, это я осознаю и сейчас. Только один жирный минус с лихвой перечёркивает их все. Пожав плечами, я выхожу из комнаты, оставив Лизу думать над своим поведением в одиночестве.

Горячая вода будто вымывает из организма всю гадость, так что облегчение я чувствую почти сразу. И на минуту просто замираю, упираясь обеими ладонями в стену, и наслаждаясь тонкими струйками воды. Наверное, выгляжу я как инопланетянка, с этими волосами, облепившими голову и тело, но зеркало в душевой кабине запотело, а мне слишком лень его вытирать, чтобы убедиться в этом.

Гель для душа насыщает воздух вокруг ароматом шоколада, напоминая Лизкиной выпечке и мотивируя быть пошустрее, так что, сделав последний глубокий вздох, я выхожу из кабинки. Сооружаю из одного полотенца подобие турецкой чалмы, во второе заматываюсь сама, даже не потрудившись вытереться. И распахиваю дверь ванной комнаты, чтобы тут же услышать звук удара и приглушённое ругательство.

— Ох, Лёня, прости! Я не знала, что ты уже тут, — сострадание и чувство вины выходят на передний план, и я выскакиваю в коридор, совершенно позабыв, в каком виде нахожусь. Да так и замираю, столкнувшись взглядом с пострадавшим.

Котов стоит напротив, прижимая к носу руку, из-под которой сочится тонкая струйка крови. Но, видимо собственная форма носа заботит его в этот момент меньше всего, потому как взгляд скользит по моему телу, на котором из одежды лишь полотенце, закрывающее от груди до середины бедра. Да уж, прекрасное утро, Кристина, просто прекрасное.

— Всё рассмотрел? — интересуюсь я, борясь с желанием унести в свою комнату или, хотя бы, скрестить руки на груди.

Вообще, я не из стеснительных, но когда тебя одаривают таким взглядом, помнить об этом ну очень трудно.

— Почти, — убирая руку, и давая возможность оценить масштабы бедствия, улыбается он. — Но я был бы не прочь рассмотреть остальное.

Ну, что и требовалось доказать. Даже удар дверью не заставит мозг Тимофея подняться из штанов. Категорически заявляю — пациент безнадежен.

Я мило улыбаюсь в ответ, показывая средний палец правой руки, вместо запрашиваемого «остального», но улыбка становится только шире.

— Если ты демонстрируешь размеры Маркова, можешь не утруждаться. Все и так знают, что природа его обделила по всем фронтам, — комментирует он, проезжаясь по моему бывшему.

Шпилька пролетает мимо, так как с Борисом (ещё одно дурацкое имечко в моей жизни) мы расстались ещё до каникул, когда я застучала его лобызавшимся с одной из

приятельниц. Так что сложно ожидать, что я все ещё испытываю к нему тёплые чувства и начну вступаться за поруганное достоинство. Тем более это как раз тот редкий случай, когда Котов прав, а достоинство Маркова вещь и впрямь сомнительная.

Но спускать выпад, который и меня касается, не собираюсь. И показываю второй средний палец, перекрещивая их между собой. А потом разворачиваюсь и ухожу в комнату, намеренно покачивая бёдрами. Смотри, слюной не захлебнись, кошак блудливый!

Нацепив белье, шорты и футболку, некогда принадлежащую как раз упомянутому бывшему, я присоединяюсь к расположившейся на кухне компании. И уже спустя несколько минут поглощаю ванильные кексы с клубничным джемом, запивая их зелёным чаем. Испортить аппетит, не в состоянии даже сидящий рядом Тимофей, глаза которого никак не поднимутся выше моих ног. Но, к моему счастью и его сожалению, шорты куда длиннее, чем полотенце. И как бы он ни пытался разглядеть под ними татуировку...

— Эй, Тим, посмотри ей в глаза, девушкам это нравится, — смеётся Леонид, тоже заметивший столь пристальное внимание к моим, далеко не модельным, конечностям.

— Ты думаешь, он знает, что у девушек тоже есть глаза? Боюсь, взгляд Котова едва ли когда-то поднимался выше сисек, — сокрушаюсь, стараясь не ёрзать на стуле. Как бы там ни было, сверлящий взгляд начинает раздражать всё больше.

— Вообще-то, он знает, — опережая открывшего рот друга, уточняет Тимофей. — Знаешь, у некоторых девушек ведь нет сисек, так что приходится довольствоваться глазами.

Я бросаю на него ответный взгляд, не зная, как реагировать на подобное заявление. Это сейчас комплимент был, что ли?

— Бэт, я на тебе женюсь! — когда концентрация кексов в организме достигает допустимого предела, я откидываюсь на спинку стула, взирая на подругу влюблённым взглядом.

— Но-но, — грозит пальцем Лёня, притягивая Лизку поближе к себе. — В очередь, пожалуйста. Кстати, почему Бэт? Что за...эээ...кошачья кличка? Ай... — парень трёт пострадавшее ухо.

— Просто кое-кто на первом курсе взахлёб засматривался «Сплетницей» и решил, что Елизавета — это слишком просто и вообще неинтересно, а вот Элизабет — наше всё. А потом пламенная страсть к Чаку Бассу поутихла, а имечко привязалось. Да, Бэт?

— Да, Крис, — прищурившись, цедит она, явно недовольная раскрытием своих сердечных тайн.

— Вот-вот. Это с твоей лёгкой руки, между прочим, и над моим именем так произдевались, в школе я Тинкой была, вообще-то. Так что бойтесь, Леонид, можете тоже попасть под горячую руку.

— Лео-нид, — отдельно произносит вдруг Котов, чересчур быстро прервав свою «музыкальную паузу». — Хорошо не Лео-польд, — и голосом кота из мультфильма добавляет. — Ребята, давайте жить дружно.

— Молчи уж, Тимо-фэй, — парирует свежепоименованный, зачем-то указывая на меня пальцем. — Дружно ты теперь с ней жить будешь.

Радужная реальность рушится с почти слышимым грохотом. А ведь так хотелось верить, что они передумают. Но нет, собирай чемоданы, Кристина, тебя выселяют.

— Ладно, я поняла, зачем это вам двоим, — решаюсь задать вопрос, и не только из

желания потянуть время. — Но ему это зачем? — теперь уже мой палец вытянут в направлении соседа. — В исчадии Ада проснулся альтруизм и снисхождение к чужим серьёзным отношениям, раз уж оно само на подобные не способно?

— Надеюсь, ты и правда, готовишь настолько хорошо, как мне сказали. Иначе кулинарный раб в твоём лице не сумеет компенсировать самолюбия, уязвлённого стрелами твоего остроумия, — высокопарно откликается Котов, которого никто и не спрашивал. Но ответ дан, и он даже частично удовлетворяет любопытство.

Как ни странно, но при всём своём виртуозном обращении с выпечкой, вообще в готовке Лиза отнюдь не сильна, если не сказать большего. Одновременно сырая и сгоревшая картошка, больше похожее на подошву от ботинка мясо, слипшиеся в комок макароны... Первое время я ещё думала, что соседка попросту издевается надо мной, но после пары месяцев таких диет не выдержала и водрузила это на свои хрупкие плечи.

Так, получается, сладкая парочка так прорекламовала мои услуги повара Котову, что тот согласился даже не брать с меня денег за проживание? Бескорыстие — его новое имя? Что-то не верится.

— Посуду моешь сам, — предупреждаю, так и не придя к какому-то определённом выводу относительно его пользы в этом деле с великим переселением народов.

— У меня есть посудомойка, — обиженный в лучших чувствах, «Фэй» так забавно морщится, что так и хочется это прокомментировать.

Но вместо этого бурчу себе под нос:

— И я искренне надеюсь, что это предмет бытовой техники, а не симпатичная мулатка.

— Вот видишь, а ты говорила, что они и пяти минут рядом не продержатся, — вмешивается вдруг Лёня, обращаясь к затихшей Лизке. И получая два одинаково мрачных взгляда.

Надо же, иногда и у нас с Котовым бывают моменты взаимопонимания. Какой сюрприз.

Как известно, один переезд равен двум пожарам. Однако переезд, в котором «помогают» сразу двое парней, смело можно равнять как минимум к локальному апокалипсису в рамках одной квартиры.

— Вот это обязательно возьми, — пока я складываю в коробку содержимое полок с косметикой и прочими нужными мелочами, Котов успевает сунуть нос в комод и теперь держит на вытянутом указательном пальце чёрный кружевной бюстгальтер.

— Эй, а ну вылез откуда! — праведно возмущаюсь я, бросая в наглого гамадрила первым, что попало под руку. А попалась, вот ирония, упаковка с тампонами.

— Женщина, ты осквернила мою футболку этими своими штуками! — не менее праведно откликается он, поглаживая ткань на плече, в которое угодил снаряд.

— «Этими штуками»? Боже, тебе что, десять лет? — я закатываю глаза, но он уже испаряется из комнаты. Не иначе как переодеть осквернённое. Впрочем, не удивлюсь, если он возит пару комплектов сменной одежды в багажнике авто.

Кстати, об автомобилях! Отложив на время сборы, я выскальзываю на балкон, отодвигая створки и высовываясь наружу. Несмотря на последние дни лета, работу никто не отменял, так что машин во дворе мал. И строить предположения о том, какую машину всё-таки приобрёл Котов, довольно легко.

Синий Лизкин Гольф соседствует с синим же Акцентом, на котором (я мысленно потираю руки) мне предстоит кататься в ближайшие пару месяцев, а рядом...

— Лёня, пожалуйста, скажи, что пижонистая красная АЗ под нашими окнами это не то, что я думаю, — слабым голосом прошу я, заметив, что Лизкин парень вернулся за очередной коробкой.

— Авдотья? — Леонид выходит на балкон, бедром подвигает меня в сторону и тоже высовывается из окна. — Она, родная. А что не так-то?

— Она же красна-а-ая, — тяну я, пытаюсь тоном донести до него, что именно не так.

— Это запрещено? — щурит парень серые глаза, в которых так и прыгают искры смеха. — В 2014 году Кристиной Сергеевной Останиной официально был закреплён запрет на приобретение красных автомобилей. Тыдыщ! — он изображает простановку печати.

— Чёртовы юристы, — бурчу я, закатывая глаза.

— Чёртовы юристы, — тут же отзывается он, не раздумывая ни секунды, потому что специальности с прошлого года у нас хоть и разные, зато факультет один, и вытягивая из кармана чёрную глянцевою пачку.

— Фу! Котов тоже курит?

Не то чтобы я плохо относилась к курящим, вовсе нет. Решать, чем и с какой скоростью приближать свою смерть, каждый вправе сам. Но вот табачный дым, насмерть въедающийся в одежду и волосы даже просто стоящих рядом, порядком раздражал.

— Нет, — подкуривая, качает головой он. — Ещё и меня всё время в подъезд выгонял, чтобы я не прокурил его драгоценную трёшку.

— О, я думала у него двушка, — откликаюсь удивлённо, но удивление это приятное. В конце концов, больше квартира — меньше вероятность столкнуться в ней, с кое-кем нежеланным, разве нет?

— Нет, две спальни и гостиная. Или ты жаждала ютиться на диване и иметь возможность каждое утро лицезреть заспанного Тима в трусах и с кружкой кофе?

Меня даже передёргивает от подобной мысли, что мимо Лёни точно не проходит, потому что гогочет он очень даже жизнерадостно.

— Окстись, болезный, — восклицаю я, разве что крест животворящий не сотворив. — Смерти моей хочешь?

— А какая кровать в моей бывшей спальне, — тоном змея-искусителя продолжает парень, выпуская дым через нос, что смотрится, по меньшей мере, смешно. — Настоящий тра...

— Никакого тра..., - беспардонно вмешивается Котов, вваливаясь на балкон. Всё в той же красной футболке, между прочим, не иначе как подобранной в цвет авто. — Все игрища на нейтральной территории, пожалуйста.

И хотя мне безумно хочется поспорить, хотя бы ради принципа, предпочитаю промолчать. Потому как в данном случае кошка всё же прав. Да и едва ли на моей личной жизни благополучно скажется, если приведу одного мужчину на территорию, где живу с другим. Что бы это ни значило.

— Тогда и твоих игрищ это тоже касается. Я не собираюсь просыпаться среди ночи от стонов, вроде «О, да! Сильнее! Да! О, Тим, ты просто супер!».

Кажется, получилось у меня на редкость достоверно, потому что глаза прибежавшей Лизаветы похожи на блюдца, а два наглых парнокопытных, особенно мой будущий сосед, давятся от смеха.

— Знаешь, я передумал. Если ты каждый раз будешь так стонать и повторять при этом моё имя, приводи кого угодно, — немного успокоившись, предлагает Котов.

Игнорировать кого-то стоящего в полуметре от тебя сложно, но я справляюсь. Ай да я, ай да молодец.

Когда мы, наконец-то, выдвигаемся, Лизавета с присущей ей настойчивостью запикивает своего бойфренда в мой (временно, но всё же) Акцент. Аргументирует, правда, тем, что «ты же не знаешь дороги, к тому же там такие ямы, что непременно нужно знать, как их объезжать», но что-то подсказывает — меня банально не хотят оставлять без присмотра. Интересно только, куда бы я могла деться, особенно при условии, что две трети вещей разложены по двум другим машинам. Пижонской Ауди в том числе, и выражение лица Котова в момент погрузки бесценно.

На самом деле, мне с трудом удаётся не удивляться количеству коробок, пакетов и сумок, без учёта не разобранных с поезда чемодана, в которые сложено всё нажитое непосильным трудом за каких-то три года. И это я ещё оставляю подруге в наследство приобретённый прошлым летом стол. Тот, конечно, что надо, особенно психоделичной расцветкой и на редкость удобной высотой (да-да, проверено на собственном опыте), но не тащить же и его с собой. Удобнее было считать это вкладом и успешную семейную жизнь Лизаветы.

— Что за остановка-то? — решаю поинтересоваться, медленно выруливая с парковки. Конечно, все машины абсолютно разные, но позапрошлой папиной машиной был как раз такой Хёндай, а это существенно упрощает мне жизнь. Как и механическая КПП, потому что с автоматом дела иметь как-то не приходилось, хоть и говорят, что он гораздо проще.

— Кольцовская, — без напоминания пристёгивая ремень, откликается Лёня.

Пока я занята маневрированием по узким дорожкам между дворами, он включает радио и выкручивает громкость до минимума, оставляя лишь лёгкий фон.

— Ну и где там ямы? — ощущение, что дорогая подружка всё-таки слукавила, достигает примерно девяноста девяти процентов. — Центр же.

Парень легко пожимает плечами, и не думая развенчивать предположения. Ладно-ладно, Лизавета Романовна, я тебе это ещё припомню.

— А теперь рассказывай, — останавливаясь на очередном светофоре, явившем своё красный лик, бросаю я влево.

Лёня несколько удивлённо косит в мою сторону, с головой погружённый в какую-то оживлённую переписку в вайбере, но у кого руль, то и рулит, верно?

— Давай-давай, самое время покаяться, сын мой.

— Грешен, падре, — проявляя полную непросвещённость в теологических вопросах, послушно отзывается он.

— Да уж догадалась... Ну, я жду честный и искренний ответ — на черта тебе всё это?

— Ехать с тобой? Да уже сам задаюсь тем же вопросом...

— Ха-ха, очень смешно. Слушай, я Лизку люблю, ценю и обожаю, но что-то тут не вяжется, во всём этом вашем «гениальном плане», — оторвав обе руки от руля, я изображаю кавычки. — С таким же успехом вы могли снять себе другую квартиру, ничуть не хуже, а может и лучше.

— Лизе нравится та. А ещё она не хочет ставить тебя в неудобное положение, заставляя срочно искать новую соседку.

— О да, а заставляя меня жить с Котовым, она этого не делает. Вот тут уж положение точно неудобнее не придумаешь.

— Так смени, — смеётся он. — Думаю, Тим только «за», когда девушка сама проявляет инициативу.

За двусмысленное заявление ему прилетает лёгкий шлепок по ноге, но парень не сильно возмущается, так что закрывать тему я не спешу.

— И всё же, этот вариант был бы куда проще. Тем более что тогда тебе не пришлось бы самому оставаться без машины всё это время.

— Да что ж ты привязалась к этой машине, а? Я всё равно ещё не отдал за неё всю сумму, понятно? Вот как раз накоплю оставшееся за пару-тройку месяцев, и тогда она будет полностью моя.

— Ну, если Котова такая рассрочка устроила, ты-то что? Или это какие-то мужские штучки, которых мне не понять? Гордость там, все дела?

— Именно, — несколько раздражённо кивает он. — Теперь твоя паранойя успокоится?

— Временно. Всё равно мне кажется, что вы что-то скрываете. И если это так, я докопаюсь, вот даже не сомневайся.

Лёня фыркает вместо ответа и, прибавляет музыку, вновь отвлекаясь на телефон. Ладно-ладно, мы ещё посмотрим, кто окажется впереди планеты всей.

Расположение квартиры и впрямь оказывается словно для меня созданным. Не больше пяти минут пешком до торгового центра, где я подрабатываю в свободное от учёбы время, и едва ли больше пятнадцати — до корпуса университета. Если учесть, что с парковкой там вечные проблемы, да и утренние пробки никто не отменял, впору бы и вовсе отказаться от автомобиля, сделав ставку на пеший ход, но делать этого я, понятное дело, не собираюсь. В конце концов, мало ли, куда понадобится отправиться на машине, верно? Тем более, если она является бонусом, компенсирующим дикие моральные страдания от факта совместного проживания с Котовым. Да и сроднились мы, за предыдущие полчаса...

Второй подъезд, седьмой этаж, прямо как в песне, настраивают на позитивный лад, и я с трудом заставляю себя не подпрыгивать от возбуждения, пока лифт возносит нас на вершины. Коридор, два оборота ключа в одном замке, три — в другом, и вот уже можно перешагнуть порог моей новой обители.

Мысленное, совершенно искреннее «вау!» почти сразу же трансформируется в не менее искреннее «ой, ё!». Потому что дизайнерский ремонт — это здорово. Особенно почти чёрный ламинат, оттеняемый искристо-белыми обоями. Да и зеркальные двери-купе во всю стену смотрятся шикарно. А вот разводы и пыль на них, совсем нет. Как и песок на чудном ламинате, особенно в непосредственной близости от двери, у которой и коврика-то никто положить не додумался. И, если учесть мою, пусть и не чрезмерную, но всё же любовь к чистоте, я уже начинаю догадываться, кто всё это будет драить.

Лизка ловит мой взгляд и легко пожимает плечами, мило улыбаясь. От улыбки станет всем светлее, что ли? Вздыхаю, впервые пожалев о том, что не отношусь ни к слонам, ни к улиткам. Маленьким, да.

Экскурсию по квартире, вопреки ожиданиям, делегируют провести Лизке. Парни же слаженным дуэтом сообщают о буквально-таки жгучем желании заняться подъёмом вещей и исчезают за дверью со скоростью рвущейся на прогулку собаки.

Я перевожу взгляд на подругу и стряхиваю с ног балетки, недовольно морщась от песка под ногами. Пылесос, мне срочно нужен пылесос. Или хотя бы веник — дать по шее ленивому хозяину жилища.

— Ну что, смотри, тут кухня, — Лизавета шествует как царица, хвастающая своими владениями. Благо, идти недалеко, и желания поправить ей корону лёгким подзатыльником почти не возникает.

А затем развеивается совершенно, стоит только шагнуть за порог, оставив позади дверь со вставкой из тонированного стекла. Потому как назвать это помещение кухней, буквально не поворачивается язык. Только Кухней — именно так, с большой буквы, украсив её в воображении вязью и подчеркнув красным. Два раза.

— Боже, вот тут я и буду жить, — выдыхаю блаженно, нежно поглаживая поверхность барной стойки и лаская взглядом фасады гарнитура, на которых раскинулся пейзаж ночного города, в сине-фиолетовых тонах. Длинные матовые ручки, матовые же бока встроенной бытовой техники, среди которых сразу же выцепляю ту самую посудомойку. А плита?! — Плиточка, газовая, — глажу и её, как кошку, радуясь, что больше не придётся мучиться с дурацкой электрической.

— Нет, я, значит, старалась, уговаривала, — хохочет подруга, привычная к моим причудам, — а всего-то и нужно было привести тебя к этим деревяшкам и железякам.

— Не слушайте её, хорошие мои, ничего она не понимает, — и не думаю поворачиваться я, но Лиза уже рядом, хватая за руку и тянет обратно в коридор. Сопротивляться и не пытаюсь — мы же помним про плюшевую обезьянку, да?

— Урр, хорошо, что я раньше тут не была, иначе точно опозорилась бы просьбой приютить, — констатирую почти с отчаянием, обозревая просторы санузла.

Точнее ванной комнаты, которая и впрямь полноценная комната, а не миниатюрный закуток с душевой кабинкой и раковиной, как в той квартире, что снимали мы с Лизкой. Нет, здесь кабина тоже есть, существенно более навороченная, пусть и с покрытыми налётом стенками. Но в противоположном от неё углу расположилась и нормальная ванна, в которой с комфортом могут разместиться два таких гнома, как я. Благо не джакузи — это было бы уж совсем слишком.

— Попрошу повторить, когда отдраишь всю эту прелесть с «Мистером Пропером», как ты любишь, — комментирует подруга, вновь с боем утаскивая меня из помещения. — А теперь закрой рот рукой, а то соседей визгом испугаешь, — останавливаясь перед очередной дверью, по левую сторону коридора, велит она. — Спальню будем смотреть.

— Там что-то страшное? Котов обклеил стены своими фотографиями? Развесил на спинке кровати сушиться трусы? Стоп, это его спальня?

Лизавета фыркает и поворачивает ручку, не ответив ни на один из животрепещущих вопросов. И перешагнув через порог, я осознаю смысл предупреждения. Не визжать, не визжать, не...

— Божечки-кошечки, это же...

— Не совсем балдахин, но...

— Лизка-а-а, — я с восторгом висну на шее подруги, на несколько секунд, а иду щупать полупрозрачное тюлевое полотно, которое и впрямь весьма напоминает балдахин. Подобное я видела в каталогах Икеи, но хозяйка квартиры никогда не позволила бы портить её потолки, чтобы прикрепить мою овеществлённую мечту.

— Хорошо, что Тимофей в этой комнате не сделал натяжные потолки, а то бы плакал мой сюрприз, — я раздвигаю ткань в стороны и растягиваюсь на кровати, болтая ногами в воздухе.

Лёне не обманул, это самый настоящий траходром, причём здесь легко бы расположилась не только разгорячённая парочка, но и целая свингерская вечеринка. Не то, чтобы я интересовалась подобным, но...

— Вообще-то, это должно было стать последним ядром, пущенным в стену твоего нежелания переезжать, — вторгается в мысли голос подруги, присевшей рядом, — но раз ты и так согласилась, считай моим подарком на новоселье. Постельное тогда сама купишь, вкусы у тебя специфические.

И ничего не специфические, просто мне нравятся тёмные комплекты, в отличие от Лизки, которой подавай пастель и «нежнятину». Но то, что в её случае нет вероятности проснуться наутро с расцветкой под аватара, это факт.

— А местные с собой утащите? — отгибая покрывало и разглядывая край матраса в бежево-белую полоску, интересуюсь я.

Впрочем, логично, если сдвинуть две наших кровати вместе, получится вполне неплохое лежбище. До моего нового, конечно, недотягивающее, но они же не ищут лёгких путей.

— Эй, скажи спасибо, что я плед постирала! — щипая меня за ногу, возмущённо произносит подруга, и я отвечаю тем же, благодаря язвительно:

— Вот спасибо, матушка. Вот спасибо, заботушка. Все правильно сделала, а то второй случай непорочного зачатия мир не переживёт.

— А вот подоконник не протирала, — мстительно отзывается Лизка.

— Фу-у-у! — тяну я, ради такого дела приподнимая голову и обозревая предмет спора.

Она, конечно же, пошутила, но вот высота у единственного подоконника в комнате и впрямь вполне удобная. И я откидываюсь обратно, удовлетворённо отмечая, что достойная замена оставленному на произвол судьбы столику найдена. Осталось только найти тестировщика. В конце концов, можно ведь воспользоваться моментом, пока Котова, с его фразочками про нейтральную территорию не будет дома, м?

— Больше не лезет...

— Пф, слабачка! Смотри и учись, от ак ада! — последнее получается очень нечётко, но кто понял, тот понял.

— Так я тоже могу, а весь засунуть слабо?

Я набираю побольше воздуха в лёгкие, но почти сразу с шумом выпускаю обратно, признаваясь:

— Слабо. Нет, может, и засуну, конечно, но с травмами и тогда, боюсь, слишком многие сделают неправильные выводы относительно того, почему я езжу на машине Котова.

— Не волнуйся, я всем буду говорить, что ты о-о-очень хорошо старалась, — тут же отзывается кошка, утаскивая из коробки очередной кусок пиццы.

— А я тогда буду говорить, что авто ты мне отдал, дабы не рассказывала никому, что там и стараться не над чем, — почесав мизинцем переносицу, парирую я, со вздохом откладывая корочку от того куска, который успела одолеть минутой ранее и который стал объектом обсуждения на тему вместимости и проходимости.

После того, как все мои вещи выгружены, а все Леонида, в количестве, меньшем примерно раз в пять, в свою очередь загружены в Лизкину машину, мужчины заявляют, что они перетрудились и хотят есть. А я, заглянув в холодильник, убеждаюсь — кулинарные способности здесь бессильны. Причём не только довольно скромные мои, но и любые вообще, потому как то, что можно приготовить из майонеза, сырного соуса и пары головок чеснока, едой назвать сложно.

К счастью, пиццерии сейчас на каждом углу, поэтому примерно через полчаса мы становимся обладателями двух одуряюще пахнущих коробок и бутылки колы. Лизка что-то бормочет о диете, то замолкает, стоит только напомнить об утренних кексах. То-то же, не мне одной толстеть.

— Так, а это что? — интересуюсь я достаточно громко для того, чтобы услышали сидящие в комнате.

Нет, мне, безусловно, известно, как выглядит сухой кошачий корм, и идентифицировать его остатки в синей миске, притулившейся в не просматриваемом от дверей углу, не представляет сложностей. Но вот понять, что, вообще, он в компании с чистой водой, налитой во вторую половину миски, делает в квартире Тимофея, уже сложнее. Неужели Котов так оголодал, что решил попробовать еду, соответствующую фамилии? И даже антураж создал? Бред какой-то!

— Ариэль, тебе говорили, что с твоим голосом только на рынке торговать?

Помянешь чёрта и вот он, входит вальяжной походкой на кухню, соизволив поднять венценосную задницу с дивана. И ещё руки тянет к моему лбу, словно желая проверить наличие температуры, но по ним же и огребает.

— Это что? — повторяю я, некультурно, но красноречиво указывая на обнаруженную кормушку.

— Господи, я думал у неё только с чувством юмора проблемы, а оказалось ещё и со зрением, — возводя очи горе, сообщает он потолку. — Что не так-то? Это Люцика, оставь в покое.

— Люцика? — глупо переспрашиваю я, не до конца понимая, о ком речь. Нет, логично, что о коте, но в квартире отсутствуют хоть какие-то следы его существования, как минимум лоток. Или... Точно, я слышала, у хозяев, потерявших питомца, иногда случается сдвиг в мозгах, и они считают, что несчастная животинка всё ещё рядом. — В смысле кота?

Котов, не догадывающийся о мыслях насчёт его психического здоровья, вновь закатывает глаза:

— Нет, тасманийского дьявола. Конечно, кота! Люцифер, Люциан, Люциус, — сама выбирай. В простонародии Люцик.

— Тем более он всё равно на имя не откликается, — уточняет от дверей Лёня, а Лизка согласно кивает.

— Эй, мне не говорили ни про каких кошек! — возмущаюсь, чуя подставу.

— Я же спрашивала, нет ли у тебя аллергии, — мило улыбается подруга, а я вспоминаю, что да, спрашивала. Пару недель назад и настолько мимолётно, что на это совершенно не

обращаешь внимание. Попробуй теперь вспомни, о чём она интересовалась ещё и догадайся, во что это может вылиться.

— Я с вашими сюрпризами разорюсь на парикмахерских, закрашивая седину. Вот так встанешь ночью воды попить и наткнёшься на какого-нибудь хорька, о котором тебе забыли рассказать. Ну, и где кошак?

Парни переглядываются, чтобы синхронно пожать плечами, а Лёня поясняет:

— А кто его знает? Этот валенок вечно дрыхнет где-то, выбирается по ночам. Да не волнуйся, он тихий, ты его не заметишь. Разве что дверью туалета греметь будет — прыгает на ручку и открывает, когда приспичит.

Я морщусь, выражая сомнение к его словам, но к чему спорить? Да, к животным я отношусь весьма индифферентно, но пока они не лезут ко мне, пусть творят, что хотят. Тем более озаботиться кошачьим кормом, в отличие от своего, Тимофей, кажется, не забывает. Ну, должны же у него быть хоть какие-то положительные черты.

Когда пицца подходит к логическому завершению, сладкая парочка собирается отчаливать, согласившись прихватить с собой пустые коробки.

— Так что, завтра в девять у корпуса? — решаю уточнить, когда они замирают на пороге, хотя мы с Лизкой наверняка ещё десять раз споемся по сети.

— Может, раньше? — с сомнением тянет она. — Пара в полдесятого, не успеем со всеми поболтать.

— Ладно, раньше, так раньше. Но если опоздаешь...

— Снова будет носиться по всей квартире, — подтверждает опасения Лёня, выглядывая из-за плеча своей девушки. И передразнивает, весьма похоже. — «Ах, где же моя плойка?»

— Эй, ты на чьей стороне, вообще?

— Конечно, на твоей, детка, но в кино мы тогда всё же опоздали, — целуя Бэт в надутые губы, успокаивает парень. И прощально взмахнув ладонью, тянет её к лифту, не иначе как собираясь продолжить процесс убеждения.

Входная дверь захлопывается, успешно имитируя щелчок гильотины.

— Ну что, к тебе или ко мне? — не придумав ничего лучше, нарушает повисшую тишину Котов и я, закатив глаза, молча удаляюсь в комнату.

Боже, дай мне терпения, а? Иначе ознакомлюсь с будущей профессией раньше выпуска, да ещё совсем не с той стороны, с которой нужно.

Конечно, я не Лизка и колготиться утром в поисках плойки мне не грозит хотя бы потому, что волосы такой длины вообще сложно накрутить, а значит, нечего и мучиться. Но чтобы не устраивать забегов, опаздывая, решаю разобрать вещи прямо сейчас. Хотя бы ту их часть, что пригодится завтра. Благо запланированный наряд привезён с собой из родного города и лежит в чемодане, а не где-нибудь на дне одной из коробок.

Да, первое сентября в университете совсем не то, что в школе. И если я явлюсь с двумя огромными бантами, боюсь, не все поймут. Но чёрная юбка-карандаш и белая рубашка... Мой нарциссизм поднимает голову, восторженно цокая языком на отражение в зеркале дверцы шкафа-купе. И я бы рада последовать примеру, но не могу. Потому как идеально подходящий узкий чёрный галстук словно канул в недра чемодана и найти его никак не удаётся. Приходится прямо так, неудобно маневрируя в узкой юбке, выгребать всё содержимое и наскоро распахивать по полкам, в поиске потеряшки, как назло

обнаруженном в самом конце.

— Ну, богиня же! — фрикативное «гэ» удаётся на славу, хоть сама я к коренному населению города не отношусь. Нескромно, не спорю, но впервые за долгое время мне действительно нравится, как я выгляжу.

Настроение портит разве что засунувшаяся в дверной проём голова, обозревшая меня с ног до головы с видом первопроходца и язвительно интересующаяся:

— С отражением разговариваешь? Дурку вызывать или ты не буйная?

Подтверждением, что очень даже буйная, да ещё какая, является полетевший в него носок, но, к несчастью, тот слишком лёгкий и до цели не долетает. Зато дверь захлопывается, в унисон с моим:

— Брысь отсюда, кошка облезлый, это теперь моя комната!

В конце концов, сам дал на это добро. И неплохо было бы замок врезать, в качестве превентивных мер. И ток к ручке провести. Эх, мечты-мечты.

Вообще, проснуться ночью от аккуратных массирующих ощущений в области груди — это приятно. Только не в том случае, когда спать ты ложились одна, а сама должность штатного массажиста в твоей жизни нынче вакантна.

Так что нет ничего удивительного в том, как я шарахаюсь в сторону, не оказавшись на полу лишь благодаря ширине кровати, а никак не собственной грации. И, щёлкнув с трудом нащупанным пультом от люстры, выдаю широко распространённое в узких кругах заклинание «Твоюмать!»

Чёрный кот, размерами конкурирующий со своим соплеменником Бегемотом, жмурит жёлтые глазищи и не высказывает ни одной эмоции из того широкого спектра, которые испытываю сейчас я. Люцик, значит. Тот самый, который ну совсем меня не побеспокоит.

Злость вскипает, как суп в плотно закрытой кастрюле. И также вот-вот грозит перелиться через край. Наглая морда продолжает игнорировать меня, видимо решив, что цель побудки достигнута, а значит можно перейти к чему-то более важному. Например, вылизыванию своей задней лапы. Как он вообще попал сюда?!

Приоткрытая дверь говорит сама за себя. Конечно, можно предположить диверсию со стороны Котова, но... Лёня же сказал, пушистый валенок умеет открывать дверь в туалет, ничто не мешало сделать то же с моей. Успокаиваемся, Крис, успокаиваемся, могла бы предположить такой расклад.

— И что мне с тобой делать, чудовище?

Хриплое «мряу» на ответ не тянет совершенно, но идея в голове всё равно формируется. И подхватив под живот что-то вякнувшую животину, оказавшуюся довольно увесистой, я крадусь к выходу. Ну как крадусь? Мой бараний вес отчего-то никогда не умел быть лёгким и возвышенным, так что топот босых ног вполне слышен, но раз уж зрителей и слушателей кроме Люциана нет, можно себе и польстить.

На двери Котова замок тоже отсутствует, что весьма самонадеянно с его стороны, но кто ему доктор, да? Если впускаешь в свой дом потенциального диверсанта, будь готов к тому, что на тебя внезапно свалится счастье в виде килограммов трёх-четырёх отборной кошатины.

— Млять! Люцик, я тебя на кастрацию отвезу! — над кроватью, как в мультиках, Тимофей не взвивается, но и громогласного вопля хватает моей душеньке, дабы почувствовать себя отмщённой.

И поддакнуть язвительно:

— Вот я так же подумала, когда он на меня залез.

Включившийся свет озаряет заспанного хозяина комнаты с пультом в одной руке и холкой кота в другой, демонстрируя заодно растрёпанную макушку, загорелый пресс (и вовсе я не пялюсь!) и голубые боксеры со Стичем.

— Радовалась бы, что хоть кто-то на тебя залезает, — о, а вот теперь окончательно проснулся. — Какого чёрта ты творишь?!

— Я творю? — проигнорировав нелицеприятное заявление, взрываюсь я. На часах три ноль семь, через четыре часа вставать, а я вынуждена разбираться с проблемами, которые возникли по вине кого? Правильно, вот этого гада, который ещё смеет претензии высказывать. — Знаешь, что? Да пошёл ты!

— Вообще-то я в своей комнате, детка, — и он так тянет последнее слово, что просто убить хочется.

— Люцик тебе детка, а не я! Понял?! — видимо фантазия проснуться не соизволила, поэтому придумать, что бы такого ответить, поядовитее, не удаётся. И решив, что хватит с него и самого факта пробуждения, я удаляюсь к себе. Доносящееся же в спину «классная татушка!» предпочитаю проигнорировать.

Конечно, было бы лучше подпереть дверь стулом, но нормальных стульев в квартире, похоже, не водится, так что приходится обойтись придвинутым чемоданом. От вторжения не защитит, но загремит, будь здоров, хотя бы о нём предупредив.

И забравшись в кровать, с выделенным с барского плеча постельным бельём веселой зелёной расцветки, зарываюсь под одеяло с головой. Синенький ушастый монстр клыкасто улыбается перед мысленным взором, вызывая смешок. Стич, ну надо же! А вы оригинал, господин Котов...

Утро — это утро и с теми, кто применяет к нему эпитет «доброе», я явно на разных волках fm-приёмника. А вот со старшим кошаком (ну теперь придётся конкретизировать), на одной. Выглядит уныло притащившийся на кухню Тимофей ещё хуже, чем моя версия «до душа», но хотя бы соизволил надеть шорты, так что не слишком смущает завтракающую общественность в нашем с Люциком лице и морде соответственно.

— Можно мы объязвим друг друга позже? — интересуется он таким тоном, что растаяло бы даже самое чёрствое сердце, куда уж моему.

— Ладно, салага, сейчас с тобой даже пререкаться неинтересно, — милостиво соглашаюсь я, подвигая к присевшему напротив Фею пиалу, сдёргивая с неё полотенце и возвращаясь к содержимому собственной.

— Цианид? — едва ли не засунув туда нос, предполагает он.

— Овсянка.

Вообще, овсянка — слишком громко сказано, это всего лишь хлопья, залитые кипятком. Пару пачек заботливая мама умудрилась засунуть мне в сумку, дабы не дать умереть с голоду в поезде и вот, гляди-ка, пригодились. Даже при учёте того, что один пакет пришлось пожертвовать в пользу бедных, иначе бы завтракать Котову Вискасом.

Говорить спасибо, похоже, никто не собирается, так что я наскоро доедаю остатки импровизации на тему завтрака, запиваю всё это дело чаем и учёсываю в комнату облачаться.

И вот уже оттуда доносится вопль раненого бизона...

Наверняка, Котову просто не хотелось пропускать возможный цирк, иначе, зачем ему врываться в спальню спустя примерно пять секунд? И выдохать разочарованно (разочарованно же, правда?), не обнаружив ничего криминального.

— Твой кот! — изжёванная и покрытая затяжками и шерстью тряпка, в которую превратился мой чудесный, любовно приготовленный с вечера галстук, почти утыкается ему в нос.

— Это что? — почти брезгливо интересуется Фей, отстраняясь.

— Вот именно, блин! Это что?! Что он натворил?!

— Наверное, принял это за ту фигню, которой Лиза с ним игралась в последнее время.

У него такой спокойный тон, что хочется повесить прямо на этом галстуке. Или повеситься самой, потому что я не провела на его территории и суток, а уже... Я зло взмахиваю полосой ткани, как пастух — кнутом. И прикрываю глаза.

Кому я жалуюсь? Ему плевать на мои беды, разве что поиздевается да настроение себе улучшит. И выдохнув, разворачиваю его носом к выходу, подталкивая вон из комнаты.

— Крис?

— Уйди с глаз долой, — получается почти жалобно, но должны же у него быть хоть крохи совести или чего-то, её заменяющего. Странно, но он слушается.

Весьма радуется, что юбку и рубашку, тщательно выглаженные, мне хватило ума убрать в шкаф. Иначе нет никаких гарантий, что их не постигла бы судьба галстука, так глупо оставленного висеть на выдвинутой ручке чемодана. И одеваясь, я успокаивала себя тем, что и без него буду выглядеть хорошо, но...

Но есть такие моменты, когда любая мелочь может стать последней каплей. Как сломанный прямо перед экзаменом в ГАИ ноготь и, в результате, заваленный «город». Как стрелка на потрясающе красивых чулках за полчаса до выпускного, едва успевший до ближайшего магазина папа, и моя недовольная физиономия на фото с того вечера. Как зверски растерзанный котом галстук в тот день, когда так хотелось выглядеть идеально.

Идея никуда не ходить, вернувшись обратно под одеяло, так притягательна, что приходится напомнить себе — речь юриста не самый важный предмет только для студентов, преподаватель считает иначе. И если я хочу получить зачёт автоматом, а не с третьей, примерно, сдачи, то начинать с прогулов не самая здравая мысль.

Крючки на рубашке, все двадцать три штуки, застёгиваю с нарочитой медлительностью, пытаюсь успокоиться. Молния на юбке, пуговица, расправить подол.

Лицо в зеркале навеивает ассоциации о театральной маске, с опущенными вниз уголками рта. Я понимаю, что не в галстуке дело. Точнее, не только в нём, а ещё в полетевших в тартарары планах. Но смиряться всегда получалось неважно, паршивый характер давал о себе знать. Наверное, поэтому ни один парень не выдерживал рядом больше нескольких месяцев. Ну, и потому что последний из них не считал поцелуи за спиной своей девушкой чем-то криминальным.

Стук в дверь настигает в том момент, когда я подцепляю за каблуки туфли из коробки и едва успеваю выпрямиться. И застигает врасплох, разумеется — в квартире никого, кроме двух кошек, у младшего лапы просто не приспособлены для этого, а старший едва ли настолько пришиблен культурой, чтобы стучаться...

— Ну? — тем не менее, это он, снова тянущий руки, куда не просят. Хотя нет, не тянущий, вынуждена признать, опустив взгляд вниз. — Это что?

— Компенсация, — Фей пожимает плечами, продолжая протягивать узкое полотно ткани, наверняка являющееся братом-близнецом моего, почившего смертью храбрых, галстука.

— И что я должна делать с твоей компенсацией?

В светло-карих глазах буквально бегущей строкой отражается поставленный мне диагноз:

— То же, что собиралась — повязать на шею.

— Какой ты умны-ы-ый, — нарочито-восторженно тяну я.

Конечно, предложенный им вариант хорош, я даже готова закрыть глаза на то, что собираюсь взять вещь у врага (и вправду ведь компенсация, а не подарок), вот только проблема несколько глубже, чем кажется. Мою удавку любезно завязала девушка, её продавшая. А что делать с полосой в метр длинной? Как шарфиком обмотаться?

То ли у меня такое говорящее выражение лица, то ли в роду Котова записались телепаты, но он на раз угадывает причину заминки. И интересуется недоверчиво:

— Да ладно? Ты что, не умеешь завязывать галстук?

— И где бы, по-твоему, я должна была научиться? — огрызаюсь я, всё равно чувствуя себя при этом сконфуженно. Но папа терпеть не мог данный аксессуар и надевал последний раз на собственную свадьбу, кажется, а на ком ещё мне тренироваться?

— Ну что за поколение, а? — как старый дед бубнит под нос Фей и делает шаг вперёд, заставляя меня машинально попятиться.

— Эй, ты чего?!

— Не дёргайся.

Я, наверное, слишком шокирована, именно поэтому замираю женой Лота. Да так и стою, пока он отгибает воротник, набрасывает галстук на шею и начинает ловкими, явно отточенными движениями формировать узел. А затем поправляет его, почти касаясь пальцами груди. Не касаясь, на самом деле, но мне и того хватает, чтобы отшатнуться.

— Дальше сама справлюсь, — уведомляю, вместо спасибо. Не дожждётся, сам виноват, что его животное невоспитанное причинило ущерб моему имуществу.

Он дёргает плечом, соглашаясь. И выходит из комнаты, не оборачиваясь и не говоря больше ни слова.

Странные же мужики существа, а?

Решение оставить машину у дома и идти пешком, даётся с большим трудом. Но до корпуса минут двадцать неспешным ходом, до встречи с друзьями около получаса, а парковка наверняка уже забита теми, кто приехал к восьми. Да и погода всё ещё не отошла от августа, так что, похлопав Акцент по капоту, выхожу со двора.

Основная масса первоклашек уже сидит по классам, но парочка с бантами о которых я мечтала вчера и букетами, так и норовящими перевесить владельцев, по дороге встречается. И я чувствую, как улучшается настроение, а губы сами разъезжаются в улыбке.

— Эй, детка, подвести?

Вот чёрт его принёс, не сам пришёл. Я перевожу взгляд на медленно едущую параллельно тротуару машину. Правое переднее окно открыто и убедиться, что это не слуховые галлюцинации, не представляет сложности.

— Проблемы с памятью? Люцик тебе детка, не я.

На самом деле, ненавижу это слово, отдаёт пошлятиной и девочками по вызову. И если кого-то устраивает, то меня — точно нет.

— Да брось, Ариэль, нам всё равно по пути.

Несомненно. Как и тот факт, что если я приеду на старой машине Котова, есть шанс отмахаться от слухов (могла же я её купить, например), а вот если вместе с ним на новой... Нет, спасибо, на такое я не подписывалась.

К счастью, он не собирается сильно настаивать. И бросив что-то, подозрительно похожее на «баба с возу», прибавляет газу. Красная Ауди шустро скрывается за поворотом, оставляя меня в покое.

Поезжайте сударь, поезжайте. Вам ещё место для парковки искать, желательно подальше от знака «работает эвакуатор».

Когда я подхожу к корпусу, пожарной машины Котова на горизонте нет, что даёт все основания немного позлорадничать. Да-да, так тебе и надо, мажор! Шёл бы пешком, сейчас не колесил в поисках свободного пятачка.

Нет, если быть совсем уж честной (перед самой собой-то, почему нет?), на мажора Фей не тянет. По крайней мере в том смысле, который обычно вкладывается в это слово. Не пропадает ночами напролёт в клубах, не носит брендовых вещей, оплаченных из родительского кошелька, да и квартира ему досталась от дедушки. А ещё Котов сам поступил на бюджет по результатам ЕГЭ, что для меня, которой не хватило буквально нескольких баллов, давно является предметом зависти. Как и тот факт, что уверенно идя на красный диплом, он умудряется подрабатывать написанием докладов, курсовых и дипломов по всем трём специальностям. А если учесть, сколько эти услуги стоят... Средняя зарплата офисного работника, за месяц наверняка набегает.

Хотя вот новое авто в рамки-то не вписывается.

В курилке, а точнее внутреннем дворе, часть которого отделена резной беседкой под эти нужды, настоящее вавилонское столпотворение. Так что найти кого-то с моим ростом представляется задачей весьма сложной. Но едва успеваю запустить руку в сумку в поисках телефона, как Лизвета сама замечает меня и летит на крыльях любви. Точнее — на каблуках не менее двенадцати сантиментов. Кто ей вообще такие продал, а? Мы же опять на Гэндальфа и Фродо похожи, несмотря на то, что я сегодня тоже не в кедах.

— Вечно тебя ждать приходится! — вместо приветствия выпаливает подруга и продолжает, не давая и рта открыть. — Ты видела Маркова? Явился за ручку с Фирсовой, козёл!

— Бэт, мне давно это не интересно, пусть хоть с Ленцовым за ручку гуляет, — закатываю я глаза, всё же непроизвольно оглядываясь по сторонам, в поисках мерзкого бывшего. — Твой-то где ходит?

— Лёня? У них первая в половине двенадцатого, что ему так рано тут делать?

Например, то же, что собрался делать Котов, припёршийся на два часа раньше. Знать бы только, что именно.

— Доброе утро, ангелы!

К счастью, знакомый голос звучит раньше, чем я успеваю отреагировать на улёгшуюся на плечи руку прицельным ударом по рёбрам. И произношу, одновременно с Лизкой:

— Доброе утро, Чарли!

Улыбающийся во все двадцать восемь приятель получает по поцелую в обе щеки, а затем и влажную салфетку, дабы стереть отпечатки насыщенно-красной и бледно-розовой помад.

— Где нашу третью потерял? — я оглядываюсь по сторонам в поисках его девушки, но... помним про рост, это дело практически бессмысленное.

— Дашка опять провозилась до последнего и теперь «жуть как опаздывает». К паре обещала прискакать, — Никита баскетбольным ударом забрасывает салфетку в урну по соседству и вновь обнимает нас за плечи. — Ну что, как лето?

— Лучше всех, — Лиза, совершенно не стесняясь, укладывает голову ему на плечо.

Потому что к Нику ревновать не станет даже самый отеллистый Отелло — для него других девушек, кроме собственной, попросту не существует. — Цвету и пахну. Лучше у неё спроси, — острый ноготок указывает в мою сторону.

— Та-ак, и чего я не знаю? Что натворила?

Переписывались мы в основном с Дашкой, но уж об аварии она ему наверняка рассказала. А вот о произошедших в последние два дня рокировках я поведать пока не успела, теперь и расплачиваюсь. Хотя эту тему, если честно, вообще предпочла пусть не замолчать, так обсудить в более приватной обстановке. О чём и сообщаю играющему бровями парню, сооротив Лизке злобную рожицу, когда та суфлёрским шёпотом раскрывает секрет Полишинеля.

— Да ладно? — теперь брови Громова, который в курсе моих взаимоотношений с Тимофеем, приподнимаются совсем не наигранно. — И как первая ночь в обители зла? Надеюсь, ты положила под подушку дробовик? Или хотя бы электрошокер.

— Не подготовилась, — тоскливо вздыхаю я. — Ты когда-нибудь просыпался от того, что тебе в лицо тычется котячья морда и говорит «Мяу»?

Друг ехидно ржёт, видимо представив эту картину. А потом успокаивает:

— Когда Дашка осталась у меня ночевать первый раз, проснулся от того, что она трясла меня и требовала прекратить храпеть. Это считается?

Не к месту возникающую мысль о том, храпит ли Фей, я заталкиваю куда подальше. Мне-то какое дело, верно?

Моё нежелание напрочь игнорируется, так что приходится всё же делиться подробностями, включая принятую за цианид овсянку (и подружкин настойчивый вопрос, точно ли я никого не отравила), но исключая историю с галстуком. Потому как это такой повод постебаться и напредполагать всякого разного, что эти двое просто не удержатся.

И лишь чьё-то громогласное «эй, народ, звонок скоро!» заставляет нас разбежаться по аудиториям, с клятвенным обязательством встретиться на следующей паре, которую Ник обещает прогулять, раз уж у нас окно.

Первая пара в новом семестре — почти всегда желание поболтать с тем, кого давно не видел и ноль внимания на преподавателя. Впрочем, не скажу, что остальные от неё так уж отличаются. Вот только нынешний препод такой возможности давать не собирается и при любом шуме начинает буравить аудиторию взглядом, прерывая монотонный ход лекции.

У нас с Лизкой копии конспектов, пожертвованные Дарьей, давно лежат дома, так что утруждать себя и записывать их ещё раз, мы не собираемся. И, вытащив из блочной тетради несколько листов, ведём оживлённую переписку. Точнее, оживлённая она со стороны подруги, я же едва успеваю ответить на один из десяти заданных ею вопросов, прежде чем обрушится новая лавина или же отреагировать чем-то вроде «да ладно?» на какое-то животрепещущее сообщение.

Когда же запал иссякает, я подтягиваю к себе оставшиеся листы и перехожу к делу менее интересному, но более нужному. Правда, перед этим стоило бы...

«Есть телефон Котова?»

Я подталкиваю бумажку к Лизавете и ещё ручкой её в бок тыкаю, для ускорения. А затем наблюдаю причудливо округлившиеся голубые глазки.

«Тебе зачем?!»

«Закидаю его анонимными любовными сообщениями»

Ехидство проявляется даже на бумаге, и подруга кривится, но послушно достаёт

смартфон и, открыв на экране нужную информацию, двигает его ко мне.

Одиннадцать цифр под словом «Фей» (ага, не иначе как после вчерашнего переименовала) перекочёвывают в мой телефон. И вернув белый айфон владелице, я захожу в сообщения.

Я сомневаюсь, что у кошки тоже есть мой номер, но представляться не собираюсь. И набрав «На что у тебя аллергия?», нажимаю кнопку «отправить».

> «Статья 105 УК РФ»

Придурок. Вот правда придурок, было бы за кого потом сидеть, от шести до пятнадцати.

«Скорее 109-я, если ты не ответишь на вопрос»

> «Тебе зачем?»

Сговорились они с Лизкой, что ли? Я кощусь на подругу, но та уже занята высокоинтеллектуальным открыванием дверей в игрушке и в мою сторону даже не смотрит.

«Если у тебя случится анафилаксия от каши на молоке, сам виноват!»

> «Миндаль, мёд и устрицы»

И едва я успеваю прокомментировать буржуйский морепродукт, приходит следующее сообщение.

> «И я не люблю гречку!»

Не люблю гречку и не ем гречку, понятия совершенно разные. Я, например, терпеть не могу рисовую кашу, зато обожаю плов. И именно поэтому, а также из желания мелкой, но такой приятной мести, первым же пунктом списка покупок вношу именно эту крупу.

Необходимость платить за съём квартиры отпала, так что предназначенные для этого деньги вполне можно потратить на пополнение запасов съестного. Потому как потерпеть завтрак из пакета один день я способна, но не каждый же! И даже надеюсь управиться с покупками своими силами, пока столбик необходимого не переползает на обратную сторону листа. Тут уж приходится признать, что обратиться за помощью идея не просто неплохая, а прямо-таки отличная.

Остаётся только придумать, кого зафрахтовать — Никиту или Лёню. Первый видится более приемлемым вариантом, потому как с Ником мы знакомы уже три года, а Лизкин парень лишь недавно перешёл из категории «друг моего врага», но... Но Лизавета наверняка захочет составить мне компанию, так пусть сама бойфренда и агитирует, дабы не пришлось взваливать всё на наши хрупкие плечи. Разработав в общих чертах коварный план по привлечению рабсилы, я вписываю очередным пунктом мёд. А вот нечего, я-то его люблю!

Кто сказал, что шопинг это исключительно приятное времяпрепровождение? Дайте, я пожму ему горло! Нет, возможно, некая доля правды в словах есть, но лишь в том случае, когда речь идёт о покупке первого понравившегося и подошедшего платьишка, а никак не о петлянии по десятку рядов гипермаркета, в котором, как хвастливо заявляет реклама, «найётся всё!». И уж точно не об игре в тетрис, потому что тележка внезапно оказывается не в силах вместить всего, что необходимо приобрести.

А уж длина чековой ленты и итоговая сумма на кассе вовсе вызывают желание подвязать нижнюю челюсть бинтиком, чтобы не отваливалась так сильно. Успокаиваю я себя лишь тем, что большая часть покупок рассчитана не на ближайшие несколько дней, а на месяц как минимум. А приправы, стоимость которых вызывает судорожные подёргивания моей внутренней жабы, и того больше. Хорошо ещё, что не стала покупать шафран...

Моральная поддержка Лизаветы и грубая мужская сила в Лёнином лице, существенно

упрощают и ускоряют процесс, но домой я всё равно попадаю ближе к восьми. Друзья помогают поднять покупки на этаж и даже затащить их в квартиру, расположив в художественном беспорядке на полу кухни, а затем отчаливают к себе. Я успеваю лишь поблагодарить и немного поехидничать над парнем подруги, демонстративно утирающим со лба несуществующий пот, но получаю сумкой по заднице и успокаиваюсь.

Едва дождавшись щелчка замка, я с громким блаженным стоном стягиваю туфли. Господи, кто бы дал ума не надевать каблуки, если предстоит весь день скакать аки сайгак! Мысленно отчитывая себя за глупость, временно забываю про пакеты и хромаю в спальню, потому что единственным желанием сейчас является переодеться в домашнее и окунуть горящие конечности в холодную воду.

Конечно же, по закону подлости Котов является именно в тот момент, когда немного придя в себя, я начинаю распахивать купленное по ящикам и полкам.

— Это что? — Фей замирает в дверном проёме, облокотившись на откос плечом и поигрывая ключами от машины с видом «круче меня только варёные яйца».

— Это? — я перевожу взгляд на банку зелёного горошка в руках, стараясь игнорировать тот факт, что пару секунд назад стояла на карачках, выставляя консервы на нижнюю полку. — Это называется еда. В твои годы пора бы знать, что она не ограничивается пельменями и сосисками.

Впрочем, последние я тоже приобрела, но уже успела убрать в холодильник. Как и часть мяса, стратегический запас которого утрамбован на будущее в морозильную камеру.

— Я догадался, — отчего-то он не хочет поддержать пириковку. — Какого чёрта ты сама всё тащила?

Я поднимаюсь, поправляя задравшиеся шорты, и перевожу на него удивлённый взгляд. Не поняла, это что ещё за претензии?

— Тебе какая разница, сама или не сама? Помогли мне, дальше что?

— Мне сказать не могла? — он, похоже, натурально злится, что совершенно не находит понимания в моей голове. И, что логично, злиться начинаю уже я.

— С какого я должна тебе что-то говорить?! Ты хотел личного повара? Будет тебе личный повар. Остальное тебя волновать не должно, — я возвращаюсь к пакету, давая понять, что тема закрыта.

Но упрямый кошка, кажется, считает иначе. И цепко ухватившая чуть выше локтя рука, разворачивает меня к нему:

— Я сам в состоянии купить продукты.

— Ага, я заметила. Повесившуюся в холодильнике мышь ты точно приобрёл сам. Или вы её поймали с Люциком на пару?

— Крис... — тон получается зловещим, но меня подобным не напугать.

— Отвали, Котов. Чего ты привязался?

— Сколько ты потратила?

— Чего-о? Ты ещё деньги мои посчитай, ага. Сколько нужно, столько потратила. Всё, иди отсюда, ужин будет позже, — это звучит так по-домашнему, словно сварливая жёнушка отчитывает мужа, что мы оба замираем на секунду. А потом до меня доходит — от возмущения я успела приподняться на цыпочках, и теперь стою с Феём лицом к лицу, почти вплотную. И, осознав это, тут же отшатываюсь назад.

Он медлит, как будто что-то выискивая в выражении моих глаз, а затем кивает

раздражённо:

— Хорошо. Месяц покупаешь ты, месяц я, — и только открываю рот, чтобы возмутиться, припечатывает. — Не обсуждается. И так себя альфонсом чувствую.

Он выходит с кухни, через несколько секунд слышится громкий хлопок закрывшейся в конце коридора двери, а я все стою, пытаюсь осознать, что это было. Неужели кошака правду так корёжит от мысли, что для него что-то купила девушка? Да ну, бред какой-то... Но оставлять последнее слово за ним не собираюсь и кричу вдогонку:

— Ты ещё голодовку устрой, истеричка!

Интересно, грохот в его комнате мне только послышался, м?

Готовка — это не процесс, скорее искусство. Наверное, поэтому я терпеть не могу готовить в тишине, обязательно нужен подходящий саундтрек. И притащив из спальни телефон, захожу в Vk, открывая подходящий альбом в аудиозаписях. Звуки французского мюзикла наполняют помещение, а значит можно переходить к делу.

Кто там мне говорил, что кот спит целыми днями? Я едва успеваю закрыть дверцу холодильника, достав мясо, а Люцик уже тут, как тут, кружит под ногами, заставляя спотыкаться на каждом шаге. Приходится отрезать небольшой кусочек и жертвовать его в пользу голодающих мохнатых, пока меня не уронили окончательно.

При тщательном осмотре закрывшейся оказывается, что у Фея есть мультиварка, причём достаточно навороченная, а это существенно облегчает мою жизнь. И включив её на прогрев, начинаю нарезать свинину кубиками, параллельно решая, вредничать ли до конца и готовить гречку по-купечески, либо ограничиться пловом.

Гортанное «мряу» извещающее о том, что кот со своей долей расправился, решаю засчитать за голос в пользу второго варианта. Плов, так плов. Я вообще сегодня добрая.

Я уже была в его спальне сегодня ночью, так почему сейчас замираю перед дверью, с трудом заставляя себя поднять руку и постучать? Разве что-то изменилось, раз я не могу ворваться с разбега и надавать Котову по голове, хотя бы морально?

Глупости. Конечно глупости, убеждаю себя позже, когда он устраивается на стуле, подозрительно приглядываясь (хорошо не приняхиваясь) к содержимому тарелки. И выкладывая на салфетку нарезанный хлеб, как та самая жёнушка, сменившая гнев на милость, присаживаюсь так, чтобы не оказаться ровно напротив.

Громкость музыки убавлена до едва слышимой, на плите бурлит бульон для супа, а объевшийся кот плющит морду о подоконник. И всё так непривычно и привычно одновременно, что у меня просто крыша едет.

Чем я только думала, соглашаясь переехать сюда? Не головой, так уж точно. Ещё не поздно поискать другой вариант, может, даже бросить клич в чат университетской группы в вайбере, но я как-то очень чётко осознаю, что не буду этого делать. Потому как умудрилась с первого взгляда влюбиться в эту квартиру, пусть она и принадлежит противному кошаку, который ест с таким видом, будто вот-вот ложку начнёт облизывать. Потому как не успела пока поваляться в королевской ванной, напуская туда пены, и устроить фотосессию в зеркальных дверях шкафа в коридоре. Потому как в мысленном плане действий уже с десяток пунктов, вроде полировки тех самых зеркал, избавления от налёта стенок душевой кабины и вычёсывания кота. А в комнате ждёт своего часа купленный сегодня комплект постельного белья, с жёлтыми розами на чёрном фоне.

— Спасибо, было очень вкусно, — несвойственный Котову тон мальчика-зайчика вырывает меня из мыслей.

И, оторвавшись от собственной тарелки, наблюдаю, как Фей споласкивает посуду под краном и складывает её в посудомойку. А затем щёлкает кнопкой кофеварки, даже не удосужившись убедиться, есть ли там вода.

— Кофе?

— Не пью, — качаю головой. — И тебе не советую, ты от него агрессивный какой-то.

«Мрряу» с подоконника подтверждает солидарность Его Котейшества с предположением. Но старший кошка лишь щурит глаза и отворачивается к шкафчику, доставая кружку, сахарницу и ложку. И уже так, словно мимоходом, интересуется:

— Тебе, правда, не слишком сложно?

— Терпеть твою мерзкую натуру и перепады настроения? Сложно, но я справлюсь. Не забывай кушать антидепрессанты, и мы уживёмся.

Я понимаю — шпилька улетает в молоко, который раз за день, когда Фей уточняет, что он, вообще-то, о готовке. Вот тут уже не выдерживаю, встречаясь с ним взглядом.

— Ты же не хочешь предложить заниматься этим тоже по очереди? Мой желудок не настолько лужённый, а язва в двадцать лет совсем не комифо.

— Я умею...

— Бэт тоже умеет, — перебиваю, не желая слушать получасовую лекцию о том, какой он замечательный и незаменимый. — Переводить продукты и портить посуду. Успокойся, Гордон Рамзи, я не собираюсь стряпать фуа-гра по вечерам, а с остальным как-нибудь справлюсь.

Он кивает, убеждённый аргументом, а затем удаляется, наполнив кружку приготовившимся кофе. А я достаю из упаковки резиновые перчатки и становлюсь к раковине. Мыть несколько тарелок в посудомоечной машине самый натуральный бред. Что бы там этот буржуй себе ни думал.

Время близится к ночи, когда я, наконец, заканчиваю с запланированными на сегодня делами и заваливаюсь в кровать. Ножки, успевшие отдохнуть от пыточных колодок, почти не болят, но я всё равно задираю их вверх, упираясь в стену. И даже притаившийся кот (следит он за мной, что ли?), посчитавший нужным распластаться рядом, не раздражает. А вот нудящая на краю сознания мысль, очень даже.

Некоторое время я ещё пытаюсь справиться своими силами, но потом не выдерживаю, отправляя подруге сообщение с вопросом, не занята ли она.

Лизка перезванивает буквально через несколько секунд, как всегда верно угадав всего по двум словам, что что-то не так.

— Ты уже убила его и теперь нужно помочь спрятать труп? — интересуется она, едва я успеваю взять трубку.

— Наоборот, — вопрос для одиннадцати вечера вполне логичный, но где её деликатность? Впрочем, о чём это я.

На некоторое время повисает тишина, а затем Лиза констатирует:

— Так и не придумала, как может быть «наоборот». Воскрешением ты, насколько я помню, не владеешь. Что?

Я с силой надавливаю пальцами на глаза, пока не появляются звёздочки, и признаюсь:

— Не знаю. Он какой-то странный. Лёня не говорил, Котову на голову ничего не падало

сегодня?

— По-моему ваши взаимоотношения вообще странные настолько, насколько это возможно. И что он на этот раз сделал?

Поблагодарил меня за ужин. Отругал за переноску тяжестей и самостоятельную покупку продуктов. Уточнил, не будет ли сложным готовить каждый день. В моей голове это и вправду казалось до безумия странным, но будучи произнесённым вслух... Я даже не обижаюсь, когда подруга хохочет в трубку.

— Женщина, ты вообще адекватна? Любую спроси, она мужика с такими «странностями» с руками оторвёт. Чего тебе не нравится?

— А ничего, что он ещё вчера язвил и хамил, а сегодня весь такой добрый и пушистый? — рука машинально начинает перебирать шерсть подгрёбшего поближе Люцика. — Хочешь, не хочешь, а начнёшь подвох искать.

— Боится, что ты слиняешь, и он опять останется посреди бардака с пачкойпельменей в обнимку? — предполагает Лиза. И куда-то в сторону, едва слышно, говорит, что скоро придёт, из чего я делаю — вывод разговор пора сворачивать. — Крис, не создавай себе проблем на пустом месте, а? Вот увидишь, завтра опять будете плеватьсся ядом к взаимному удовольствию.

Не слишком верится, но задерживать подругу больше не хочется, так что я отключаюсь, ставлю будильник и отбрасываю телефон в сторону. А затем заползаю под одеяло, вытянувшись на новом, пока чересчур гладком и специфично пахнущем белье. Спать-спать-спать. И ни о чём не думать. Как бы только освоить эту секретную методику, а?

Как успевать учиться, работать и заниматься домашними делами? Пока правильный ответ — никак, но я с ним примиряться не собираюсь, пытаюсь найти хоть какое-то подобие равновесия. Потому как дело не в невозможности подобного вообще, а скорее в разленившемся за два месяца организме, который не хочет входить в колею, а жаждет и дальше предаваться бренности и шатанию.

К концу недели старания дают свои результаты, мне даже удаётся договориться с несколькими преподавателями о посещении занятий с другими группами и освободить, таким образом, вторую половину вторника и четверга. Квартира к этому времени отдраена до адекватного состояния, остаётся только поддерживать порядок, что не так сложно. А готовка по методу день первое, день второе, устраивает всех жителей нашего теремка, включая Люциана, который к Вискасу стал практически равнодушен.

И, в общем-то, всё было хорошо, но... Но в воскресенье, расположившись за столиком фуд-корта в компании вытащившей меня на обед Дашки, я чувствую себя выжатым лимоном.

— Да ешь ты уже эту картошку, хватит в ней ковыряться, — подруга, успевшая расправиться не только с собственной порцией фри, но и с куском пиццы, страдальчески закатывает глаза. — Ау, Земля вызывает Кристину.

— Отстань, я спать хочу, — я зеваю в подтверждение сказанного, прикрыв рот ладонью. — С половины девятого на ногах.

— И кто виноват? Я тебе сразу сказала, бросай работу, ты не на заочке учишься, чтобы совмещать.

— Два года мне это отлично удавалось!

— Два года у тебя не было преддипломного курса. Крис, у вас пока только начитка идёт, дальше будет хуже. Ты к сессии ноги протянешь. Я и без работы на зомби похожа была.

Я вновь зеваю, а потом кладу в рот пару долек картошки и жую их, почти не чувствуя вкуса. Спорить лень, тем более в словах Дашки есть резон, но терять заработок, пусть и не самый великий, совсем не хочется.

— Мама тоже говорит бросать, — признаюсь, наконец. — Но там машину ещё покупать придётся, опять траты. Не хочется их обременять лишний раз.

— Нафига тебе машина? До корпуса три шага, проще пешком, — счастливая пассажирка девяностого маршрута тербит кончик косы.

— Ну не вечно же я буду у Котова жить. Найду квартиру где-нибудь в Северном, вот оттуда на автобусе кататься весело, ага.

На самом деле, хоть я и не обдумывала эту тему серьёзно, она всё равно периодически возникает в мыслях. Пока меня всё устраивает, но продолжаться вечно так не может и причин этому — тысяча и одна. А значит, рано или поздно, придётся искать новое обиталище. Год бакалавриата, два — магистратуры... За это время столько всего может измениться, даже предполагать не берусь.

— А вообще у вас как? Не попереубивали друг друга?

Дашка в курсе лишь того, что ей рассказывали мы с Лизой, но и этого хватает, чтобы представить то поле битвы, в которое мы с Феём способны превратить его трёшку. Но, как ни странно, не превратили. Хотя да, второе же совместное утро началось с привычной

перепалки, подтвердив Лизаветины предположения и успокоив мою душу. Всё-таки к такому Котову я привыкла больше, чем к пытающему проявить джентльменскую часть натуры, доселе скрытую под семью печатями.

И на вопрос развожу руками:

— Как видишь. Но там, правда, ничего нового. А вот Ник вчера какой-то загруженный был. Поругались?

Приходит черёд подруги заинтересованно копаться в содержимом собственного подноса.

— Проблемы в Раю?

— Скажешь тоже, в Раю...

Скажу. Непременно скажу, как и любой, кто хоть раз видел эту парочку неразлучников. Они же словно созданы друг для друга, этакая российская версия инь-ян. Но Дарья, похоже, думает иначе.

— В том, чтобы встречаться с лучшим другом определённо есть свои плюсы, но иногда... иногда я думаю, должно же быть что-то кроме, верно? Кроме дружбы.

— Секс, — подсказываю я. Наверное, слишком громко, потому как дама за соседним столиком косится в нашу сторону на редкость неодобрительно.

Подруга же лишь отмахивается:

— С этим тоже всё отлично. Просто этот штиль, он иногда надоедает. И хочется какого-то взрыва, надрыва... Не знаю. Не ровного такого огня, а знаешь, чтобы раз — и пламя до неба. Я дура, да? Когда-нибудь Никитка это осознает и найдёт себе нормальную девушку, которая будет любить его так, как он того заслуживает, а я останусь у разбитого корыта со своими мечтами о плясках у костра.

Я вовсе не считаю Дашку дурой, хотя бы потому, что сама мыслю похоже. Немного странно в двадцать с хвостиком считать себя экспертом по отношениям, но кое-какой имеющийся опыт говорит о том, что среднестатистический идеал не по мне. Тишь и гладь — это прекрасно, но лишь пару месяцев, не больше. А дальше начинаются ссоры и скандалы, чтобы хоть так получить недостающую дозу эмоций. И никакая там любовь не способна удержать рядом с человеком, от которого периодически зевать тянет. Потому не отвечаю, не желая беречь этот муравейник. И улыбаюсь, насмешливо:

— Громов найдёт другую? Ты сама-то себе веришь? Если это когда-нибудь случится, буду знать, что апокалипсис близко. Его мир вращается вокруг тебя, смирись уже с этим. И пальчик под колечко начинай постепенно освобождать, ага.

Судя по взгляду, подруга много чего хочет сказать, но телефон звонит раньше, чем она успевает открыть рот. А наворковавшись с темой последних минут нашей беседы, Дашка поднимается со стула, подхватывая сумку:

— Ник привет передавал. Он внизу, там с парковкой как всегда задница, так что я поскакала, ладно?

Я подтверждаю, что ничего не имею против, тем более скоро пора возвращаться на рабочее место, получаю поцелуй в щёку и наблюдаю, как подруга устремляется к эскалатору. И, оставшись наедине с самой собой (а ещё колодцем из картошки, который когда-то успела соорудить), задумываюсь, что она, всё же, права. Кроме крепкой дружбы, отличного секса и мифического зверя под названием «любовь», должно быть что-то ещё. Определённо должно быть, иначе какой в этом всё смысл?

В квартире орёт музыка и витает едва ощутимый запах лимона. Я останавливаюсь на пороге, пару раз глубоко втянув воздух носом и пытаюсь идентифицировать источник.

— А, это ты? — Котов вырывается из гостиной, одетый в привычные уже шорты и напроочь игнорирующий такой элемент гардероба, как футболка.

— А ты кого ждал? — огрызаюсь, не поднимая головы, пытаюсь распутать шнурки на кедах.

Ему прекрасно известно — работаю я по полдня, так что если жаждал приятно провести с кем-то время, возможностей было предостаточно. Или это способ показать, кто в доме хозяин? Но возмущение не успевает перейти в словесную фазу, прерванное звуком дверного звонка.

— О, а вот и роллы, — Фей беспардонно отодвигает меня в сторону, обхватив руками за талию, и распахивает дверь.

Гадкий шнурок наконец-таки поддаётся и, довольная освобождением, я умудряюсь даже проигнорировать беспардонное поведение Котова, за которое в любом другом случае он точно получил бы по башке. Но тот, кто хоть раз проводил на ногах семь часов подряд, присев лишь ненадолго, точно меня поймёт. Всё, чего хотелось — эти самые ноги вытянуть (хорошо ещё, что не протянуть), а не тратить драгоценные секунды на бессмысленную ругань.

На кровать я падаю прямо в джинсах и футболке, едва не придавив Люцика, который повадился спать именно здесь, игнорируя все остальные места и мнение хозяйки комнаты тоже. К счастью, я уже успела его вычесать, так что количество чёрной шерсти на вещах существенно сократилось.

В таком положении, лицом вниз и, соответственно, задницей вверх, меня и обнаруживает Фей, привычно засунувшийся в неплотно прикрытую дверь.

— Эй, подъём!

— Чего тебе? — и не думая подниматься, вопрошаю я.

— Что значит — чего? Сказал же, роллы приехали.

— Не вижу логики между тем, что что-то приехало и тем, что я должна встать. Или ты пожелания приятного аппетита ждёшь? Окей, приятного аппетита, Тимофей Игоревич. А теперь сгинь.

— Ариэль, я не могу есть твоих подданных в одиночестве, мне совесть не позволит, — насмешливый голос звучит ближе, судя по всему ему надоедает топтаться на пороге. А затем, осознав, что я продолжаю игнорировать, Фей совершает абсолютнейшую подлость...

Говорят, что те, кто боится щекотки, очень ревнивы. И я — отличное тому доказательство.

— Придурок! — перевернувшись, кажется, ещё в воздухе, я едва не попадаю рефлекторно дёрнувшейся ногой (той самой, которую этот гад додумался пощекотать) по наглой морде так предусмотрительно наклонившегося кошки.

— Стоп, стоп, брейк! — он отступает на шаг и поднимает руки. — Чего ты бесишься?

— Бешусь? Я лежала спокойно и никого не трогала, а ты пристал, как банный лист к... Что тебе нужно, Котов?

— Просто предлагаю тебе перекусить. Это преступление? Или у тебя предубеждение к японской кухне?

Предубеждения нет. Более того, стоит только подумать о роллах, рот начинает наполняться слюной. А если учесть, что вольная импровизация на тему обеда была часа

четыре назад...

— Ты ничего не делаешь просто так, — я наставляю на него палец, словно ожидая, что тот сработает, как волшебная палочка, и Фей тут же раскроет все свои грязные секретки. — Там яд? Слабительное? Приворотное?

— Бред преследования или ситофобия? — деловито уточняет в ответ он, получая лёгкий пинок по голени. Так, в качестве предупреждения. — Ладно, понял, диагноз засекречен. Ну, мы всё обсудили?

— Нет. Но можем перенести обсуждение. Сытые люди обычно расслабляются и теряют бдительность, — в конце концов, мы каждый день завтракаем, а иногда и ужинаем вместе. Ничего страшного, если сегодня, ради разнообразия, пропитанием озаботится он. — Выметайся, мне нужно переодеться.

Послушный мальчик Тимоша идёт к двери и, когда я уже готова удивиться этой покладистости, предлагает:

— Можешь просто раздеться, я постараюсь это пережить.

О, а вот и знакомая упыриная натура. Как же я скучала!

Запах ведёт не на кухню, как ожидалось, а в гостиную. И едва сделав шаг за порог, замечаю не только два полупрозрачных контейнера и несколько маленьких с соусом (переложить всё на тарелки ума не хватило?), но и пару хайболлов по соседству с бутылкой рома.

— Это что?

— Капитан Морган, — «конкретизирует» Фей, открывая на телевизоре какой-то сайт с фильмами.

— Я догадалась. Нафига?

— Не любишь ром? Чисто теоретически, есть самбука и абсент, но завтра пары в половине десятого, я бы не советовал...

— Котов, не беси! — я усаживаюсь на диван, как можно дальше от него, и скрещиваю руки на груди.

— Да что опять не так-то?! Да, я решил spoить тебя и затащить в постель. Как тебе вариант? — на скепсис в моём взгляде Фей закатывает глаза. В последнее время — это вообще один из любимых его жестов. — Проще кобру взасос поцеловать, чем с тобой общий язык найти... Мы с Лёником по воскресеньям обычно пили пиво и смотрели что-нибудь по ящику. А раз уж ты теперь мой сосед по квартире... Ты пиво будешь?

Я морщу нос. В той гадости, что я пила в «Галактике» от пива было исключительно название, а вот нормальное, настоящее так сказать, я терпеть не могла. И ром при таком раскладе виделся и впрямь лучшим вариантом. Тем более количество, нужное для того, чтобы оказаться в одной постели с этим кошаком, в меня попросту не влезет.

— Ладно, считай, отбрехался. В холодильнике кола была...

— И лёд захвати.

Пока я выуживаю из формы льдинки, сбрасывая их в пиалу, и достаю бутылку с Пепси, из комнаты интересуются:

— «Ван Хельсинг» или первый «Форсаж»?

Хью Джекман или Пол Уокер? Слишком сложный выбор, слишком сложный...

Делая первый глоток под начальные титры фильма о крутых тачках и не менее крутых

мужиках, я думаю о том, что это первый раз, когда мы пьём наедине. Точнее, тот единственный раз, когда мы пили друг с другом, вокруг была целая уйма народа, а на редких студенческих попойках предпочитали либо игнорировать сам факт нахождения в одной компании, либо привычно язвили и ругались.

И уж тем более я не могла и предположить, что окажусь в квартире Фея, на правах даже не гостыи, а жильца, буду сидеть с ним рядом, потягивать ром и чувствовать себя при этом вполне комфортно.

— Эй, а чокнуться?

— Я давно уже чокнулась, при твоём непосредственном участии, в том числе, — парирую я, подставляя, тем не менее, бокал, отозвавшийся едва слышным звоном.

— На брудершафт?

— А ГЗМ не подарить?

Он смеётся, отказываясь от столь щедрого подарка, а я с трудом удерживаю на лице приличествующее случаю выражение. Потому что предложение, такое предсказуемое, неожиданно выбивает меня из колеи. Нет уж, благодарю покорно. С меня вполне хватило прошлого раза. И если тогда, три года назад, я его просто возненавидела, боюсь себе представить, какие последствия может за собой повлечь попытка номер два...

Алкоголь, даже в пропорции один к трём с газировкой, да на голодный желудок — милое дело для установления контакта с внеземными цивилизациями. Так что тому моменту, как первый бокал подходит к концу, как и первый сет (роллы с креветками поступают в полное моё распоряжение, по вполне понятным обстоятельствам), я расслабляюсь и перестаю напоминать самой себе девочку, которой для ровной осанки примотали доску-сороковку, как грозились когда-то бабушка. А Фей, и без того не слишком напряжённый, разваливается на стаченных с дивана подушках как падишах.

На экране герои только усаживаются за стол, когда я понимаю, что больше в меня не влезет даже маленького комочка риса и от нашего стола отваливаюсь, перебираясь на диван. Тёмная макушка в поле зрения буквально провоцирует на какую-нибудь пакость, но я лишь толкаю Котова в плечо, вручая опустевший хайболл:

— Бармен, повторите.

— Сию секунду, — тоном профессионального халдея откликается он, в два счёта справляясь с остатками своего напитка. И, наполнив обе тары заново, возвращает одну мне. — Ну что, предлагаю тост.

Я даже приподнимаюсь, в ожидании житейской мудрости, но Фей, состроив серьёзную мордашу, произносит лишь знакомое:

— За нас с вами и за... — запнувшись на полуслове, когда получает подзатыльник.

— Эй, культурнее! Ты не заметил, тут девушка, вообще-то? — то, что девушка при случае сама способна выдать что-то похлеще, предпочитаю опустить.

А этот клоун делает глоток, прежде чем помотать головой:

— Не, как девушка ты меня послала. Так что сейчас ты мой бро. Ты пей-пей, не отвлекайся.

И я пью. И даже не спорю против «бро», правда лишь по той причине, что банально лень.

Вторая порция облегчает понимание настолько, что фильм почти оказывается забыт за завязавшимся разговором ни о чём и обо всём сразу. И при учёте видовых различий (где я,

несомненно, просто ангел, а кошка — исчадие ада), у нас обнаруживается довольно много общего. К счастью, я слишком здравомысляща для того, чтобы в сходствах типа «о, боже, у нас обоих по две руки, две ноги и одной голове» увидеть указующий перст судьбы, но это всё равно приятно. У нас схожие вкусы в кинематографе и музыке, почти полное непринятие современного изобразительного искусства (кто вообще так рисует, а?), да и много чего ещё по мелочи. И если часть моя мнительность может отнести к тому, что могла бы настучать ему Лизка, всё равно остаются те вещи, которые она знать не могла. Такие вот внутренние ощущения, которые редко озвучиваешь вслух, потому как знаешь, что не сможешь описать так, как чувствуешь. А значит, тебя не поймут или поймут не так, и в данном случае неизвестно что хуже. А если всё-таки поймут правильно, то где гарантия, что завтра ты не пожалеешь о сказанном и не захочешь забрать слова назад? Но мы всё равно обсуждаем, перебивая друг друга, споря до хрипоты, но в итоге как-то сходясь на одном.

И где-то к концу третьего бокала я начинаю думать, что возможно... только возможно, конечно, зря отказалась от брудершафта. Ведь едва ли Фей за это время разучился целоваться, скорее наоборот. И в этом вполне можно убедиться, просто наклонившись и поймав губами его, обветренные, которые он облизывает время от времени, привлекая ещё больше внимания.

Но, к счастью, предохранители у организма всё-таки есть, так что в какой-то момент он просто отключается, в обнимку с пустым уже хайболлом и пьяно возмущаясь, что подушкой вот совершенно невозможно нормально укрыться.

Кто просыпается утром с чугунной головой и пустыней во рту от приказа «Рота, подъем!», тот я. К счастью, у Котова хватает ума произнести это пусть и громким, но шёпотом, избежав шанса умереть в ближайшие несколько минут молодым и красивым.

Как вообще можно так хорошо выглядеть утром, да ещё после возлияний, недоумеваю, выпутываясь из-под одеяла. Стоп, одеяло! Я перевожу взгляд на Фея, который даже не пытается не ржать, обозревая мою, наверняка помятую физиономию. А если учесть, что смыть макияж вчера снова не удосужилась...

— Что? Твои шикарные девяносто не поместились под подушку, как бы ты не старалась, — опять прочитав мысли, уточняет он.

Собственная задница кошки расположилась на крышке журнального столика, на месте вчерашнего пиршества. На нём привычные уже бирюзовые шорты, а волосы мокрые после душа.

— И что, не мог донести до кровати?

Наверное, попытайся Фей проделать нечто подобное, точно получил бы по наглым ручонкам, а то и не менее наглой моське, потому что даже состояние алкогольного опьянения не стало бы преградой к желанию держаться от него подальше. Но это не значит, что я готова упустить такой замечательный шанс подколоть его.

— И потом лечить грыжу? Вот ещё! — тут же откликается он и, не обращая внимания на возмущённое «эй, я не толстая!», тянет, почти восхищённо. — Ну ты, мать, и спать горазда!

Я спохватываюсь, желая узнать время, но часы над телевизором закрывает внушительная спина Котова (ну хоть что-то у него точно внушительное, хе-хе), а телефон с вечера похоронен где-то в недрах сумки.

— Сколько...

— Восемь. Как вообще можно подряхнуть двенадцать часов, а? Всю жизнь проспичь.

— Отвали, это была твоя идея.

— Выпить немного, а не упиться до отключки.

— Я не отключилась, а уснула!

— Ага, и храпела, как полтора землекопа тоже не ты, да-да, — не слушая праведных возмущений, китайским болванчиком кивает он. — Давай, хватит валяться. Я даже заварю твоё сено.

— Это зелёный чай, неуч! — запоздало реагирую я.

Ещё сонный мозг ищет причины, по которым Фей снова играет в джентльмена и... и не находит их. Эй, у него Луна в Стрельце, что ли?

Дашка со своим «это у вас пока начитка идёт» запросто может стать второй Вангой. Только начало семестра, а преподаватели уже решают: хорошего понемногу, пора переходить от лекций к семинарам. А если учесть, что коммерческое право — один из тех предметов, которые я переносила из-за работы... Даже не удивляюсь, заполучив на следующее занятие подготовку краткого сообщения по структуре товарного рынка. Стоит ли говорить, что понятие краткости у нас с преподавом существенно отличается? Но особых

вариантов нет, а это значит, придётся потратить и без того малое количество свободного времени на поиск материалов.

Счастливая Лизка, в этот раз под репрессии не попавшая, умудряется параллельно с конспектированием тарыхтеть на ухо, рассказывая, какие чудесные выходные они с Лёней провели. И, так как в её версии под чудесными понимается «почти не вылезали из кровати», а не «предавались обильным возлияниям с врагом», я даже немного завидую. Всё же отсутствие личной жизни на пользу не шло никому, и мне в том числе. Особенно, если в поле зрения постоянно присутствует счастливая парочка. И я сейчас не о моём бывшем, который со своей нынешней чуть ли не прямо на парах лижутся.

— Ну, а у тебя как выходные? Выглядишь, как катком сбитая. Опять пашешь, как папа Карло? — звонок на пятиминутный перерыв только начинает звучать, а подруга уже отбрасывает ручку и разворачивается ко мне, впиваясь цепким взглядом, от которого не в силах укрыться ни одна деталь. Только вот...

Я определённо доверяю Лизе. Больше чем кому бы то ни было в этом городе, если не вообще. Но знаю я её настолько хорошо, что могу почти дословно предугадать реакцию на новость, что вечер я провела в компании Фея, да ещё осталась почти довольна. Но всё же не выдерживаю, каюсь в грехах, параллельно поясняя — нынешний вид почти нормален по сравнению с тем, какие ужасы показывали в зеркале утром. Говорить приходится шёпотом, радуясь хотя бы тому, что прозвище понятно нам обеим, зато почти не вызывает интереса соседей. По крайней мере, именно так мне кажется до самого конца пары, когда преподаватель покидает аудиторию, а вслед за ним постепенно собирается и наша группа.

Противный голос Фирсовой ловит нас с Лизкой почти на пороге. И сначала я улавливаю лишь свою фамилию, напрочь пропустив суть вопроса. И, развернувшись, уточняю, почти культурно:

— Ты что-то сказала?

На самом деле, я тешу себя смутной надеждой, что новая девушка Маркова (а с ней у нас отношения с первого курса не задались, в связи с определёнными обстоятельствами) додумается заткнуться и не переспрашивать, но блажен, кто верует.

— Я всего лишь спросила... Ходят слухи, что Котов тебе машину подарил.

— Тоже хочешь? — интересуюсь я в ответ, пытаюсь придумать, что именно ответить. Нет, этого и стоило ожидать, рано или поздно, но всё же хотелось, чтобы поздно.

— Так это правда? — Ленка как всегда въедлива, а ещё совершенно точно играет на публику — выйти к этому момента успела буквально пара человек.

— Конечно, подарил, — прежде, чем я вновь успеваю открыть рот, подтверждает Лиза. — Ты разве не знала, это подарок на свадьбу.

— К-какую свадьбу? — пока я едва удерживаюсь от фэйспалма, запнувшись, переспрашивает эта заноза в заднице.

— Что значит — какую? — я дёргаю подругу за рукав, но её уже несёт. — Их же. Шестой месяц уже, пора бы подумать об узаконивании отношений. В роддоме, говорят, столько бумаг заполнять приходится, пусть сразу на новую фамилию будут.

В повисшей в аудитории тишине почти слышен звук падающих челюстей и выскользнувшей из чьих-то рук сумки. А ещё на мне в мгновение ока скрещивается пару десятков взглядов, заставив с трудом подавить желание с криками унести из университета и больше никогда сюда не возвращаться. И даже то, что шестой месяц беременности точно должен выглядеть иначе, чем надетое сегодня приталенное платье с ремнём на талии, не

успокаивает. Ну, Бэт, я тебе за это отомщу! Только придумаю, как и сразу отомщу.

— Так это шутка, — наконец-то доходит до кого-то.

— Нет, блин, суровая правда жизни! — почти рывкаю я, возвращая себе право голоса и оглядывая одноклассников. — Какой подарил? Ладно, у Фирсовой мозги сроду не водились, но вы-то чего тупите? Купила я её, купи-ла. Придурки.

Из аудитории я выскакиваю, не дожидаясь ни Лизки, ни возможного возмущения за комментарии про отсутствующие мозги. Лесом, товарищи. Все идите лесом.

На двух следующих парах я принципиально отсаживаюсь от подруги, потеснив ботаников и устроившись за первой партой. С одной стороны, разыгранное представление далеко не самое эпичное из того, что она устраивала за время нашей дружбы, но с другой... Юрфак — большая деревня, не удивлюсь, если через несколько дней у меня вдруг «обнаружится» муж (не факт, что в лице Котова) или парочка детей. Нет, если это даст послабление со стороны преподавателей, то я только за. Даже на внуков согласна, при таком раскладе.

Телефон приходится перевести в бесшумный режим, потому что вибрация достаёт уже на пятом сообщении. Но даже так Лизвета умудряется бомбардировать меня во всех соцсетях и обычных смс в том числе.

И если поначалу среди них в основном просьбы простить засранку с забавными покаяниями (я стараюсь не фыркать слишком громко, понимая, что суровый профессор точно не оценит), то потом Лиза переходит в наступление и напоминает, что не только она может быть «подставщицей». Да так хорошо напоминает, что сдаюсь я довольно быстро. В самом деле, как можно долго сердиться на того, кто пережил из-за тебя самое настоящее паломничество жаждущих получить консультацию. А я всего-то в шутку поведала под большим секретом, что Лизка на самом деле практикующий психолог, а к нам пришла, чтобы набрать материала для кандидатской. Причём подругу больше возмутил не сам факт приписанной ей профессии (какой дурак вообще повёлся на эту утку?), а накинутые пять лет возраста.

В любом случае, к окончанию пар у нас снова мир-дружба-жвачка, хоть я и не забираю назад обещания оттаскать её, при случае, за ухо. Если допрыгну, конечно же. Так что Бэт спасается от моего праведного гнева в объятиях своего парня, подходить к которому близко я не рискую из-за облака дыма. Лёня, кстати, уже в курсе, так что я, затаив дыхание (и с большим трудом не проявляя этого внешне), жду реакции от самого Фея. Но всё равно вздрагиваю от неожиданности, когда на талию укладывается рука и голос томно (точнее, Котов пытается сделать его таковым) произносит на ухо:

— Детка, тебе вредно дышать дымом.

— Я тебя убью, и меня оправдают, — сбрасывая руку и ненавязчиво пытаюсь понять, многие ли видели его демарш, цежу я.

— Беременность — это обстоятельство смягчающее наказание, а не исключющее преступность деяния, — занудным тоном извещает он, но расстояние между нами увеличивает до приличных пары шагов.

Но прежде, чем я успеваю ответить и на это, Лиза стонет, почти в голос:

— Не-е-ет, не разговаривай с ней об этом, она же только успокоилась.

— Так ты правда бесишься? — «догадывается» Фей. — Брось, Ариэль, всё равно никто не поверил. А вот про то, какое лицо было у Фирсовой, мне уже три человека сказали.

Кошаку точно нет резона придумывать что-то, чтобы успокоить меня, так что его словам я верю. И даже расслабляюсь немного, позволяя вовлечь себя в ничего незначащий разговор об учёбе. Но если в ближайшее время кто-то заговорит при мне о детях... Начну кусаться, честное слово!

Оказаться вечером дома в отсутствии Котова — редкая роскошь. Так что, наскоро почистив картошку и затолкав её вместе с курицей в духовку (не забыть таймер, иначе на ужин будут угольки!), я перемещаюсь в ванну. Брошенная в воду бомбочка медленно растворяется, превращая всё вокруг в космос, а вместе с ней растворяется и большая часть негативных эмоций. Хотелось, конечно, чтобы все, но, боюсь, такого состояния психического равновесия достигну разве что в полутора метрах под землёй. А пока туда, по вполне понятным причинам, не стремлюсь.

Люцик, буквально с боем прорвавшийся в ванну, удобно располагается на стиральной машинке и периодически так красноречиво щурит глазищи в мою сторону, что в голову лезут совершенно глупые идеи. Например, вспоминается сериал про вампиров, где один красавчик мог то ли видеть глазами подглядывающего за девушкой ворона, то ли сам превращался в него.

В любом случае, идеи и впрямь безумные, так что вылезать из горячей воды и выставять Люцифера за дверь я не собираюсь.

А стоит вернуться в спальню, ради разнообразия облачившись в симпатичный велюровый халатик вместо необъятной футболки и шорт, как оживает скайп. Ох, вот сейчас кому-то будет весело...

Я перетаскиваю ноутбук на кровать, устроившись на животе, напротив него, и принимаю звонок.

— Привет, блудная дочь, — мамины глаза за стёклами компьютерных очков глядят насмешливо. — Ни стыда, ни совести.

— Прости-и, — пишу я, понимая, что она права. Сообщения сообщениями, а вчерашний сеанс связи я пропустила, проведя вечер в компании вредного кошки. — Я исправлюсь, честное пионерское!

— Ты октябрёнком-то не была, — парирует мама, но слишком сосредотачиваться на этом не собирается, продолжая, практически в приказном порядке. — Рассказывай, что нового?

Нового у меня — хоть попой ешь, но так как половину из этого я предпочла бы пока замолчать, приходится делать акцент на учёбе, забросав родительницу кучей информации о предметах, преподавателях и прочих прелестях жизни любого студента. И ей это интересно, безусловно, но камнем преткновения всё равно становится работа, о которой я упоминаю разве что мельком.

— Кристющ, бросай ты её, серьёзно. У тебя синяки под глазами больше, чем сами глаза.

Просто кто-то позвонил после того, как я смысла два слоя консилера и слой тонального крема...

— Это всё безудержные ночи в клубах, — пытаюсь отшутиться я, мысленно ругая слишком хорошую камеру ноутбука, беззастенчиво демонстрирующую мои недостатки. — Ну, знаешь, алкоголь, наркотики, мальчики...

К счастью, мама знает и мой характер, и дурацкое чувство юмора, так что подобное

заявление пролетает мимо её ушей.

— Я серьёзно. Займись лучше выбором машины.

— О, ого! Что, страховая уже разродилась? Говорили же, пару месяцев, не меньше.

— Ну, итоговые документы из ГАИ мы на днях передали. А там дочка нашей сотрудницы работает, обещала посодержать, чтобы быстрее рассчитали всё и перечислили.

— Круто! — восхищаюсь я. Иронично, что за прошлую неделю я так ни разу и не выехала никуда на Феевом Акценте, а вот идея вновь обзавестись собственным автомобилем приводит в щенячий восторг. — Только пока смысла нет выбирать, мне кажется. Сто раз продать успеют.

— А если из салона?..

Это ещё большее «ого», глаза у меня, наверняка, округляются как у долгопята. И впору бы попрыгать на кровати от радости, но...

— Мам... дорого...

— В кредит. У папы как минимум три крупных заказа в разной степени готовности, расплатимся. Считай это подарком к будущему Дню рождения.

Именно. Особенно учитывая, что на дворе начало сентября, а вариант «подарим сейчас, но будет считаться, как будто на День рождения» родители не использовали даже в детстве. И хотя мне очень-очень хочется, потому что новый автомобиль — это новый автомобиль, если, конечно, речь не о Шевроле Импала 67 года, но и очень неудобно тоже.

— Мам... — снова начинаю я, но за её спиной возникает папа и вопрос неудобства мигом теряет направленность.

— Привет, ребёнок. Ремонт сделали?

Вот, о чём и говорила. Мама-врач в первую очередь интересуется внешним видом дочери и почти полностью игнорирует обстановку вокруг неё. А вот папа-дизайнер сегодня просто моя кара. Он бы легко не заметил сменивших цвет с красного на зелёный волос, а вот цвет обоев на моей спине — да не в жизни. Эх, а счастье было так близко!

Я почти не вру, в основном по той причине, что совершенно не умею этого делать, да ещё и имею свойство забывать, о чём именно солгала, так что историю о том, что я немного переехала (ну правда ведь немного, какие-то двадцать километров от прошлого места жительства) приходится рассказать. В несколько облагороженном виде, конечно же, так что теперь там фигурирует моя добросердечность, не позволившая помешать счастью влюблённых, а не изрядная доза алкоголя вкупе с корыстным нежеланием передвигаться на своих двоих. И даже имя соседа озвучиваю, задушив на корню мысль превратить его в какую-нибудь милую девушку Татьяну, которая вышивает крестиком и печёт пирожки по выходным. Ибо покупка автомобиля всё равно выльется в приезд родителей и, непременно, экскурсию в мои новые пенаты.

— Погоди-ка, Котов — это который «мама, ты не представляешь, как он меня выбешивает»?

— Или который «папа, ты же будешь любить дочь, если она сядет в тюрьму за убийство, совершённое с особой жестокостью»? — предполагает тем же саркастичным тоном отец семейства.

Мои родители совершенно определённо меня троллят, тут к бабушке не ходи. Так что отчаянное «Ы-ы-ы» и тыканье мордочкой в кровать, получаются у меня почти произвольно. И лишь после получается «признаться»:

— Он не так плох, как оказалось, на самом деле.

— С каких пор?

С вчерашних возлияний, вообще-то, но этого им знать вот точно не нужно. К счастью в этот момент на заднем плане раздаётся телефонный звонок, и папа отходит ответить, оставляя нас с мамой наедине.

— Ну... мы... ищем общий язык. Ты же знаешь, способности к компромиссам всегда в жизни пригодятся.

— Ох, дочь, мне даже жаль этого мальчика.

— Эй, я добрая и пушистая, — как Люцик до того, как его вычесали, ага.

— Конечно, — легко соглашается она и продолжает, под нарочито-строгое «я всё слышу» откуда-то справа. — Но упрямый барашкин характер тебе от папы всё же достался.

Тут мне остаётся лишь развести руками. Как говорится, что есть, то есть. Но если кого-то что-то не устраивает, может поругаться со мной и питаться дальше лапшой из пакетов. А я буду кушать вкусную курочку... О, таймер!

— Мамуль, подождёшь минутку? Я сбегая духовку выключить, пока без ужина не осталась.

— Да ладно, беги уже совсем, тоже пойду папу кормить. Но про работу я вполне серьёзно — дорабатывай неделю или месяц, сама решай, как лучше, и бросай. Хорошо?

Приходится согласно покивать головой, потому что не только мама высказала мнение, совпавшее с Дашкиным, но и сама я начала понимать, всего сразу банально не потяну физически.

— Умничка. И, Крестюш?

— М?

— Внуки не раньше, чем через три года.

Она отключается под протяжное «Ну мам, какие внуки?!», а я ещё успеваю услышать папин смех за кадром. Ну, родители! То, что у Фея такой обалденный пресс, вовсе не значит, что я...

А-аа, курица, Крис, курица! Причём неизвестно кто больше — та что в духовке или ты сама.

В кухне благоухает даже из-за закрытой дверцы, так что я с трудом заставляю себя не устраивать праздник живота прямо сейчас. Конечно, ждать Котова вовсе не обязательно, но пары у него закончились пять минут назад, скоро точно примчит. Поэтому «я несу справедливость во имя Луны» и всё такое, а это было бы правда справедливо, так что возвращаюсь в комнату.

Брошенный на кровати ноутбук манит светящимся экраном и соблазняет проверить, не появилась ли новая серия «Сверхъестественного» в любимом переводе, но на горизонте маячит среда с чёртовым коммерческим правом и сообщением по нему, так что остаётся только вздохнуть и заняться учёбой. Хоть когда-то нужно это делать.

Ссылки по запросу похожи друг на друга как братья-близнецы, и меня терзают смутные сомнения, что преподаватель хотел именно этого. Понятное дело, заданная тема — основа основ, но за стяннутое с интернета зачёт мне светит едва ли. И, лишь дойдя до пятой страницы Гугла (а что вы знаете об отчаянии?), натыкаюсь на кое-что новенькое.

Реферат студента МГУ, явно же там всё должно быть отлично. Так что, мысленно потираю ладошки, пока шустрый кошаковский безлимит скачивает архив. Ага, осталось

распаковать и...

Я даже не успеваю толком понять, что происходит. В одну секунду ноутбук спрашивает разрешения открыть файл и получает его, а уже в следующую на половину экрана раскрывается баннер с содержимым, больше подходящим для сайта в стиле «три икса».

Конечно, мне же этим вечером только вируса для полного счастья и не хватало. Ну же, удались, прошу тебя! Но дама в чёрном, если микроскопические стринги можно считать за полноценный элемент гардероба, к воззваниям глуха. Как глух и звук, с которым мой лоб встречается с клавиатурой. Я в полной заднице. Вот чёрт.

Возвращение блудного попугая знаменуется хлопнувшей входной дверью, звоном агрессивно брошенных на прихожую ключей и словами из лексикона «пацанчиков с раёна». Я к этому моменту почти доведена до отчаяния бесплотными попытками убрать гадость с компьютера, так что жажду выплеснуть негатив хоть как-то. И выхожу в коридор, заранее скрестив руки на груди, с логичным вопросом «Фигли шумим?» Так и не прозвучавшим вопросом, на самом деле.

— Олени, млять! — зло стряхивая с ног туфли, перебивает мысль Фей. — Думают, раз на крутой тачке, можно переть, как вздумается?

Говорит парень на старенькой Оке, ага. Но на смену желанию поругаться приходит интерес, чем могли так вывести обычно спокойного, временами даже индифферентного, котофея.

— Кто деточку обидел?

Меня награждают взглядом, которым при желании воду можно замораживать, но ответ выдают, видимо, очень уж поделиться хочется.

— Придурок на Ровере. У нас на перекрёстке чуть в бок не влетел, на красный ему похрен было, — и без перехода, почти тем же раздражённым тоном, интересуются. — Слушай, есть что пожрать?

— «Пожрать» можешь до вагончика «Русского Аппетита» сходить. А у меня — отужинать-с.

Странно, но на него совсем не получается злиться, даже при том, что я уже накручена. Может дело в том, что от картинки разбитой Ауди в воображении становится дурно даже мне. А может, Фей впервые предстаёт передо мной таким живым, настоящим что ли. Без этой вечной маски солнечного и всем довольного мальчика-пересмешника. Ну, наконец-то, а. Я уж думала, живу с роботом.

Ужин проходит в молчании, назвать которое зловещим не повернулся бы язык, но и уютно-расслабленным тоже. Заталкивая тарелку в посудомойку и включая кофеварку, Котов даже обходится без привычного уже «Спасибо, было вкусно», погружённый в свои мысли. Да и я отмечаю это разве что мимоходом, тоже думая о своём. А точнее о том, куда завтра тащить пострадавшего «друга» и будет ли сильно наглым попросить Лизу найти материал сообщения за меня. Или найти самой, через телефон, а ей скинуть ссылку? Впрочем, одну уже нашла, не хватало ещё компьютер подружки испортить.

— Твоё сено.

Исходящая паром кружка опускается на стол и я, кивнув, подтаскиваю её ближе, обнимая обеими ладонями и вдыхая мятно-лимонный аромат.

— Эй, даже не исправишь, что это чай, а не сено? — дёргаю плечом, в надежде, что он

отстанет, но Фей лишь присаживается обратно. — Ариэль, ты в порядке?

— Компьютеру кабздец, — подумав (ну а что, он пожаловался, значит, и мне можно), признаюсь я. — Вирус поймала, там теперь тётка на пол-экрана. И телефон, на который надо скинуть два рубля, чтобы прислали код деактивации.

— Да уж... А антивирус какой?

— Аваст.

— Бесплатный? Святая простота, а! — качает он головой. — Ладно, сейчас кофе допью и посмотрю.

— Ты разбираешься в компьютерах? — мигом активизируюсь я, осознав, что, возможно, не всё потеряно.

— Знаю, какой кнопочкой включается, — шёпотом признаётся кошка.

Очень смешно. Просто очень.

— Ну, ничего такая, — оценивающе обзрев даму на баннере, констатирует Фей, которому я притащила ноутбук прямо на кухню.

— Забирай себе, дарю! — щедро предлагаю я, мысленно скрещивая пальцы на руках (и ногах тоже), чтобы у него всё получилось. И затыкаюсь, чтобы не мешать, пока он перезагружает комп, открывает страшное синее меню и что-то там печатает.

Украдкой, из-за кружки, наблюдая за Феём, я прихожу к мысли, что ему определённо пошли бы очки. Такие неширокие, в чёрной прямоугольной оправе, которые бы периодически немного сползали, а он поправлял бы их указательным пальцем.

— Что?

Голос Котова отвлекает от размышлений, то не вырывает из них до конца, так что отвечаю я, почти не задумываясь:

— Почему ты не носишь очки?

— Потому что линзы удобнее.

— Что?

— Что — что? — непонимающе переспрашивает он.

— У тебя плохое зрение? — не то, чтобы я так уж часто смотрела Фею в глаза, но линзы не замечала ни разу.

— Нормальное у меня зрение. А хочется, чтобы было идеальное.

Вот так и разрушаются мифы. Идеальный мальчик-ботанчик хоть в чём-то неидеален. Аллилуйя, товарищи.

— Так, пошли.

— Не пошли, а пойдём, — машинально исправляю я. — Куда?

— Трахаться, — и пока мои глаза округляются, продолжает, — с твоим ноутбуком. У меня Каспер на флешке, в спальне, попробую им удалить.

Что дружелюбное привидение делает на флешке, решаю не переспрашивать. И послушно топаю вслед за ним в упыриное логово. Но очки бы ему пошли, точно вам говорю.

В каком-то веке появляется возможность нормально рассмотреть комнату Котова и, воспользовавшись ею, остаюсь несколько разочарована. Ни тебе гроба на колёсиках, ни паутины по углам. Даже захудалой летучей мыши на карнизе, и той нет.

Зато есть пушистый ковёр на полу, куда мне «любезно» предлагают присесть, пока сам хозяин, откопав в ящике стола флешку и поставив загружаться собственный комп, усаживается на кровать. Спасибо, конечно, но меня вполне устроит кожаное кресло.

Котов по-прежнему в джинсах и рубашке, разве что расстегнул пару пуговиц у ворота и закатал рукава, а вот я, в халате на ладонь выше колена, отчего-то чувствую себя неудобно. И это притом, что на прошлой неделе запросто разгуливала перед ним в шортах куда короче, а на время уборки и вовсе меняла широкую футболку на спортивный топ, прикрывавший только грудь.

— Крис, ты хоть когда порнушку качаешь, пользуйся проверенными сайтами, а? — Фей уже не в первый раз запускает руку в волосы, отчего те успевают приобрести вид вороньего гнезда.

В комнате вот уже минут пятнадцать как царит тишина, прерываемая лишь редким непонятным бормотанием хакера доморощенного да скрипом кресла, на котором я от скуки играю в карусель. Так что вопрос застаёт врасплох, едва не заставив навернуться.

— Эй, по себе людей не судят!

— А серьёзно, где эту гадость зацепила? Хоть зубами грызи.

Я нервно хихикаю, представив вгрызающегося в ноутбук Котова, но признаюсь:

— Реферат скачала.

— Ага, жажда знаний — она такая. Какой предмет?

— Коммерческое, — не знаю, с чего бы я такая покладистая, но, с другой стороны, не стоит язвить тому, кто пытается тебе помочь. Хотя бы до тех пор, пока сама помощь не оказана...

— На рабочем столе папка хэ-зэ, — поднимая на меня взгляд и кивая в сторону компьютера, говорит вдруг он. — Открой. Да открывай, нет там ничего, что ты нафантазировала.

Подарив кошаку многозначительный взгляд (откуда ему вообще знать, о чём я фантазирую?), я всё же разворачиваюсь к монитору и тянусь к мышке. Ну, в самом деле, не будет же там тысячи фото, подобных тому, что на баннере, да?

В папке обнаруживаются ещё две — «да» и «нет». И что за Матрица?

— Выбирай «нет» и нужный предмет.

Ага... Ого!

— Это что? — клацая на коммерческое, уточняю я догадку.

— «Рыбы» для курсовых. Всё, ищи нужную тему и не отвлекай.

И я послушно не отвлекаю, хотя не слишком понимаю, какая муха доброты его укусила. И ноутбук починить вызвался, и с данными помочь решил. При всём при том, что домой Котов явился злой, как стая собак. О, оксюморон — кошка злой, как собака. Хм...

Конец вечера оказывается таким же замечательным, как и его начало. Любимого компьютерного друга возвращают в излеченном состоянии, наказав не лазить больше по сомнительным сайтам, сообщение готово и даже распечатано на спрятавшемся за шторой принтере, а хозяин комнаты обращается ко мне исключительно по делу, обходясь без колкостей. И вроде всё так хорошо, но...

Неделя. Одна чёртова неделя, а я уже привыкаю к тому, что может быть вот так. Эти совместные завтраки и ужины, то, как он наливает мне чай, называя его сеном и как помогает, хотя его никто об этом не просил. А ещё он почти всё время в моих мыслях, даже если не присутствует в этот момент рядом. И неважно, что лишь процентов десять этих мыслей не содержат нецензурщины или, как минимум, желания познакомиться его поближе с

бейсбольной битой.

Я знаю, что ты делаешь, Котов.

Пожалуйста, прекрати...

Глаза в глаза. В комнате крошечная темнота, но я всё отчего-то уверена, что Фей смотрит мне прямо в глаза. И от этого взгляда, от одного только взгляда всё внутри плавится. А когда он ложится рядом, вытягиваясь на кровати, и вовсе сносит башню.

Кружится голова, совсем как тогда, в клубе, хотя сейчас во мне нет ни одного из трёх коктейлей, названия которых сейчас и не вспомнить. Да, чёрт, сейчас собственное имя вспоминается с трудом. И словно в ответ на мысли:

— Кри-ис...

— Заткнись, — прошу я шёпотом.

Пожалуйста, заткнись. Потому что сейчас я не хочу помнить кто ты и, кто я. Потому что даже если мы в одной постели, это не отменяет того факта, что я всё ещё ненавижу тебя, больше кого бы то ни было. Заткнись и поцелуй...

Он снова читает мысли, подаётся вперёд, безошибочно ловя губами мои губы. Какая там нежность и прелюдии? Почти до боли, почти наказание. И я отвечаю тем же, прикусывая нижнюю, втягивая её в рот, посасывая, как лучшую из карамелек. А затем открываюсь, выпуская его язык.

Я думала, что Котов разучился целоваться? Наивная! Наверное, эта скотина тренировалась днями напролёт, потому что сейчас он делает это куда лучше, чем тогда, в восемнадцать. И лучше, чем те, с кем мне довелось целоваться после.

Но одних поцелуев, как бы хороши они ни были, уже недостаточно нам обоим, и рука наглого кошака спускается с шеи ниже, лишь мимолётом коснувшись груди, и приподнимает подол майки, ныряя под него. От лёгких, поглаживающих движений бабочки в животе сходят с ума, заставляя внутренности скручиваться в тугую пружину. Не выдерживаю, издаю стон прямо ему в губы, чувствую, как усмехается в ответ:

— Что, уже кончила? — и шипит от нового, более сильного укуса.

— Заткнись!

Я просто поразительно многословна, но попробуй мыслить и изъясняться здраво, когда с твоим телом творят такое. И это ещё цветочки, понимаю, когда Фей открывается от губ, прикусывая на секунду мочку уха, прежде чем прошептать:

— О, ещё нет? Не волнуйся, сейчас исправим...

И исправляет же, гад. Опускает руку ниже, пробирается сначала под резинку шорт, затем ткань трусиков, гладит кончиками пальцев.

— Ох, Ариэль, а кто это у нас такой вла-ажный? — он так томно тянет слова, будто специально нарываётся, но я не в состоянии ответить хоть что-то, сосредоточенная на его движениях.

То нежно, одними подушечками, то проникая глубже, почти на всю длину пальца... Фей совершенно точно доведёт меня по психушки или оргазма, причём я совершенно не уверена, до чего раньше.

И мне мало, безумно мало этой неторопливости, намеренной медлительности движений. Но попытка навязать свой темп, вовлечь в новый агрессивный поцелуй, оканчивается провалом. А руку, попытавшуюся спуститься к боксерам, ловят на полпути и зажимают между нашими телами.

— Не торопись детка, у нас вся ночь впереди.

За детку получает новый укус, тут же реагируя на него лучшей мезтью — добавляет ещё один палец, растягивая меня сильнее. И, кажется, оставляя засос на шее. С-скотина...

Ну, точно, скотина, осознаю, когда большой палец ложится на клитор, поглаживая его круговыми движениями. Это слишком... просто слишком, но сопротивления бесполезны. Да и не хочется, уж себе можно признаться.

— Сильнее...

Прошу на выдохе, точнее почти задыхаясь, но тут такое искусственное дыхание, что хочется задышаться снова и снова, лишь бы оно не прекращалось.

— Желание женщины — закон.

И сладкая пытка продолжается. Как и поцелуи — губы, скула, шея, верх груди, выглядывающий из широкого ворота майки. И я сама закидываю ногу на бедро Фей, облегчая ему доступ, открываясь сильнее, получая поощрительное мурлыкающее:

— Умница...

Да вашу мать...

Сколько прошло? Минуту? Пятнадцать? Час? В моей маленькой вселенной времени не существует вовсе. Только я и он, большего и не надо. Разве что...

Разрядка. Она сейчас нужнее, чем воздух, и если Фей остановится, я точно его убью. А он, наверное, знает, и потому не останавливается.

— Чёрт, какая ты мокрая...

Прерывистое дыхание и третий скользнувший в меня палец работают почище афродизиака, и я понимаю, что всё, не могу. Ещё буквально пара движений и...

Выгибаюсь, прижимаясь грудью вплотную к его груди, прикусываю уже собственную губу...

И просыпаюсь ровно в то момент, когда до оргазма остаётся не больше мгновения. Одна в постели, с испариной на коже, колотящимся сердцем и почти болезненной пульсацией между ног.

Злая.

И неудовлетворённая.

Заснуть обратно у меня так и не получается, хоть и кручусь ещё полчаса с боку на бок, принимаясь то считать (просто считать, потому как фантазии представить этих несчастных овец никогда не хватало), то сочинять глупые стишки, рифма в которых примерно на уровне первого класса. В шесть же не выдерживаю окончательно и выползаю из кровати, раздражённая и не выспавшаяся. Ну, Фей, даже во снах от тебя покоя нет!

Сам Котов просыпается гораздо позже и, пригребая на кухню, обнаруживает меня медитирующей за столом, с кружкой чая, горкой оладий, пропитанным вареньем бисквитом и запекающимися в духовке сэндвичами.

— Сегодня какой-то праздник, о котором я не знаю? — с опаской интересуется он, включая кофеварку и угаскивая один оладушек.

— Да, — не поднимая глаз от стола, безэмоционально откликаюсь я. — Называется — Кристине не спалось. Жуй молча.

И он жуёт. И молчит. Вот только это ни черта не помогает, потому что красноречивые картинки из головы с приходом утра никуда не испарились и теперь отравляют жизнь.

Как-то очень некстати вспоминается мнение какого-то там психиатра (может и

дядюшки Фрейда, кстати, не удивлюсь), что сны — всего лишь отражение наших страхов. Получается, я боюсь, что Фей почти доведёт меня до оргазма? Бред-то какой! Наверное, это просто игры подсознания, которое намекает, что у кого-то давно не было нормальной личной жизни. А кошак... Да он так и маячит в последнее время перед глазами, как красная тряпка перед мордой быка, вот и результат.

Успокаивает это, конечно, не слишком, но я хотя бы перестаю гипнотизировать стол и даже встречаюсь с Котовым взглядом, когда иду проверять содержимое духовки. И с трудом заставляю себя не смотреть на пресс, который этот гамадрил демонстрирует, привычно уже не надев футболки.

Мне точно нужен парень. И чем скорее, тем лучше, не хватало ещё снова наступить на те же грабли. Нет, спасибо, одного раза было вполне достаточно.

Вообще, день как день и ничего особенного я от него точно не жду. Путь к корпусу, несколько минут в курилке, за время которых я признаюсь Дашке, что решила последовать её совету и жалуюсь на вчерашнее происшествие, встреча с как обычно опаздывающей Лизкой...

Подругу в последние дни я вижу только в университете и, по правде говоря, начинаю немного скучать. Хоть и не могу не понимать, что у них с Лёней сейчас своеобразный медовый месяц и, естественно, больше времени хочется проводить наедине друг с другом. Поэтому лишь прикалываюсь над светящимися глазами, говоря, что мозговые тараканчики затеяли дискотеку. Ну, и завидую, не без того.

Лиза заслужила эти отношения, тут и сомнений быть не может. Прошлый её парень, первая настоящая любовь, оказался самым настоящим мудаком, и я нескоро забуду, как моя сильная девочка потеряла пять килограмм за месяц и вцеплялась зубами в подушку по ночам, чтобы не выть. И если бы Михаил не исчез с радаров, бросив её, я едва ли удержалась от попытки разбить ему нос или, хотя бы, двинуть между ног.

Так что Леонида я готова чествовать за одно только то, что подруга с ним счастлива. Но это не отменяет того факта, что... Эй, я тоже так хочу! Где же этот умный, красивый и обходительный блондин, который станет носить меня на руках, а не выносить мозг и заставлять щетиниться иголками в целях самозащиты? И непременно не будет даже капельку похож на Котова. Непременно!

Заработав на двух семинарах по плюсику (оценки нынче не в моде, вы знали?) и зарядившись по этому поводу порцией позитива, я мчу на работу, предвкушая разговор с начальницей. Нет, Лиля замечательная девушка и только благодаря её хорошему отношению я смогла вернуться в магазин после двух месяцев отсутствия, но всё равно чувствую себя неуютно, что ей придётся искать кого-то на моё место. Хотя обязанности подай-принеси не так сложны, а зарплата за подобную подработку вполне на уровне, так что особых проблем быть не должно.

Договорившись об отработке последних двух смен, я получаю шутливое «предательница!», вкуче с наказом заглядывать в гости и отправляюсь на рабочее место, едва успев сменить рубашку на форменную белую футболку.

Время близится к пяти, большинство нормальных людей ещё просиживает штаны на работе, так что в примерочные, у входа в которые я стою, заходят лишь единицы. Три школьницы, которым приходится настойчиво напоминать, что в одной кабинке может

находится только один человек, молодая мамочка, оставившая коляску посреди прохода, влюблённая парочка из одухотворённой девушки и парня, в глазах которого светится «Помогите!». На их фоне прошедший мимо мужчина выглядит слишком нормальным.

Вообще, такого ожидаешь встретить в магазине вроде «Мачо», а никак не в нашем сетевом: серые классические брюки, белая рубашка с узором из мелких ромбов, туфли. Но в примерочную он идёт, набрав пять пар джинсов, от обычных синих до потёртых серых. Впрочем, мало ли, может сейчас он одет для работы, а обычно предпочитает совершенно другой стиль.

— Я могу Вам чем-то помочь? — интересуюсь я, когда он сгружает потенциальные покупки на столик для не подошедших вещей. — Может быть подобрать нужный размер?

— Нет, спасибо, я возьму эти, — он отдаёт номерок и, забирая как раз серую пару, удаляется к кассе.

В примерочных больше никого нет, так что неспешно складываю джинсы в стопку, чтобы вернуть на место, а затем направляюсь к кабинке, отодвигая шторку до конца и закрепляя в держателе справа. И сразу же прикипаю к золотому пластиковому прямоугольнику, валяющемуся на полу.

У кассы пусто, только коллега что-то неторопливо набирает в телефоне. И подбежав к ней, как бывалый спринтер, я выпаливаю:

— Ирин, а этот, с джинсами, наличкой платил?

— Нет, картой, а что?

— Как фамилия?

Кажется, меня приняли за сумасшедшую, но девушка всё равно достаёт чек и отвечает:

— Романов И. Да что случилось-то?

— Позже объясню, подмените меня, — сверяя фамилию на найденной карточке, я уношусь из магазина, с надеждой, что он не мог далеко уйти.

Спина, обтянутая белой рубашкой в ромбик виднеется впереди, почти у эскалатора, но не кричать же ему «Эй, товарищ Романов!». И лишь очередной рывок позволяет мне догнать его вовремя, коснувшись предплечья.

Серые глаза смотрят слегка удивлённо:

— Прошу прощения?

— Это Вы извините, не знала, как... В общем, это Ваше, кажется, — я протягиваю мужчине потерю, чувствуя себя на редкость глупо.

Что это было вообще? Достаточно (а вернее в соответствии с правилами) было связаться с банком, выдавшим карту, а не устраивать забег на каблуках по пересечённой местности. Боже, я псих...

Но вместо того, чтобы покрутить пальцем у виска, мужчина улыбается:

— О, спасибо, — взгляд опускается на бейджик на груди, — Кристина. Видимо выпала из кармана, пока примерял джинсы.

— Да, лежала на полу, — с готовностью подтверждаю я. И думаю, как бы покультурнее ретироваться, пока не огребла за отсутствие на рабочем месте.

Романов И. осматривает меня с головы до ног, словно видит в первый раз. Впрочем, неудивительно — на обслуживающий персонал, которым я была ещё десять минут назад, вообще мало кто обращает внимания. Зато сейчас — спасительница (знаю-знаю, какой это геморрой — восстановление карты) и, тешу себя надеждой, симпатичная девушка. Что вполне подтверждает его, ставший весьма заинтересованным, вид.

— Как я могу отблагодарить Вас?

— Спасибо вполне достаточно, — не хватало ещё, чтобы он деньги предлагать начал, ага.

— Это корпоративная карта, так что вы сэкономили мне добрую порцию нервов. Как насчёт ужина?

— Ужина?

— Да, — теперь уже обладатель серых глаз касается моего предплечья и слегка отодвигает в сторону, чтобы мы не мешали проходящим людям. — Сегодня я, к сожалению, улетаю в командировку. Но вернусь уже в пятницу и был бы рад пригласить Вас. В качестве благодарности.

— В качестве благодарности, — снова эхом отзываюсь я.

Не знаю, возможно, я успела заработать каких-то бонусов у судьбы и активировала их сегодня утром, но это похоже на выполнение заказа. Стоящий передо мной мужчина определённо красив, обходителен и почти блондин. Про умственные способности сказать пока нечего, но что-то подсказывает, что и с ними всё в полном порядке. Тогда какого чёрта я раздумываю, прежде чем согласиться? Не в кровать же он меня зовёт, в конце концов...

И забивая последний гвоздь в крышку гроба моих сомнений, Романов И. добавляет:

— Ну же, Кристина, соглашайтесь. Я и так ругаю себя последними словами, что сразу не заметил Вашей красоты.

Всё-таки умный, да. И я буду полной дурой, если сейчас ему откажу.

— Теперь я просто не имею права не согласиться верно? Не могу же я оставить Вас в ссоре с самим собой...

Он на раз улавливает мою заминку и, наконец-то, представляется:

— Илья.

Романов Илья... Отличное имя, кстати. Никаких тебе котов, феев и прочих существ. Но диктуя телефон я почему-то всё равно вспоминаю кадры из сегодняшнего сна.

Вот гадство!

Остаток рабочего дня проходит в приподнятом настроении, но ещё и раздумьях, рассказывать ли обо всём Лизке. На одной чаше весов по-прежнему «она же моя лучшая подруга», зато на другой сразу два аргумента. Во-первых, эта коза скрывала от меня, что начала встречаться с Лёней, а во-вторых... Гарантий, что ужин состоится, не было никаких. Ну да, взял Илья у меня номер телефона, но кто сказал, что он не передумает и не решит, что большого человеческого спасибо вполне хватило.

В конце концов, я решаю подождать до пятницы и там уже, в зависимости от обстоятельств, рассказать Лизавете о чудесно проведённом вечере или же о полном провале.

На энтузиазме, домой я буквально лечу, но, видимо, слишком низко, едва не сбивая на пешеходном переходе девушку, уткнувшуюся в телефон. Так, приземляемся, Криска, рано раскрылилась.

Второй подъезд, седьмой этаж, хренова туча ступеней, преодолеть которые оказалось не так просто, как мне отчего-то подумалось, когда решила не ждать лифт. Зато попа будет накаченная, успокаиваю себя, буквально вваливаясь на лестничную площадку. Коридор, два поворота ключа в одном замке, три в другом. Но едва успеваю сбросить опостылевшие туфли и застонать от блаженства, ощутив прохладу ламината, оживает дверной звонок.

Если честно, он совершенно дурацкий и слышен только в том случае, когда стоишь непосредственно в прихожей, да из кухни, так что позднему посетителю повезло, что я оказалась здесь. Иначе звонить бы ему до греческих календ. Ну, или стучать кулаком, как обычно делает Лёня.

Ко мне никто прийти не может по определению, так что вполне логично было удалиться к себе в комнату, выпихнув в коридор котофея (где, кстати, его носит?), но отчего-то именно сегодня хочется быть доброй и пушистой, поэтому делаю два шага обратно к двери и распахиваю её. Да так и замираю, хорошо хоть не с открытым ртом.

Потому что на пороге стоит мечта. Причём не какая-то абстрактная, а моя собственная, тщательно выстроенная в голове и заныканная в такие мозговые дали, что сразу не найдёшь, чтобы не травить душу. У мечты почти чёрные глаза, тёмные длинные волосы, стянутые в небрежный хвост и забавные, чуть заострённые, кончики ушей. А ещё потрясающие скулы и губы, глядя на которые мысль о поцелуях просто не может не прийти. И хотя одет парень в обычные джинсы, белое поло и расстёгнутую кожанку, моя фантазия тут же переодевает его в костюм Леголаса.

Ну, эльф же, как есть! Всё, я в экстазе...

— Вечер добрый, — произносит он, слегка потеснив меня, чтобы войти. — Братец дома?

Голос подстать внешности, просто бери и на диктофон записывай, чтоб на ночь слушать, так что я сначала пропускаю мимо ушей последние слова. Зато когда они доходят... Вот чёрт, а! Значит вот этот красавчик — брат Котова? А счастье было так близко. А вообще, отличная семейка, один фей, второй эльф.

— Почему эльф? — удивлённо интересуется парень, и я понимаю, что последнее произнесла вслух.

И откликаюсь, со смешком, потому что задний ход давать в любом случае поздно:

— Ты себя в зеркало-то видел, мечта толкиниста? Тебе же даже гримировать не нужно, переодеть и вперёд.

Губы мечты изгибаются в ответной улыбке:

— Таких комплиментов мне ещё не делали. Ладно, а фей почему?

— Потому что у Ариэль рыбки мозги и другого сокращения, кроме такого «оригинального» она не придумала. Здорово, Арс.

Третье действующее лицо (вот сидел бы дальше и не отсвечивал!) возникает за моей спиной, так что я его не вижу, зато прекрасно слышу. И, посторонившись, чтобы братцы-кролики смогли обменяться рукопожатиями, голосом пай-девочки произношу:

— Почему же не придумала? Ещё есть «кошак облезлый». Тебе так больше нравится?

— А Ариэль это?..

— А это уже его фантазии выкидыш. Кристина, вообще-то.

— Арсен, — представляется в ответ он, стягивая сначала кроссовки и пристраивая их поближе к стене. — Не обращай внимания на братца, у него всегда было туго с чувством юмора.

— И это ты мне говоришь? Ай! — я бы много ещё чего сказала, на самом деле, но коварная кошатина дёргает меня за футболку, утаскивая назад, а затем ещё и становится так, что обратно не прощেমиться при всём желании.

— Русалкам слова не давали, — потеряв бок, за который я его ущипнула, сообщает Фей, не поворачиваясь. И уже брату. — Раздевайся, проходи, чего в дверях застыл?

— Да-да, проходи. Моя комната слева по коридору, раздеться можешь прямо там, — поддакиваю я из-за спины.

Шучу, конечно, ведь не воспользоваться случаем побесить Котова, это надо быть просто дурой. Но если бы в какой-то параллельной вселенной Арсен принял такое предложение... Положа руку на Уголовный кодекс — фиг бы я отказалась. Просто потому, что... Эй, это же мечта! А мечты надо исполнять.

— Какое заманчивое предложение...

— Мелкая, ты ещё здесь? Тебе никуда не пора? В душ там после работы...

— Без него не пойду, — с трудом сохраняя нейтральное выражение лица, указываю я пальцем на ржущего эльфа. Если он реагирует адекватно, почему бы не потоптаться по этой полянке вдоволь?

Но соседка явно считает по-другому, потому что в следующий момент я оказываюсь на его плече, которое не то, чтобы костлявое, но всё равно больно впивается в живот, и таким образом путешествую аж до своей комнаты. Где Фей, прошествовав по ковру, почти бросает меня на кровать.

— Ты сбрендил, питекантроп недоразвитый? — едва восстанавливается дыхание, возмущаюсь я, не беспокоясь о том, что кто-то в коридоре услышит.

— Сама дура неадекватная. У него девушка есть, вообще-то.

— Фей, ты больной, это шутка была! — чуть тише реагирую я, хотя на языке крутится «девушка не стенка, подвинем».

Но он уже выходит, напоследок так хлопнув дверью об косяк, что в ушах звенит. И я едва успеваю доскакать до неё, чтобы услышать, как Арсен с улыбкой в голосе говорит:

— Да, весело тут у тебя.

И мрачный ответ Котова:

— Вообще уржаться. Пошли на кухню.

Не пошли, а пойдём, неуч!

В этот вечер я принципиально стараюсь не пересекаться больше с кошаком, даже ужинать выбираюсь, лишь убедившись, что он в своей спальне. Конечно, окончательно испортить мне настроение у него не получилось, но всё-таки. Что это, блин, было? Тем более ладно, если бы этот придурок действительно не знал моего стиля общения. Но даже наши пикировки зачастую были, если не пошловаты, так двусмысленны. И его братец, судя по всему, никакой психической травмы не получил, так чего беситься-то?

Наверное, постичь мужской логики мне просто не дано, так что стараюсь выбросить это из головы. Хотя сделать того же с чудным видением овеществлённой мечты, не так просто. До чего же хорош, а! И занят. Я в печали.

Печаль не мешает, тем не менее, порыскать по соцсетям в поисках Ильи. И обломаться по полной программе, потому что ни одно из пятнадцати лиц мужского пола в нашем городе и близко не похоже на нужного. Скрываетесь, товарищ Романов? Ладно-ладно, я терпеливая.

А ещё жутко хочется спать. Поэтому, едва отключив ноутбук и отодвинув его подальше, отключаюсь до следующего утра.

Игнорировать кого-то, кто сидит в полуметре сложно, но у меня получается. Ровно до тех пор, пока кофейничающий Фей произносит первое слово за последние минут пятнадцать. И это слово...

— Извини.

Демонстративно прочистив ухо ноготком, я слегка поворачиваюсь на стуле в его сторону:

— Мне послышалось?

— Нет.

— Нет, и?

— Без и. Извини.

Котов извинился передо мной два раза. Вот это достижение! Дайте красный маркер, я запишу это на стене.

— И ты не желаешь объяснить, что это было? Осеннее обострение, Луна в Козероге, ПМС?

— Это не... — последнее его, кажется, добивает окончательно. Да и вообще, выглядит он так, словно наступает себе на горло тяжёлым таким ботинком. Гриндерсом, не меньше. — Женщина, ты вообще оправдания принимать умеешь?

— Оправдания — да. Но они, если ты не заметил, так и не прозвучали. Тем более сомневаюсь, что ты делаешь это искренне, а не из-за опасений получить дозу слабительного в завтрак.

Нет, это я подсыпать точно не стала бы. А вот какой-нибудь виагры... Да только дорогая она, зараза. Прямо не знаю, что должен натворить Фей, чтобы я разорилась на такую месть. Тем более за ночь произошедшее потускнело, и обижаться я не собиралась. Господи, да мало ли мы за эти годы друг другу наговорили. Фразой больше, фразой меньше. Зато теперь могу всем рассказывать, что кошак меня на руках носил. Плечо — это же тоже рука, да? Правда, могу, но не буду, так меня точно в его любовницы запишут. Это ещё никто не прознал, что мы живём вместе, представляю какое цунами слухов поднимется.

Но Лизавете всё равно расскажу, мстительно глядя на вновь замолчавшего Фея, решаю я. И про «носил на руках» тоже, но особенно про чудного эльфа. Как ни крути, а ему проигрывают и сам котофей, и Илья. Кстати...

— У Арсена тоже Котов фамилия?

Он едва не давится кофе, непонятно, правда, от чего — от самой сути вопроса или от тона, в котором больше нет ни капли яда.

— Нет, у него фамилия отца, Айдаров. Он на четверть татарин, но папаша давно с горизонта исчез, так что Рита покрестила его, как Арсения. Хотела имя и по документам сменить, но потом решила оставить.

— Рита?

— Да, его мать и моя тётка. Но за тётю она таких лещей отвечает... — Фей даже почёсывает упомянутую часть тела, видимо припомнив последний сеанс рукоприкладства.

Я собираюсь было поинтересоваться, с чего бы такие откровения о семье, но память вдруг подкидывает ассоциацию.

— Погоди-ка! Маргарита Айдарова — это не владелица станции «Своё радио»?

— Вообще, да. Хотя я удивлён, что ты его слушаешь.

— Шутишь? Оно реально крутое, я в машине только его и слушала. Ну и дома на каникулах, когда без машины осталась...

— Тогда девушку Арса тоже должна знать, она там же работает, диджей дневного шоу.

Я быстренько прикидываю по голосам, кто может оказаться подружкой кошаковского брата и предполагаю, наудачу:

— Ринка?

— Нет, Катерина давно и плотно замужем. Анжелика.

— О-бал-деть, — по слогам произношу я.

— Что? Вы бы с ней нашли общий язык, такая же зараза.

Общий язык с той, на чьего парня я слюни пускала? Не думаю. Но...

— Она офигенная. Крейзи, конечно, но офигенная. А голос? Даже меня пробирает временами, мужики у приёмников из штанов выпрыгивают, наверное. И теперь понимаю, как её ещё не выгнали, с такими-то темами эфиров...

— Да, провоцировать Лика любит, тут не поспоришь. Но большинство тем как раз Рита предлагает.

— Чёрт, я впервые тебе завидую, — вдруг признаюсь я. Вероятно, тоже волной откровенности зацепило.

— Познакомиться хочешь? — интересуется, вполне серьёзно, судя по тону, Фей. И едва я успеваю закивать, как та собачка, что любят лепить на приборку, уверенно обещает. — Значит, познакомишься.

И я, почему-то, верю.

Остаток недели пролетает бодрым таким галопом. На фоне ожидания как-то незаметно проходит последняя смена, даже с учётом контрабандно протасченного в магазин тортика, которым я проставляюсь перед девочками. И отправляя на покой форменную футболку я, вместе с чувством лёгкой грусти испытываю и облегчение.

На самом деле, работа с людьми — совсем не моё. За прошедшие два года осознание этого только росло и укреплялось. Все эти нещадно тупящие или, наоборот, считающие себя самыми умными... Я успела насмотреться на таких индивидуумов, что единственной мыслью было «в каком дурдоме нынче день открытых дверей». Наверное, именно поэтому всё чаще мечталось после выпуска устроиться в какой-нибудь тихий офис и общаться вживую исключительно с небольшой кучкой коллег. Но до исполнения такого желания было ещё пахать и пахать.

И я пашу, кстати. Не так, как Сивка-бурка, конечно, но всё же сосредоточиваюсь на учёбе и на парах, стараясь не ловить мух, чтобы к сессии подойти с как можно большим количеством автоматов. Благо практиковали подобное почти все преподаватели, кроме парочки особо противных и принципиальных. Принципиальных в том плане, что сдать им что-либо без дополнительно финансовой подпитки было делом долгим и неблагодарным. И это юридический факультет. Самый не коррумпированный, да.

Впрочем, всё это не мешает играть с самой собой в угадайку «позвонит-не позвонит». Нет, если совсем откровенно, сильно расстраиваться во втором случае я бы точно не стала. Но, с другой стороны, какой девушке будет приятно, если её продинамят? Эй, да мы даже не слишком нужных поклонников предпочитаем держать поблизости, что уж говорить о понравившемся мужчине.

Так что, когда в пятницу телефон начинает наигрывать песню Modern Talking, а на экране отражается не забитый в контакты номер, я слегка нервничаю. И трубку беру, лишь со второго раза попав по зелёной полоске, даже понимая, что это может быть кто угодно, от сменившей сим-карту приятельницы до спама в виде приглашения на омолаживающие процедуры (в мои неполные двадцать два без них ну вообще никак).

Но это Илья, со знакомой уже, немного несовременной манерой разговора, с этим «здравствуй», произнесённым совсем не официальным тоном и повтором просьбы уделить ему время сегодняшним вечером. Конечно же, я за, но стараюсь не показывать этого слишком явно, но и не скрывать заинтересованности.

Чёрт, в рамках двадцать первого века полгода без отношений — это почти вечность, да и раньше я никогда не ходила на свидания вот так, почти ничего не зная о человеке. Одноклассник, парень с курсов вождения, брат друга, одноклассник... Сейчас просто не знаю, как себя правильно вести, как реагировать и что говорить. Но... Эх, где наша не пропадала?

Попросив забрать меня в семь с ближайшей к дому остановки (не светить же адрес, тем более кошаковский), заруливаю в торговый центр. Мне просто жизненно необходима новая помада!

Сколько времени нужно девушке, чтобы собраться на свидание? Вообще, сколько бы его ни было, всё равно будет мало. Так что, когда стрелки часов подбираются нужной цифре, я совсем не чувствую себя готовой.

Нет, в целом, я себе нравлюсь. Ярко-синее платье с ремешком, туфли в тон, тонкие светлые чулки — вполне себе достойный образ, особенно после того, который Илья созерцал в прошлый раз. Да что там, сегодня даже стрелки получаются одинаковыми, словно подводка решает смиловаться надо мной. Немного туши, совсем чуть-чуть румян и помады... В зеркале отражается этакая девочка-нимфетка, скромная и невинная, если бы не вызывающе-красный цвет волос. А что, черти моего омота показываются далеко не каждому, это ещё нужно заслужить. Надеюсь, Илюша своего шанса не упустит.

Из комнаты я выхожу как правильная девушка (та самая, которая должна немного опаздывать), то есть ровно в семь. Но едва успеваю взять куртку и задвинуть обратно дверцу шкафа, в коридоре, как чёртик из табакерки, появляется Фей.

— Куда собралась?

— Чего тебе, болезный? — удивлённо интересуюсь я, надевая кожанку. — С каких пор ты мой папочка, и я должна отчитываться?

— Ариэль... — наверное, он хочет, чтобы это прозвучало угрожающе, но в ответ получает лишь фырканье.

Серьёзно? Он думает пронять меня подобным? Как наивно. Хотя... Ну что мне стоит утолить его любопытство? Это было бы даже благодушно. Ведь Котов, судя по виду, никуда сегодня не собирается, так пусть хоть узнает, что есть жизнь и за пределами его трёшки. И мило улыбнувшись, признаюсь:

— Всего лишь выполняю твои требования, кстати.

— Мои... требования?

— Ну, это же ты просил все игрища проводить на нейтральной территории? Кто я такая, чтобы спорить. Бай-бай, милый, квартира на вечер полностью в твоём распоряжении, повеселись тут.

И, не дожидаясь реакции, выскакиваю за дверь.

Серый Фокус уже на месте, что только подтверждает предположения о педантичности моего кавалера. А пока я сверяю номер на автомобиле, чтобы не присесть к кому-нибудь незнакомому, мужчина выходит открыть мне дверь. Господи, из какого он века? Я думала, джентльмены вымерли, как вид.

— Добрый вечер, — крупная красная роза без шипов и пошлых упаковок из целлофана перекочёвывает в мои руки, пока Илья прикасается к щеке лёгким, едва ощутимым поцелуем. — Замечательно выглядишь.

— Спасибо, ты тоже.

И это совсем не взаимная лесть, он на самом деле выглядит отлично в чёрном костюме, а оттенок галстука будто специально подобран под моё платье. Взгляд отмечает и неширокий золотой перстень на левой руке, и хронометр известной фирмы. Зато чего нет, так это нарциссизма, который я просто на дух не переношу. Понятное дело, себя нужно любить, но вот проявлять это перед всем и каждым...

В салоне чистота, приятный запах зелёного чая и ненавязчивая музыка. И усаживаясь на сиденье, я ощущаю себя девушкой из американского фильма. Ну, знаете, которую ведёт на выпускной самый популярный мальчик школы, а она никак не может до конца поверить в

реальность происходящего.

Идеальных не существует, в этом я давно убедилась. И, наверняка, у Ильи есть какой-нибудь скелет в шкафу, вроде сумасшедшей бывшей, или же привычка разбрасывать грязные носки и ковыряться в носу. Но едва ли это откроется сегодня, а значит... Пошло всё к чёрту, имею право на несколько часов счастья.

— Ты не против, я оставил выбор ресторана за собой.

— Обожаю, когда мужчина берёт подобные вопросы на себя, — почти честно отзываюсь я.

— Надеюсь, «Старый город» тебя не разочарует.

Заведение, входящее в десятку лучших нашего города? Даже не сомневаюсь.

Машину Илья ведёт уверенно, без ненужных телодвижений и «шашечек» по рядам, что только прибавляет ему пару баллов в моих глазах. Не зря же некоторые сравнивают манеру вождения с тем, как мужчина ведёт себя в постели. Молчание тоже не давит, но я всё равно решаю спросить, нарушив тишину:

— Как командировка? Где ты был, кстати?

— В Новосибирске, — тут же откликается он.

Скудные остатки географических знаний предполагают, что это где-то очень далеко, но я не уверена, что не путаю с Новороссийском. Тем более сама я, кроме родного города и того, где жила сейчас, два раза была в столице и один в Питере, так что ничего удивительного.

Но Илья уже продолжает, рассказывая о поездке, и во время разговора я наконец-таки узнаю о нём несколько больше, чем имя и фамилия. Оказывается, мы коллеги (если у меня хватит терпения и мозгов доучиться, конечно) и работает он юристом в страховой. Неплохим юристом, судя по всему, ибо я как-то плохо представляю, что заурядного сотрудника отправляли бы представлять интересы компании в суде через полстраны.

А ещё ему всего двадцать шесть, хотя я предполагаю по меньшей мере что-то около тридцати. Но знаете, когда твой папа старше мамы на двенадцать лет, подобное беспокоит мало.

— Я только университет закончу в двенадцать четыре, как ты всё успел? — не выдерживаю я, не справившись с занимательной арифметикой в уме.

— В 15 закончил девятый класс, у нас тогда четвёртого не было, в 18 техникум, затем отучился три года в университете опять же по сокращённой программе и в 21 диплом о высшем образовании был на руках. А потом повезло взять хороший старт и всё как-то само собой закрутилось. Ты уже решила, с чего хочешь начать после выпуска?

С обалденно проведённых последних каникул, вообще-то, но после его речи о хорошем старте подобное признание выглядело бы мягко говоря глупым. Поэтому выдаю недавнюю мысль о какой-нибудь спокойной работе и получаю в ответ искреннюю улыбку:

— Спокойная работа у юриста? Покой нам только снится, поверь. Но когда счёт посещённых городов переваливает за десятку... Хотя здесь всё от характера зависит, на самом деле. Мне нравится такой ритм, нравится даже то, что дома бываю хорошо если дней семь-восемь в месяц.

Делаю маленькую пометку, что если это свидание окажется продуктивным, частых встреч в любом случае ждать не стоит, и улыбаюсь в ответ, пока он заруливает на парковку. Да ладно, Крис, не загадывай так далеко. Он и так слишком хорош, чтобы быть правдой.

А мужчина-идеал тем временем подаёт руку, помогая выйти из машины.

Ну, а я что говорила?

Входя в ресторан я надеюсь только, что не выгляжу провинциалочкой, впервые приехавшей в Москву, с этим её приоткрытым ртом и телячьими глазками. Уровень действительно чувствуется прямо с порога. И не в смысле «дорого-богато», как нарочитым говорком с издёвкой восхищается иногда Лизавета, а в том ненавязчивом стиле настоящей роскоши, которая не считает нужным бросать пыль в глаза.

Одетый с иголочки официант провожает нас к столику на втором этаже, у окна из которого открывается отличный вид на площадь и гуляющих по ней людей, приносит папки с меню и удаляется, чтобы дать возможность определиться с заказом.

— Решила, что выберешь? — интересуется Илья, когда я перелистываю последнюю страницу и возвращаюсь к первой.

Цены здесь — просто Новый год и, хотя я полностью согласна с мнением, что платит приглашающий, тем более, когда он мужчина, смелости ткнуть ноготком в желаемое, не хватает. Но есть отличный вариант, который срабатывал всегда (под всегда я имею в виду «рестораны» вроде Макдональдса, да), так почему бы не использовать его?

Захлопнув папку, я поднимаю взгляд на мужчину:

— Выбор места оказался на десять баллов. Рискнёшь повторить с заказом?

— Юристы вообще рискованные ребята, — не колеблясь парирует он. — Мясо, птица, рыба?

— Хм... птица.

— Значит рагу из утки с грибами. Салат... — он открывает нужный раздел и рассматривает варианты. — Есть что-то, что ты не ешь? Диета, аллергия, может идейные соображения... Нет? Замечательно, значит из ломтиков языка с орехами и баклажанами. Десерт.

— Ох, погоди, давай десерт отложим пока? Боюсь, его я могу просто не осилить.

— Хорошо, тогда вино. Какое предпочитаешь?

Судя по тому, что сам Илья на машине, пить мне предстоит одной. Но это не означает, что я сейчас потуплю взор и попрошу свежевывжатый сок. Ну уж нет, дегустировать — так по полной программе. Хотя я определённо предпочла бы что-то покрепче, но, боюсь, к таким откровениям он пока не готов. Потому...

— Красное и такое сладкое, чтобы заработать диабет не сходя с места.

К счастью, чувство юмора у него есть, так что слегка чёрная шуточка не смущает.

— Вот последнего не обещаю, но, надеюсь, не разочаруешься.

Официант, чутко отреагировавший на жест, принимает заказ и уходит, вновь оставляя нас наедине. Я самую малость смущена, поэтому кручу головой по сторонам, разглядывая стены, картины, другие столики и всё, что угодно, кроме того, на кого стоило бы смотреть. Но через минуту это становится уже неприлично, так что приходится перевести взгляд на Илью. И осознать, что сам он тоже занимался разглядыванием. Меня.

Это не Котов, приходится напомнить себе. Так что мило улыбаемся и даже не думаем выдавать нечто из серии «чего смотрим?» В конце концов, побыть один вечер девочкой, а не язвой и заразой, не так сложно.

— Твоя очередь, — предлагает вдруг он. — Расскажешь о себе?

Мозг тут же выдаёт с десятков историй, которые вот точно не стоит рассказывать. Никогда. Никому. Ни при каких условиях. И, вот гад, ни одной идеи, с чего начать. Но с

чего-то же нужно, и я начинаю, открыв «страшный секрет», что вовсе не с этого города.

На самом деле, это оказывается не так сложно, как казалось. Когда тебя слушают так, как это делает Илья, рассказ выходит почти сам собой. О родителях и детстве, о мечте стать ветеринаром, которая оказалась забыла из-за боязни крови. Точнее не боязни, конечно, но чувство тошноты не тот спутник, который необходим врачу. О переезде сюда и привыканию жить отдельно. Об учёбе и преподавателях, большинство из которых Илье известны не понаслышке.

Я так увлекаюсь, что продолжаю даже когда приносят заказ и изумительную утку приходится пробовать прямо в процессе. И сдерживать стоны восторга, потому что мясо (да-да, птица, я помню), буквально тает на языке.

— Чем ты увлекаешься?

— Какого-то особого хобби нет, на самом деле, — не считать же подобным просмотр сериалов. — Иногда ходим с друзьями в боулинг или бильярд, иногда на концерт или в театр, если что-то интересное попадается. В июне были в лазертаге, столько адреналина, ты не поверишь.

— Это ты на страйкболе никогда не была.

— Ты играешь в страйкбол?!

Мне не удаётся до конца скрыть удивления, и он это замечает:

— Неужели у тебя уже сложилось мнение, что я способен управляться только с бумагами?

— Нет, но... Это же пыль, грязь всякая. Твои костюмы и рубашки как-то плохо с этим сочетаются.

— Эй, у меня есть джинсы. Целые одни, — он смеётся, и я не могу не улыбаться в ответ.

— Знаю-знаю, можно сказать, именно они нас и познакомили.

— Предлагаю за это выпить!

Илья поднимает бокал с холодным чаем, но едва я успеваю коснуться его своим, с вином, и сделать небольшой глоток, как оживает телефон. Он в клатче на сиденье соседнего стула, переведён в режим вибрации, но игнорировать всё равно сложно. И, кто бы это ни был, мне лучше ответить и отлупить его за попытку испортить мне свидание.

— Прости, пожалуйста, но если это мама, лучше мне не игнорировать звонок. Я отлучусь на минутку?

— Разумеется, всё в порядке. Я пока закажу десерт, хорошо?

— Только если это будет что-то миниатюрное. Иначе ты можешь больше никогда не увидеть на мне это платье, — я шутливо грожу ему пальцем. — Я в него просто не влезу.

— О, нет, на подобное я просто не могу пойти, — картинно хватается за сердце он. А затем уверяет, реагируя на вновь завибрировавший телефон. — Леди, я буду Вас ждать.

Уборная чистая, светлая и просторная, но теперь мне не до разглядываний. И выудив мобильник из клатча, я почти не удивляюсь, заметив два пропущенных от Лизаветы. И третий, входящий, который происходит прямо сейчас.

— Да?!

— Приве-е-ет, — таким тоном тянет она, что сразу понимаю — знает.

Вот же гад, а?

— Настучал уже, скотина? — риторически утоняю я, а подруга хихикает в ответ.

— Просто заинтересовался «что за хрен с горы и откуда он нарисовался», — судя во всему, это цитата из Котова. — А я сама ни сном, ни духом. Колись, что за...

— Очень милый парень, между прочим, — пока Илье не перепало нелестное определение и от Лизы, перебиваю я.

— И почему я о нём ничего не знаю?

— Ты хочешь поговорить об этом прямо сейчас? Бэт, я в туалете «Старого города», в зале меня ждёт симпатичный, воспитанный мужчина, обалденная еда и вино. Мы правда не можем отложить этот разговор?

— «Старый город»? — судя по всему, она впечатлена. — Ого, да он мажор. Ладно, я поняла, пытки оставлю на завтра. Мы приедем часам к двенадцати, не вздумай спать в это время.

— Разбудишь, как будто первый раз, — отмахиваюсь я, параллельно проверяя в зеркале макияж и приглаживая волосы.

— Тоже верно. Стоп, ты домой-то сегодня вообще собираешься?!

Вероятность ответа «нет» примерно один к ста, но она же наверняка расскажет Фею, да? Поэтому я улыбаюсь отражению и произношу:

— Не уверена. До завтра, Бэт.

Будет знать, как докладывать на меня лучшей подруге, кошак дранный!

По возвращении я никак не могу отделаться от мыслей, с чего бы Фею понадобилось расспрашивать Лизу о моём свидании. Даже клубника с безе под непритязательных названием «десерт английской королевы» и рассказы Ильи о забавных историях из практики неспособны полностью от них отвлечь. И мужчина это, естественно, отмечает.

— Тебе нужно домой? После разговора ты какая-то задумчивая...

— Прости, — вот свинюка некультурная, на ужине с одним парнем думаю о другом, будь он тысячу раз исчадие ада. — Да, меня немного озадачили, но ничего серьёзного. И домой точно не надо, ещё слишком рано.

— Тогда после ужина предлагаю доехать до набережной и немного прогуляться, если ты не против...

Вечерняя набережная? Пройтись по ней с привлекательным парнем? Растрясти перед сном полученные калории?

— Я за!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В двенадцатом часу Ильяс возвращает меня туда, откуда взял. Настаивает, естественно, проводить до дома, но тут уж я непреклонна, потому как от Котова можно ожидать всего, чего угодно. А ну как торчит у окна с биноклем или берданкой? Нет, спасибо, сотню метров я прекрасно дойду от остановки сама, тем более освещение в этой части города вполне на уровне.

Я уже немного привычно (к хорошему вообще быстро привыкаешь) жду, пока он откроет дверь и подаст руку, помогая выйти из машины. И уточняет, раз в пятый:

— Ты точно против того, чтобы я проводил?

— Не волнуйся, здесь буквально пара шагов. И я отпишусь, когда зайду в квартиру.

— Маленькая упрямица, — Ильяс качает головой, но звучит это скорее шутливо, чем с настоящим укором. И меня почему-то совсем не тревожит это «маленькая», хотя обычно любые комментарии насчёт роста провоцируют выпустить иголки. — Хорошо, тогда я буду

ждать сообщения.

Я только открываю рот, чтобы ответить, сама пока не зная, что именно, а он вдруг наклоняется... И целует. Мягко, осторожно, словно давая шанс отстраниться, если мне что-то не понравится. Одна рука ложится на талию, привлекая ближе, а вторая на внешнюю сторону шеи, вынуждая немного наклонить голову вправо. Как будто я против!

Наверное, он всё делает именно так — уверенно и основательно, так что мне остаётся лишь расслабиться и поддаться. Никакой излишней напористости и желания показать тридцать три способа французского поцелуя (или специфику работы вакуумного пылесоса... как вспомню, так вздрогну!), только мягкие, горячие губы и язык, которым он скользит по моим.

Надо признать, этот парень умеет целоваться. Не взрыв эмоций, но ровная нежность, которая укутывает, как пледом. И кончики пальцев, рисующие узоры на шее и разбегающиеся от них мурашки. Приятно, чёрт возьми!

— А теперь иди, иначе я поддамся соблазну посадить тебя обратно в машину и увести к себе, — отрываясь, слегка хрипло произносит Илья. И звучит это весьма повелительно.

Ого, он и так умеет? Видимо не настолько господин Романов предсказуем, как казалось раньше. И не то, чтобы я была против расклада с экскурсией к нему домой, но... Секс на первом свидании? Пожалуй, действительно, не сегодня.

— Очень заманчиво, — коротко поцеловав его в ответ, я облизываю губы и качаю головой. — Но сегодня у меня по плану сон в собственной постели...

— Спокойной ночи, Кристина, — в эту улыбку вполне можно влюбиться.

— Спокойной ночи, Илья.

Ухожу я не оборачиваясь. Чтобы точно уж не поддаться соблазну вернуться...

Илье я отписываюсь прямо из лифта, позвякивая связкой ключей. Ноги слегка побаливают от прогулки, губы покалывает от поцелуев, а сердце ещё окончательно не уладило ритм. Да и вообще, я чувствую себя так, словно вот-вот оторвусь от земли. Не улечу, конечно, но немного полевитировать, почему бы нет.

Тихонько открывая оба замка, я вхожу в квартиру, даже не пытаюсь прятать улыбки. И тут же натываюсь на изрядно недовольный взгляд Фея.

Он стоит в коридоре, и впрямь как строгий папаша, ожидающий дочь, которая нарушает комендантский час. Прислонившись спиной к зеркальной дверце шкафа и скрестив руки на груди.

— Как свидание? — не дожидаясь, пока я выдам какую-нибудь колкую фразочку (я же только настроила, ну!), спрашивает он.

— Отличная штука, и тебе советую, — разуваясь и стягивая куртку, всё же не удерживаюсь я. — А то смотри, у тебя правая рука как-то накаченнее выглядит, нет?

Вообще, особого желания устраивать пикировку и портить себе настроение, нет совершенно. Хочется ещё немножко побыть в этом состоянии лёгкой эйфории и убеждённости в собственной привлекательности. Так что прохожу мимо, даже не пытаюсь отодвинуть его и повесить куртку в шкаф. Брошу пока в комнате, делов-то.

Но стоит сделать несколько шагов по коридору, ведущему к спальне, как Фей устремляется следом. Я ещё успеваю развернуться, желая поинтересоваться, какого чёрта он телепается следом и... Больше не успеваю ничего, потому что в следующую секунду меня прижимают к стене и целуют. Второй парень за вечер...

Какая там нежность? Почти как во сне — агрессия и наказание. Болезненный укус, грубо раздвинувший губы язык, ладони, сжавшие талию. Стихию не интересует ничье мнение, торнадо не спросит разрешения, прежде чем унести тебя с собой. Я отвечаю, всего на секунду, но отвечаю, подчиняясь его сумасшествию. И только осознав это, нахожу в себе силы оттолкнуть.

Сбрендил?! Я не произношу этого, но говорю взглядом. Что-то внутри требует отвесить пощёчину и заорать, но... Я не приемлю насилия по отношению к тому, что заведомо не может ответить тебе тем же. И кричать смысла не вижу, хотя очень и очень хочется. Нет, дорогой, ты испоганил настроение мне, так получай в ответ.

— Решил изменить условия проживания? — голосом хоть лёд замораживай, за что себя готова похвалить — смогла, не сорвалась. — Мне теперь натурой расплачиваться?

Его больше и отталкивать не нужно, отшатывается сам. Карие глаза напротив гораздо темнее чем обычно и уж точнее злей.

— Дура, — выплёвывает он, преодолевая расстояние до спальни, врываясь туда и знакомо уже ударяя дверью об косяк.

Дура, соглашаюсь я, входя в свою комнату и сползая на пол. Однозначно, дура, потому что мозгов уже не хватает, чтобы понять, что, чёрт возьми, происходит.

А вечер он мне всё же испортил... Скотина!

Будит меня вовсе не привычный Лизаветин ритуал с выдёргиванием подушки из-под головы и водружением на оную, а вибрация телефона. И хотя виновата в том, что не озаботилась с вечера включением режима «не беспокоить» я сама, дружелюбия голосу это не прибавляет. И в прозвучавшем «да?» кроется почти не завуалированный подтекст «а не пойти бы вам?».

— Прости, не подумал, что ты такая соня, — голос Ильи звучит несколько виновато. — Доброе утро.

— Доброе, — соглашаюсь я, разлепляя глаза и встречаясь взглядом с часами. — Ничего страшного, мне всё равно пора вставать. У подруги методы пробуждения куда более варварские, чем звонок с приятными пожеланиями.

— Значит, я прощён?

— Почти, — я чувствую, как начинаю непроизвольно улыбаться.

Сегодня он не такой серьёзный, что, несомненно, хороший знак. Как и сам факт звонка, вообще-то, но это осознаю не сразу, частично пребывая пока в объятиях Морфея.

— Может быть приглашение в кино сегодняшним вечером искупит оставшуюся часть моей вины? — флиртующим тоном уточняет он.

— Кино-о-о... И что же нынче дают в синематографе?

— «Город грехов»? Он как раз ещё не кончился, я уточнил на сайте.

Я бы с куда большим сходила на «Люси» (потому что это Скарлетт Йоханссон, вы видели её вообще?!), но если кавалер жаждет любоваться на чёрно-белые кадры Родригеса, так тому и быть. Тем более, кто вообще ходит с парнем в кинотеатр смотреть фильм? Я точно предпочту провести время интереснее, чем пялиться на экран.

— Отличная идея. Во сколько? Просто днём я гуляю с подругой и...

— Восемь устроит?

— Да, замечательно, как раз успеем обсудить все животрепещущие вопросы.

— И меня?

— Тебя — в первую очередь, — под довольный смешок признаюсь я.

Интересно, он был бы так доволен, зная, кто вторая «тема дня»? Ой, сомневаюсь...

Из спальни по направлению к ванной я выползаю одновременно со звуком дверного звонка. Впрочем, будь это не так, всё равно бы его не услышала. Но открыть не успеваю — Котов опережает буквально на несколько секунд, впуская свежую и пышущую энтузиазмом Лизавету.

— А Лёник где?

— Сейчас машину перепаркует и поднимется, — целуя Фею в щёку, отчего мои глаза из исконно китайских превращаются в глаза героев японских мультиков, щебечет Бэт и, сбрасывая туфли, идёт ко мне. — А я думала, будить придётся.

— Тебя опередили. Эй, нет, сначала рот с мылом вымой! — попытка пресечь смачный поцелуй уже в мою щёку, оканчивается провалом. Ну, если не считать за успех слегка перекосившуюся мордашу Котова.

— Не вредничай, — велит подруга, пытаясь пальцами привести в порядок мои волосы.

Обламывается, конечно, потому что без расчёски с утра (даже если это утро наступило в одиннадцать пятьдесят) жизнь не мила, но не унывает. — Ай, ладно, иди уже моську мой и на кухню, Лёня пакет с тортиком притащит.

И я послушно тащусь, потому что Лизка — это Лизка, немного деспотичная и слишком энергичная для такой жуткой рани, но за это я её и люблю. За это и ещё целую кучу всего.

— Ну, давай уже, рассказывай! Я думала не дотерплю и разорвусь на кучу маленьких Лиз!

Примерно через час мы, бодрые (это Бэт) и весёлые (это я после двух кусков её торта), шагаем на направлении к главному проспекту города, без особой цели, зато к взаимному удовольствию. И, естественно, Лизавету интересуется всё, что я готова рассказать и даже немного больше. Вот серьёзно, мне и в голову не пришло спрашивать вчера, есть ли у Ильи животные и кого он больше любит — собак или кошек. А по мнению подружки — это безумно важный вопрос, без которого «как ты вообще о человеке судить-то будешь, если не знаешь, любит ли он животных»? То, что сама я к ним почти равнодушна... Кого это волнует, верно?

— И что, прямо вот так молча взял и поцеловал?

— А он должен был запросить у меня письменное разрешение? Ай, больно!

— А нефиг издеваться, — парирует вредная блондинка, только что ущипнувшая меня за руку. — Ну, и как?!

— Как-как... офигенно! Прямо вот то, что доктор прописал, — непроизвольно погружаясь в воспоминания о губах Ильи, мечтательно щурюсь я.

Мы успеваем добрести до Макдональдса, прикупить по молочному коктейлю и устроить за столиком на улице в отдалении от остальных посетителей.

— То, что доктор прописал — это «увези меня к себе, полежу я на спине».

— Артемьева, ну фу же!

— Чего фу? Что естественно, то не без оргазма. Не я жаловалась, между прочим, что у неё недо...хм...люб.

— Да уж точно не ты, — бормочу я. Периодически заносит нас обоих, так что возмущаться было бы странно. Тем более, тут задачка посложнее — решить, рассказывать ли о втором, не менее «то, что надо», если уж совсем честно, поцелуе.

— Так-так-так, ты от меня что-то скрываешь! — оторвавшись от трубочки, вдруг заявляет подруга.

Что тут скажешь, не всегда её сыщицкие способности просыпаются на пользу мне. В любом случае, вот и стимул рассказать, иначе она же с живой не слезет.

— Вчера, когда я вернулась домой... — о, а вот и тот Гриндерс, которым наступали на горло извиняющемуся Фею. И моя очередь ощущать его на себе. — Котов... он...

— Бесился? — заинтересованно подаётся вперёд Лиза.

— Нет. То есть, сначала нет. Просто я его слегка подколола, ну, как обычно, а он...

— Да не тяни ты этого кота за яйца! Что он-то?

— Не тяну! — огрызаюсь недовольная, что меня подгоняют и не дают собраться с духом. — Поцеловал он меня, вот что!

Я жду какой угодно реакции, кроме той, что следует.

— Аллилуйя! — возглас такой громкий, что на нас оборачиваются парни за ближайшим занятым столиком, но сейчас точно не до них.

— Бэт, блин, какая к чёрту аллилуйя?!

— Ну, хвала богам, если тебе так больше нравится. И как целуется? Лучше, чем Илья или хуже? Скажи, что лучше, пожалуйста!

— Лиз, ты меня слышишь, вообще? — пытаюсь достучаться, потому что у подруги от новости, судя по всему, сорвало башню. — Я говорю, что меня поцеловал Котов, а тебя интересует только как он это делает?

— Почему — только? Ещё я хотела спросить, с языком или...

— Ар-р-р! Меня лично больше волнует, за каким он это сделал.

Лизавета смотрит таким взглядом, будто на моём месте появилось что-то очень и очень странное. А затем выдаёт:

— Ты дура?

— Сама такая!

— Нет, ты мне объясни, какие вообще причины могут быть у парня, который целует девушку?

— У Фея? Тысяча и одна и хоть это одна мне едва ли понравится. Наверняка, он это назло сделал.

Лицо Лизы приобретает ещё более удручённое выражение:

— Мать, совсем с дуба рухнула? Какое назло, я тебя спрашиваю? Кому назло? Я бы поняла ещё, если бы он поцеловал тебя кому-то назло. Или кого-то — тебе.

— А зачем тогда? — как-то неожиданно жалобно спрашиваю я.

Но вместо ответа, желательно аргументированного, получаю задумчивое, словно в никуда сказанное:

— А на день рождения я ей мозги подарю...

Сидим мы напротив, так что ничто не мешает пнуть подругу по ноге. Но помогает не слишком, Бэт лишь переводит взгляд обратно на меня и уточняет:

— Ты вот когда свои сериалы смотришь, тебя же сильно бесят эти дурные дамочки, которые дальше своего носа не видят, да? Тебя же прям трясёт всю, да? — вкрадчивый шёпот вдруг переходит в такой же вкрадчивый, тихий крик. И не спрашивайте, как это вообще возможно — Так какого лешего ты сама курицу слепую изображаешь? Нравишься ты ему! Нра-вишь-ся!

— Ну вот нет... — не знаю, чем я ошарашена больше — тем, как разозлилась вдруг обычно добродушная подруга или сутью её слов.

— Ну вот да! Крис, я понимаю, что тебе очень удобно с этими шорами, ты прямо сроднилась с ними, но, серьёзно, пора снимать уже.

Не хочу. Потому что подруга ошибается — это не шоры совсем, скорее подушки безопасности. И без них падать в случае чего, придётся очень и очень болезненно.

— Давай, расскажи уже, что такого сделал Тимофей, что ты его на пушечный выстрел не подпускаешь?

— А то, что он постоянно хамит и язвит мне, не в счёт? — я ещё стараюсь цепляться за хрупкую надежду вывернуться, но она истончается с каждым предложением.

Не люблю серьёзные разговоры, почти ненавижу. И Лиза знает это лучше других, поэтому случаи, когда она настаивала на подобном, можно пересчитать по пальцам. И вот сейчас как раз один из таких случаев. Наверное, поэтому подруга качает головой, забыв про коктейль и не обращая внимания на мигающий уведомлением телефон.

— Дорогая, я тебе сейчас скажу кое-что... А ты попытайся услышать. Я не могу

припомнить ни одного раза, когда Фей сам нарывался на пикировку с тобой.

— Но...

— Ты просто не хочешь или не можешь абстрагировать, со стороны иногда реально виднее. Это у тебя в его сторону вечный режим «тридцать три гадости в минуту». Он лишь принимает подачи, но никогда не подаёт сам, если есть хоть маленький шанс обидеть тебя. Не пофехтовать на языках к взаимному удовольствию, а на самом деле обидеть. А теперь подумай и скажи, если я неправа.

По правде говоря, мне остаётся лишь промолчать, потому как за три чёртовых года не удаётся припомнить ни одного случая, когда Фей действительно первым сказал что-то, что задело бы меня. Получается это я, со своим поганым характером всегда была той, кто устраивает драки в грязи? И как это смотрелось со стороны, интересно?

Судя во всему — весьма жалко...

— Так почему, Крис? Что он такого сделал? Такие чувства не возникают на пустом месте.

Всё верно, они тщательно выращиваются на том месте, где в одночасье (одноминутно даже, я бы сказала), растаптывают совсем другие чувства. Только-только начинавшие проклёвываться.

Что ж, рано или поздно этот вопрос должен был прозвучать именно так, почти ультимативно, а не в форме шутки. И если я сейчас не отвечу... Нет, Лиза не перестанет быть моей лучшей подругой. Даже не станет обижаться демонстративно. Но что тогда за подруга я, если не могу рассказать ей о том, что гложет?

— Не рассказывай ему, — прошу, уже сдаваясь и зная, что она в любом случае не рассказала бы. Такое — точно нет.

Но я больше всего на свете не хочу, чтобы гадкий кошак узнал, что был первым парнем, из-за которого я плакала. В почти серьёзном возрасте дурных восемнадцати лет.

Хотелось бы приукрасить действительность, сказав, что разговор с Бэт ввергает меня в пучину грусти, но чего нет, того нет. Как и говорила, характер у меня паскудный и зацикливаться на чём-либо практически не умею. Да, в случае с грустными событиями это только плюс. После аварии, с двумя переломами и сотрясением, я спокойно села в автомобиль спустя три дня, не испытывая никакого негатива или страха. Собственно, и за руль бы села, но с лангетой на руке это было несколько неудобно. А вот когда дело касается чего-то радостного... Серьёзно, мне иногда кажется, что даже на собственной свадьбе я максимум скажу «ура» при выходе из ЗАГСа и вернусь к привычному душевному состоянию. То-то повезёт жениху, ага.

Так что внутри сейчас не то чтобы «печаль-беда-огорчение», а скорее задумчивость. И бегающая в мыслях маленькая истеричка с плакатом «Как вести себя с Феем?»

Вот последнее просто вопрос дня, потому как меня устраивает та дружбовражда, которая царит между нами сейчас и менять что-либо ой как не хочется. И искать другое место жительства — с другим соседом, что уж тут юлить — тоже. Но если он снова отчебучит нечто, похожее на вчерашнюю выходку, что-то делать придётся всё равно. Ибо как бы замечательно кошак не целовался (прости Илья, но тут ты не конкурент), никаких отношений у нас не может быть от слова «вообще».

— Почему?

— Что значит — почему? Я же всё рассказала!

Лиза закатывает глаза, словно и не тарасила их удивлённо во время моей

незапланированной исповеди:

— Крис, это было три, — соответствующее количество пальцев взмывает в воздух, — три года назад. Тебе не кажется, что срок давности несколько истёк? Тем более, что ты хочешь от вчерашнего школьника? Себя-то вспомни.

Я вскидываюсь, дабы высказаться, что такого точно себе не позволяла, но тут же сникаю. Да, Кристин, ты же не целовалась с первым понравившимся встречным, налакавшись алкоголя, да?

— И всё равно... Не буду я с ним встречаться, он бабник.

— Кто, Тимофей? — подруга хохочет так залиvisto и искренне, что хочется пнуть её ещё раз. — Ты его с Марковым не перепутала? Это он каждой бочке затычка, я тебя сразу предупреждала, что он козёл.

— Ты говорила, что он debil, — ворчу я, припоминая, Лиза и впрямь была против Бориса, с самого начала.

— Ну да, козой в итоге ты оказалась. Рогатой. Но не суть, нафиг Маркова. Дорогая, я готова морально поддержать почти все твои инсинуации в сторону Котова, но бабник... Не припомню, чтобы вообще была хоть какая-то информация о том, что он с кем-то встречается или встречался. Так что скорее поверю, что он блюдёт целибат в твою честь.

И, чёрт возьми, я даже не могу с ней поспорить. К сегодняшнему дню половина наших однокурсников успела перевстречаться друг с другом в самых различных комбинациях или, хотя бы, имела парней или девушек за рамками университета. А Фей, весь такой открытый и дружелюбный Фей, оказывается, эту часть своей жизни никогда не освещал.

— Спроси у Лёни, — не успев прикусить язык, произношу я.

Подруга медленно отставляет в сторону пустой стакан и подаётся вперёд, опирая подбородок на скрещённые пальцы. О, нет, я знаю эту улыбку...

— Зачем? Он же тебя не интересуется, зачем тебе эта информация?

— То есть ему инфу по мне сливать, это запросто, а...

— Эй, ничего я не сливала! Ну, сказала, какие цветы тебе нравятся, это не криминал. Илюша твой, небось, розы притащил?

— И что? Красивый цветочек, между прочим.

Был. Да так и остался на заднем сиденье его автомобиля.

— Напомни, пожалуйста, розы, это которые «пошлятина и банальщина, ни ума, ни фантазии»? — цитируя меня же, издевается Лизка.

— Отвали! Не нужен мне Котов, пятый раз тебе говорю. У меня теперь есть Илья и давай на этом закончим.

— Господи, да что ж ты упрямая такая?! — голос подруги патетичен донельзя, а сама она громко и демонстративно прикладывает лбом к столу. — Ну точно коза. Плюшевая. Да чем этот твой юристишка лучше?

— Умный, — начинаю загибать пальцы я, — симпатичный, воспитанный, обеспеченный...

На последнем пункте Лизавета, прекрасно знающая моё отношение к девочкам-пиявкам, сосущим деньги из парней, усмехается. И перебивает, не давая продолжить, точнее придумать что-то ещё.

— Месяц.

— Прости?

— Ставлю на то, что через месяц ты заскучаешь в обществе такого положительного

Илюши и сбежишь, сверкая пятками. Ну, или как ты обычно это делаешь, вынудишь его самого тебя бросить. Хотя, если он на самом деле такой положительный, то сразу этого не сделает, будет мяться и тормозить... Ладно, даю вам полтора. Как раз получишь какой-нибудь хороший подарок на день рождения, хоть какая-то польза.

— Бэт, вот ты жучка, а?!

Наш собственный аналог слова «сучка» привычно не обижает её:

— Ну, давай, посмотри мне в глаза и скажи, что сама ещё не думала на эту тему.

Боже, за какие грехи ты ниспослал мне такую подругу? Наверное, в прошлой жизни я была очень-очень плохим человеком.

— Крис, вот серьёзно, я не знаю твоего Илью лично, но уже сейчас понимаю, что тебе реально станет скучно, не сегодня, так завтра. Вам просто не по пути с такой разницей в темпераментах и приоритетах. И ты, наверняка, как всегда показываешь ему то, что он хочет видеть и подстраиваешься. Ну нельзя так, правда. Если ты нужна человеку, он примет тебя любой, со всеми тараканами, истериками, кривыми зубами и привычкой не закрывать зубную пасту. А изображать кого-то, отличного от себя настоящей... Оно тебе надо? Ни один мужик этого не стоит.

По классике жанра Лизе сейчас следовало приложить руку к груди, поближе к сердцу, и провозгласить «Уж поверь моему опыту». А мне — фыркнуть возмущённо, что она не меня наговаривает. Вот только...

— Ненавижу тебя!

— Потому что я озвучиваю то, что сама ты не готова признавать? Не благодари.

Вот и не буду. Потому что пусть она двести раз права, я не хочу ничего менять. Месяц? Отлично, пусть будет месяц. Я не собираюсь за него замуж или влюбляться до гробовой доски, так что ничто не мешает пустить всё на самотёк.

Судя по всему, вся эта непримиримость отражается на моём лице, так что читает решение Лизка без труда, выдыхая обречённо:

— Двадцать лет, а ума всё нет.

— Двадцать два скоро, между прочим!

— Мозги я всё же поищу. Ну а вдруг продают где-то...

Что и говорить, шопинг после обоюдного выноса вышеозначенного органа идёт весьма тухло. Так что очень скоро я сбегаю домой, отговорившись походом в кино. И ни разу не лгу, кстати, ну и что, что не сказала о точном времени похода.

Играет на руку и то, что Котов слинял куда-то вместе с парнем Лизаветы, никто не шарится по квартире, портя мне настроение своим видом. И не мешает под ногами во время процесса уборки и готовки.

А ещё (сюрприз-сюрприз, правда неприятный), неожиданно обнаруживается причина, по которой Фей отирался вчера у шкафа, прикрывая его своими могучими плечами. Зеркало одной из дверей обзавелось новым украшением в виде шикарной такой «паутинки» сантиметров пятнадцати в диаметре. Такое ощущение, что кое-кто не особо умный съездил по нему кулаком, со всей своей дури.

Странно, что я не заметила этого раньше, а вот сейчас зависаю прямо при входе, пялясь на своё отражение в разбитом стекле. Что там говорят приметы, семь лет несчастий? Спасибо, Феюшка, придурок ты неадекватный!

Музыка орёт всюю, но кого это должно волновать, в обеденное время выходного,

правда? Вот и Люцик, меланхолично дрыхнувший на полу (но очень чутко улавливающий момент, когда я уйду в следующую комнату и перемещающийся следом), тоже согласен.

Правда домашние дела настолько затягивают, что отвлекаюсь я, только получив сообщение от Ильи, что он выезжает. То есть как выезжает?!

Времени почти нет, хватает разве что на быстрый душ, заново собранные в хвост волосы и бесцветный блеск для губ. Лиза говорила, не стоит никого изображать? В чём-то она определённно права, так что придётся Илье вести в кино не изящную леди, а обычную студентку в джемпере, джинсах и кедах. Вот забавно мы будем смотреть, если он явится в пиджаке и брюках...

Видимо везение хоть изредка, да заглядывает в мою жизнь, так как мой кавалер сегодня тоже облачён вовсе не в костюме, а джинсы (те самые, что нас познакомили) и тонкий серый свитер, прекрасно подходящий к цвету глаз. И даже белая роза в руках не выбивается из общей цветовой гаммы.

— Прости, у меня сегодня «мир-труд-май» с акцентом на среднем слове, — вместо приветствия, ведь здоровались мы по телефону, выпаливаю я.

— Хозяюшка, — беззлобно подкалывает он, наклоняясь, чтобы поцеловать.

Этот поцелуй на первый совсем непохож — слишком короткий, почти осторожный. Но оно и правильно, сейчас день, вокруг полно людей, лучше перенести что-то большее на попозже, в тёмные стены кинозала.

— На сеанс не опоздаем?

— Даже успеем заскочить за попкорном и колой, — кивая на синее здание слева, откликается Илья. — Я решил, какой смысл ехать далеко, если у тебя кинотеатр под боком?

Логично, конечно, вынуждена признать я. Не встретить бы только случайно кого-то знакомого. Одного вполне определённого знакомого, если сказать точнее. Но киваю с улыбкой, позволяя переплести наши пальцы и потянуть меня в сторону пешеходного перехода.

Ну и естественно, чего больше всего боишься, то и происходит. Безрезультатно простояв у лифта несколько минут, мы решаем подняться на пятый этаж на эскалаторе. И вот на третьем, можно сказать почти на финишной прямой, выцепляю глазами Лёню и Фею, едущих в противоположном направлении. Мне с трудом удаётся подавить трусливое желание зажмуриться или вовсе уткнуться лицом в плечо Ильи, стоящего на ступень ниже и обнимающего меня одной рукой за талию. Да и то, лишь потому, что Фей замечает нас раньше и под его взглядом творить подобное будет верхом идиотизма.

За несколько секунд, в течение которых волшебные ступеньки сокращают расстояние до минимума, а затем увозят их вниз, а нас наверх, я успеваю взять себя в руки и даже махнуть в ответ достаточно приветливо заулыбавшемуся Леониду. И проигнорировать тёмный, сумрачный взгляд Фею с поистине слоновьим спокойствием.

— Твои знакомые? — в голосе мужчины одно только любопытство, никакой ревности или недовольства.

— Парень лучшей подруги с другом, — в тон отзываюсь я.

И моя личная проблема. Но Илье об этом знать необязательно.

Фильмом, несмотря на звёздный состав, я остаюсь разочарована, впрочем, как и

ожидала. Зато всё остальное на уровне и вполне компенсирует недовольство. Небольшой зал, диванчик на двоих в последнем ряду (кожаный, отчего я делаю несколько попыток соскользнуть с него, пока Илья не притягивает поближе к себе и не удерживает объятиями на месте), полумрак, разрезаемый чёрно-белой картинкой на экране, приятный мужчина рядом...

Мужчина, кстати, ведёт себя как надо, не делая поспешных попыток перевести отношения в горизонталь прямо здесь и сейчас (да, попадались и такие, отправляемые в отставку после первого же свидания), но и не тормозящий излишне. От его свитера приятно пахнет туалетной водой, а от губ — карамелью, хоть я понимаю, конечно, что это всё попкорн.

В любом случае, из кинотеатра я выхожу с припухшими от поцелуев губами и совершенно сумасшедшими глазами. Да и волосы приходится причёсывать заново перед зеркалом в чистом, но очень уж многолюдном туалете.

С Ильёй комфортно настолько, насколько вообще может быть комфортно со взрослым уже, серьёзным мужчиной, на которого можно положиться в любой ситуации. Который поможет, поддержит, приедет и заберёт, не делая из этого события, а из себя — великого героя. Такой не станет устраивать дурацких розыгрышей и проверок, вроде попыток познакомиться с чужого номера, или использовать затасканные методы пикаперов, дабы записать очередное имя в тетрадку побед.

С таким правда, хоть завтра в ЗАГС, но... не мне.

Это всё Лизка виновата, точно говорю! Из-за её слов я сейчас так остро чувствую, насколько мы разные, по этим чёртовым характерам, темпераментам и приоритетам.

А ещё предпочтениям, потому как мужчина фильмом, точнее той частью, что удалось посмотреть, остался более чем доволен. И пытается вывести меня на обсуждение, но кроме того, что режиссёр, несомненно, человек весьма неординарный (ну а кто мог ещё снять подобный бред?), сказать нечего. Как и о самом любимом жанре Ильи — нуаре. Девяносто процентов этих фильмов сняты в то время, когда не родились даже мои родители, как это вообще может быть интересным?

Случайно забежавшая в голову мысль, что с большим удовольствием я бы посмотрела третью часть «Форсажа», валяясь на диване нашей с Феем квартиры, пусть даже в его компании, отвергается, как еретическая.

Проводить до дома я вновь не разрешаю, сейчас уже вполне обоснованно беспокоясь, что Котов может устроить какую-нибудь подлянку. Так что Илья, вручив едва не забытую розочку, многообещающе целует меня на прощание и грозитя не уезжать до тех пор, пока я не сообщу, что добралась. И что он, интересно, собирается делать, если не позвоню? Бегать по всем дворам и искать?

Но да, мы же играем в пай-девочку, значит вести себя нужно соответственно. И застегнув до конца куртку, чтобы хоть так спастись от чересчур прохладного воздуха, ухожу в ночь.

Фей спит или же создаёт видимость этого, но в квартире тихо и погашен весь свет, так что выключатель в коридоре приходится искать на ощупь. Других повреждений имущества, кроме уже виденных, на зеркале, не обнаруживает, что несколько успокаивает. Нет, ну он правда кулаком туда бил, что ли? А что не головой сразу?

Со злостью отодвинув дверь, ударившуюся о правую стенку шкафа, я замираю напряжённо. Не хватало ещё раскокать всё до конца и провести незабываемую ночь за сбором осколков. Странно, что Котов не выглянул на шум...

Эй, а с чего я вообще взяла, что он дома? Да, время двенадцать, но он давно совершеннолетний и комендантскому часу не подчиняется. Вполне может сейчас заниматься гимнастикой с какой-нибудь симпатичной и покладистой блондинкой...

Мысль отзывается солёным ощущением на языке и я удивлённо отмечаю, что успела прокусить губу, представив своего... соседа... в объятиях какой-то курицы. Или её — в его объятиях? Ар-р-р!

Разуваясь и убеждая себя, что фантазии есть зло, направляюсь на кухню, чтобы поставить уже слегка вялую розу в воду. Сомневаюсь в наличии в доме ваз, поэтому приходится воспользоваться высоким бокалом и пристроить конструкцию на кухонном гарнитуре, оперев цветок на стену. А вот чтобы сразу, как припёрся, так и увидел, а то шляется где-то, понимаешь ли...

Лишь по дороге в спальню мне приходит в голову идея заглянуть в комнату Фея, чтобы убедиться в своих опасениях. То есть, предположениях, я хотела сказать. И открыв со всей возможной осторожностью дверь, обзываю себя дурой. Потому что вредный кошак дрыхнет без задних ног, раскинувшись едва ли не по всей площади огромной кровати.

Утро встречает саднящим горлом, ощущением песка в глазах и заложенным носом. Непонятно, где я вчера умудрилась подцепить инфекцию, да и вчера ли, но результат налицо. Точнее на лице, жалобно шмыгающем в отражении зеркала. Сразу становится ясно, что планы на вечер можно отменять, ибо показываться в таком виде перед Ильёй я точно не собираюсь. Нет, замазать внешние проявления простуды косметикой труда не составит, а вот самочувствие тональником не улучшишь.

Словно в ответ на мысли в телефоне обнаруживается сообщение от Илюши, с предложением съездить на ипподром, отказываться от которого приходится скрепя сердце. Ну как же так, я так давно хотела покататься на лошадаках! Отвергаю и попытку заделаться курьером по доставке лекарств. Аптека недалеко, добреду уж как-нибудь сама, ибо мужчине для этого придётся ехать несколько километров, а мне — спалить место жительства. Нет, пока точно не стоит, особенно при учёте психически нестабильного (а какой он, если зеркала бьёт?) соседки.

Решив начать с горячего чая, я облачаюсь в длинный тёплый халат и грустным привидением бреду на кухню, по иронии судьбы наткнувшись там на кофейничашего Фея.

— О, кто пил вчера, тот пьёт сегодня? — неприятным тоном осведомляет он, наблюдая за наполнением чайника.

Игнорировать или нет, вот в чём вопрос?

— В задницу иди, — ого, и это мой голос? Мало того, что больно разговаривать и глотать, так ещё и скриплю, как несмазанная телега.

— Ариэль, ты в порядке?

Кошак в два счёта спрыгивает со стула и оказывается рядом, схватив меня за подбородок и разворачивая лицо к себе. Теперь в его тоне нечто, похожее на беспокойство, пусть и не до конца верится в подобное.

— Отвали, сказала.

Я вырываюсь и делаю пару шагов назад, увеличивая расстояние между нами. Кожа в

месте, где её касались пальцы Фея, слегка пульсирует, хотя это тоже может быть всего лишь моей фантазией. Большой фантазией простуженного человека, да. Но когда он стоит так близко, произвольно вспоминается вечер, коридор, прижатое к стене тело и жёсткие губы, сминающие мои...

Приди в себя, Крис, не о том думаешь! Думать нужно об Илье и о том, какой он хороший. О чудном ужине в ресторане, прогулке и кино, о подаренных цветах, наконец. Стоп, о цветах.

— Где роза? — прорезается нормальный голос, видимо дело было не в болезни, а в том, что до этого момента я не разговаривала.

— О чём ты?

Фей шустро отходит обратно к столу и усаживается там, весь такой сосредоточенный исключительно на чашке с кофе.

— Здесь стоял бокал с розой. Я лично оставила его здесь, так что не нужно косить под дурака или намекать на провалы в памяти. Итак, ещё раз. Где. Моя. Роза.

— А, ты об этом... Люцик уронил стакан и немного её пожевал, пришлось выкинуть.

Люцик, который всю ночь продрых в моей кровати? Сузив глаза, я распахиваю дверцы нижнего шкафа, чтобы убедиться — цветок действительно уграмбован в ведро с мусором. И по той части, что торчит наружу, настоящего кота обвинить не в чем. Зато одного наглого кошака, который непонятно что о себе возомнил — запросто.

— Ты охренел?!

— Я тут при чём? Говорю же, Люцик...

— При чём тут, млять, кот?! У тебя мозги вообще есть, ты как додумался взять и выбросить чужую вещь?! Ты эту розу дарил? Нет! Так какого хрена вообще к ней ручки свои кривые тянул?

Я не ору, скорее шиплю раздражённо, одновременно наступая на Фею. Замечая, как меняется выражение карих глаз с каждым шагом. И едва между нашими лицами остаётся не больше двадцати сантиметров, он резко подаётся вперёд, но я успеваю отшатнуться.

— Не смей, — теперь говорить сложнее, от вставшего в горле кома. — Не смей больше ко мне притрагиваться. И тем более лезть со своими поцелуями. Мне неинтересно ничего из того, что ты можешь предложить, уясни это раз и навсегда. А если не сможешь, я соберу вещи и умотаю так далеко, чтобы между нами было как минимум полгорода, ясно тебе?

Он поднимается с барного стула, разом став выше меня ростом, но с таким лицом несправедливо обиженного ребёнка, что на секунду чувствую себя сволочью. А затем выражение исчезает, как водой смытое, оставляя привычную язвительную физиономию.

— Значит, вот какой ты сделала выбор?

— Даже если мне пришлось бы выбирать, поверь, ты в списки не попадаешь при любом раскладе.

Фей кивает, давая понять, что услышал. И направляется к выходу, ухмылкой отметив, как я шустро отодвинулась в сторону. Успеваю перевести дыхание, осознав — этот бой остался за мной, но он замирает, развернувшись на самом пороге.

— Крис? — вопросительный взгляд служит ему ответом. — Я терпеливый.

— Вот и терпи. Лет в семьдесят, возможно, у меня начнётся склероз и маразм, так что я забуду, насколько тебя ненавижу.

— Врёшь.

Вру. Себе самой в первую очередь, соглашаюсь мысленно, провожая взглядом спину

Фея. Как всегда забывшего о таком элементе гардероба, как рубашка.

После насильно впихнутого в себя завтрака желание одеваться и выходить на улицу пропадает начисто. Из лекарств в сумке одно обезболивающее, зато в морозилке оказывается банка замороженной малины, значит живём. Да и от простуды никто ещё не умирал вроде.

Я возвращаюсь в спальню и забираюсь под одеяло, устроив тёмными шторами импровизацию на тему лазарета. Без вины виноватый Люциан отлучается перекусить, а затем приползает обратно, растянувшись большой и тёплой грелкой. Вот, хоть от одного кота больше пользы, чем вреда. Дверь бы закрывал за собой, когда заходит — вообще цены не было.

Под тихое кошачье мурчание прекрасно засыпается, а вот просыпается — от вонзившихся в руку когтей, отнюдь. Несильно щёлкнув вредителя по уху, я удивлённо распахиваю глаза, уловив едва чующим носом посторонний запах. И сразу утыкаюсь взглядом в стоящий на столе букет — лилии во вполне нормальной полупрозрачной вазе. Не поняла, это ещё что такое?

Дверь теперь плотно прикрыта, но в любом случае, выводы сделать труда не составляет. Это что же получается, Фей, выслушав речь на тему кривых рук и «не ты дарил, не тyani лапы», сбегал за заменой загубленного цветика? И вместо одной розы притащил целый веник лилий? Противных, вонючих... господи, кому я опять вру? Моих любимых цветов. Вот гад, подлизывается, значит.

Определённо подлизывается, понимаю, когда поднимаюсь с кровати и подхожу ближе, обнаружив прямо за вазой непрозрачный белый пакет. А в нём несколько упаковок с лекарствами, включая таблетки от боли в горле и спрей от заложенности носа. Нет, ну ладно нос, гундосила я знатно, а вот про горло как понял? Впрочем, есть ещё несколько пакетиков с жаропонижающим и даже металлическая баночка со «Звёздочкой», так что брал, скорее всего, наудачу.

А из лилий, при ближайшем рассмотрении, торчит бумажка. Не вроде тех, что вкладывают в букеты в фильмах, с написанными каллиграфическим почерком пожеланиями или признаниями в любви, а не очень ровно отрезанная от листа бумаги для принтера. Да и почерк от идеала весьма далёк.

«Ван Хельсинг?»

Я почти наяву представляю, как вытягиваюсь на диване, под тёплым пледом и с кружкой малинового чая в руках, вместо рома с колой, а на экране носятся непобедимый Хью Джекман и затянута в корсет Кэйт Бекинсэйл. И сминаю бумагу в руке.

Нет, Фей, это слишком плохая идея. Я и так чувствую себя, как на единственном безопасном островке посреди зыбучих песков.

Из открытых дверей гостиной доносятся звуки включённого телевизора, но я спокойно прохожу мимо. Знал бы кто только, чего стоит это спокойствие.

Котов оказывается исполнителен до зубовного скрежета и завуалированную просьбу оставить меня в покое принимает к исполнению беспрекословно. Так что с понедельника мы почти не пересекаемся, к вящей, поначалу, радости.

У нас и прежде был дикий рассинхрон расписания, но это не мешало Фею просыпаться пораньше по понедельникам, средам и четвергам для совместного завтрака, а потом заниматься своими делами. Теперь же он будто принципиально не выходит из комнаты, пока я не уйду в университет, а в остальные дни утаскивает еду к себе в комнату. Ну, хотя бы не отказывается принципиально, я-то успела привыкнуть готовить на двоих...

Когда ужинает, не знаю вообще, еда в холодильнике уменьшается, посуда мигрирует в посудомойку и обратно, но вот самого кошака поймать в процессе поедания так и не удаётся.

Мы даже в курилке не видимся, хотя Лёня по-прежнему подходит пообнимать Лизку на переменах, параллельно окуривая территорию пары метров в диаметре вокруг. Но на заданный ненароком вопрос о том, где он потерял свою вторую палочку Твикс, отмахивается, что у Тимофея какие-то свои дела. Какие вообще дела могут быть у студента, если до сессии больше трёх месяцев?

К четвергу я готова признаться самой себе и Лизке заодно, раз уж она всё равно теперь в курсе, что скучаю. Не по самому Фею (хотя и по нему, наверное, тоже), а по нашим перепалкам и разговорам, даже если они состоят из недвусмысленных посылов «на» и «в». Отмазка «мне просто нужно куда-то сцеживать яд» не канает, подруга улыбается и целует в подставленную макушку, пока я ною и жалуясь, уткнувшись лбом ей в плечо.

— Крис, ну ты же сама хотела, чтобы он отстал.

Хотела. Но не так же!

— А как?

Не знаю. Ни фига уже не знаю, но мне ужасно не хватает общения, а Илья, снова улетевший в какую-то Тмутаракань (Тюмень, кажется), этой потребности не удовлетворяет. Разговоры с ним это нечто спокойное, даже ванильное и я даже в страшном сне не смогла бы представить его реакции на одну их фразочек, выдаваемых периодически Фею.

— Дорогая, если в твоей голове вдруг сложилась пасторальная картинка, как ты будешь встречаться с Илюшей и мило распивать чай с Феём, выброси её. Такого не будет, точно тебе говорю. Котов не будет дружить с тобой.

— С тобой же дружит, — даже как-то оскорбляюсь я.

— Потому что я ему не нравлюсь.

Конечно, высокая натуральная блондинка с грудью третьего размера ему не нравится, а хоббит с волосами цвета помидора и минут первым размером — да. Я пытаюсь выразить взглядом весь испытываемый скепсис, но Лизка в ответ лишь закатывает глаза. И осторожно стучит костяшками пальцев по моему лбу:

— Эй, тараканчики, это опять вы?

Я отталкиваю руку:

— Бэт, я серьёзно!

— А я нет? Вот коза плюшевая, а... Хочешь эксперимент?

— Мм?

— Напиши ему сейчас, что подумала и решила попробовать. Не уточняй даже, что именно. Вот увидишь, через пять минут будет тут.

— Конечно, будет, если я пришлю подобное, значит не в себе. И примчит он сразу с санитарями из дурки, параллельно снимая на телефон, как меня пакуют в смирительную рубашку.

Подруга стонет:

— Когда вы, наконец, сойдётесь, я причислю Тимофея к лику святых. Только святой способен общаться с тобой без опасения заработать нервный тик.

— Мы не сойдёмся, я с Ильёй.

— Месяц, солнышко.

Ну, вот и как с ней разговаривать, а?

Тем же вечером, возвращаясь домой после занятий, я застаю Фею с девушкой.

Всё не так страшно, на самом деле, они не предаются разврату у стены напротив входа или на диване в гостиной, к превеликому моему счастью. Просто стоят в коридоре, мило беседуя, рука девицы лежит на плече кошки, а я меня в первую секунду мутная пелена перед глазами.

Выдыхай, Крис, выдыхай.

Объективно, девушка вполне симпатичная, рыжая и смазливая, в обтягивающих брюках и кофточке, явно намеренно открывающей полоску живота. Но я-то субъективна как никогда, а потому... эй, какого чёрта эта мымра лапает моего... соседа?

— Вечер добрый, — мрачно возмещая о своём приходе, хотя они не могли не слышать звука поворачивающихся в замке ключей, я почти роняю сумку на пол и начинаю стягивать куртку.

— Ой, здравствуйте. Тима, а...

— Моя соседка, не обращай внимания, — разжигая в моей души священный огонь инквизиции, отзывается Фей, даже не повернув головы. — Ну, ты поняла, что там ничего сложного или страшного нет, да?

— Да, спасибо огромное, даже не знаю, что бы я без тебя делала!

Крутила бы сиськами перед кем-то другим, выдра крашенная.

Заставив их посторониться, я прохожу в коридор и направляюсь в свою комнату, успев услышать заданный наигранно-жалобным тоном вопрос:

— Тимочка, я же могу к тебе ещё обратиться, если будут проблемы?

И ответ, который вызывает зубовный скрежет:

— Конечно, всегда рад помочь. Пока, Анют.

Чтоб тебе пусто было, Тимочка! Тебе и твоей Анюте тоже.

Скотина.

Ключи от машины находятся во втором по счёту ящике стола, свидетельство и права давно заложены за обложку паспорта, так что остаётся лишь остервенело стянуть с себя платье, поменяв его на джинсы и толстовку и выскочить за дверь. На почве нервов организм даже не заикается о еде, хотя последним в желудке был сомнительный бутерброд из буфета напротив корпуса. Ай, ладно, до голодного обморока пока далеко.

Синий Акцент стоит через две машины от Феевой Ауди, грустный и пыльный, но я не в состоянии тратить время на мойку прямо сейчас. Так что обещаю непременно искупать его позже и усаживаюсь в нутро автомобиля, поворачивая ключ в замке зажигания и омывая лобовое стекло. Вот так, минутку и можно ехать.

Ещё не слишком поздний вечер, машин на дороге много, но я не тороплюсь, тщательно выполняя все ПДД и пропуская, от греха подальше, особо резвых. И постепенно продвигаясь в сторону того района, где мы раньше жили с Лизкой. Точнее, почти в том направлении.

Красную Ауди я замечаю очень быстро. Она падает на хвост и едет настолько близко, что в зеркале заднего вида легко можно разглядеть и узнать водителя, даже если он закрыл глаза стёклами позерских очков. Солнца-то уже толком нет, гений! Отвлёкшись, я перегазовываю и авто обиженно ревёт в ответ. Потерпи, хороший, сейчас доберёмся до места и там покажем твоему бывшему хозяину, где раки зимуют.

Хотя, вряд ли покажем, даже при учёте примерно равных лошадок в металлических конях (и то, если я не ошибаюсь насчёт объёма двигателя Феевой красавицы), сравнить эти два автомобиля сложно. Интересно, мне когда-нибудь представится случай покататься на подобном автомобиле? Разве что украсть у кошки ключи ночью...

Не знаю, что там думает Котов, когда я сворачиваю под мост и направляюсь к бывшему выезду на федеральную трассу. Может быть считает, что я не знаю о его закрытии. Но нет, я знаю. Как и то, что эту дорогу периодически используют рейсеры для заездов на небольшие расстояния. И то, что в будний день там наверняка никого не будет.

Вот, что было основной причиной моего нежелания остаться без колёс. Не поездки в университет или на работу на автобусе, не необходимость таскать пакеты из магазина в руках. Самым угнетающим была бы невозможность прыгнуть за руль и уехать прочь от всего и вся, хоть на час.

Тем, в чьих глазах женщина за рулём — обезьяна с гранатой, никогда не понять, какое удовольствие она может испытывать на водительском сиденье мчащего вперёд автомобиля, с выкрученной едва не на максимум музыкой в колонках. Когда басы прошивают почти насквозь, отдаваясь в каждой клеточке, а адреналина в теле столько, что никакие прыжки с парашютом и нафиг не нужны.

Фей равняется со мной в начале импровизированной трассы, останавливаясь почти вплотную и не глуша мотора. Очки он уже снял, так что сквозь нетонированные передние стёкла вижу, как он поворачивается в мою сторону и вопросительно указывает большим пальцем вперёд. «Погоняем?» Киваю в ответ и поднимаю свои — указательный, средний и безымянный. «На счёт три».

Один.

Два.

Едва успеваю загнуть последний, средний палец, два автомобиля срываются в постепенно темнеющую даль.

Я на самом деле безумно благодарна Тимофею, пожалуй, впервые в жизни, за саму эту возможность побыть в одиночестве, но не одной. Настолько, что забывается даже сама причина, по которой я сорвалась из дома. Да и не в девушке дело, если честно. Даже если между ними что-то и было, в чём я искренне сомневаюсь (потому что девица выглядела вешающейся на Фей, а вовсе не вылезшей из его постели), то было бы несколько

лицемерным винить его в этом. И сейчас, когда голова охлаждена осенним ветром из приоткрытого окна, я очень чётко понимаю это.

Так и будет. Если я не собираюсь давать ему зелёный свет, но не имею никакого морального права быть против других, всех этих Анют, Маш и бог знает кого ещё. Но я против, понятное дело... Точно, лицемерка чёртова.

С такими мыслями немудрено натворить дел, так что я благодарна и за то, что подъехав к дому Котов не спешит выходить из машины, позволяя мне подняться первой. И лишь приняв быстрый душ и улизнув к себе в комнату, я слышу, как он возвращается.

Но, конечно же, не выхожу навстречу.

Продолжение от 21.11.16

«Чёрный или красный?»

> «Чёрный!»

> «А о чём речь?»

Лиза такая Лиза... Сначала ляпнуть, а потом уточнить — очень в её стиле. Если сейчас не ответить, меня закидают кучей сообщений типа «скажи-скажи-скажи». Предвкушая результат, вновь хватаю только отложенный в сторону телефон.

«Бельё».

Подруга перезванивает удара через три сердца, не больше. Только поначалу из трубки доносится один только кашель, а уже потом хрипловатый голос:

— Мать, ты меня уморить решила? Я аж печенькой подавилась! Какое бельё, к хренам собачьим?

— Что значит — какое? — Фея дома нет, поэтому я со спокойной душой разгуливаю по комнате полуголая и разглядываю себя в зеркало, так и не определившись окончательно с цветом. — Говорю же, либо красное, либо чёрное, у меня только эти комплекты прямо секси-секси.

— Ты...

— Илья прилетел из командировки, приглашает в гости. Сказал, что ему там какой-то крутой чай презентовали, настоящий индийский.

— Чай? Серьёзно? — в тоне Лизаветы скепсиса на пару килограмм, не меньше, — он что, даже повод пооригинальнее придумать не мог?

— Нет, ну чаем-то меня наверняка напоят... И вообще, будешь постоянно гнать на него, больше ничего не расскажу. Ты же должна меня поддерживать, ну?

— Если ты совершаешь ошибку, хрен тебе, а не поддержка. Вот возьмёшься за ум, тогда всегда пожалуйста.

— Я смотрю ты сегодня поразительно щедра на раздачу овощей.

— Почему я не родилась парне-е-ем? — в качестве ответа ноет подруга, и мне разом становится ясна причина её вредности. Ну да, в такие дни и впрямь задумываешься на тему, за что тебе такое наказание. Но...

— Боюсь твой Лёнечка этого бы не оценил. Он как-то несовременно гетеросексуален. Так что, чёрный, да?

— Да, красный с твоими волосами как-то слишком для первого раза, задохнётся ещё мужик от восторга.

— Язва!

— Кто бы говорил, а? Крис, ты...

— Да, мамочка, я буду предохраняться и не принесу тебе в подоле.

— Да я не об этом, дурында, — я буквально вижу, как она закатывает глаза. — Расскажи хоть завтра, что там... А то он какой-то подозрительно идеальный, точно в плане секса подстава какая-нибудь будет.

— Типун тебе на язык, редиска! Всё, поскакала я в душ, мне выходить через два часа.

— Давай, поскакушка, — и под собственный смех вредничая зараза бросает трубку.

Вообще, быть девушкой — работа не из лёгких. Особенно в том случае, если ты хочешь произвести впечатление на парня. Непременно должно быть платье, а к нему — каблуки и чулки (ибо я совершенно не могу себе представить эротичный процесс избавления от колгот). На улице вторая половина сентября, короткой кожанкой уже не обойтись, приходится извлекать из шкафа пальто и рыскать в поисках ролика для одежды, потому что кошачья шерсть, похоже, обладает способностями к телепортации. А макияж? Это скрой, это подчеркни и не забывай, что после душа всю эту размазанную прелесть придётся смывать, значит, в сумке непременно должны быть влажные салфетки для этих целей.

При всём при этом желательно не накрутить себя морально, чтобы выглядеть в итоге соблазнительной кокеткой, а не трясущейся студенточкой перед строгим преподавателем.

Хорошо, что к моменту выхода из дома Котов не возвращается, не хватало ещё с ним пособачиться на ход ноги. Или увидеть в его взгляде осознание... Даже не знаю, что хуже.

Мой мужчина пунктуален и галантен, впрочем, как всегда, а ещё спокоен, как удав. И располагаясь, вся такая красивая, на пассажирском кресле, я наконец-таки расслабляюсь. Эй, это же Илья, а не какой-то маньяк (по крайней мере очень хочется на это надеяться), принуждать он точно ни к чему не станет. И если я не захочу, ничего не будет.

Но я-то знаю, что захочу, такого как он просто невозможно не захотеть и вообще, где были глаза девушек, раз он до сих пор свободен? В наш век маменькиных сынков, доморощенных пикаперов, моральных уродов и прочей швали, за такого, как Илья, нужно держаться обеими руками.

И я держусь кстати, вот прямо сейчас, потому как целуется он с каждым разом всё лучше и лучше (тренируется где-то, что ли?) или же мы просто подстраиваемся друг под друга. Вот эта рука на моей шее, большой палец, почти невесомо поглаживающий скулу, губы на моих губах и язык, который иначе, как шёлковым и не назвать. Это он ещё ниже шеи не спускался, а меня просто в дрожь бросает от одной только мысли, каково это будет.

— Замёрзла? — чутко ловит мою реакцию на него Илюша и отстраняется, всего на пару сантиметров. — Печку включить?

Господи, да откуда же ты взялся такой?! Просто ущипните меня, может я всё-таки сплю...

— Себя включи, — отзываюсь я, притягивая его обратно.

Мужчина и не думает сопротивляться, вовлекая в очередной головокружительный поцелуй. Припарковался он на редкость удачно, а значит можно уделить друг другу побольше времени, чем дежурный чмок, и вообще, я не видела его почти неделю, имею право соскучиться. Пусть я и не большой любитель выражать чувства на публике, автомобиль почти личная территория, а если кого-то из мимо проходящих что-то не устраивает... Лесом, господа!

— Маленькая, давай сменим место дислокации? Прохожие обзавидуются скоро.

— Да-а, пусть завидуют, — несколько злорадно соглашаюсь я, но Илью отпускаю, получив напоследок лёгкий поцелуй в нос.

Маленькой он начал звать меня совсем недавно, сначала в телефонном разговоре, а вот теперь и лично. Что странно, с моими комплексами по поводу роста кого-то другого давно порвала на британский флаг, а тут... Это даже мило, как и всё его отношение, да и всяко лучше, чем какая-то русалка.

— Ну что, чай или... — в голосе скорее вопрос, чем утверждение и что-то подсказывает — даже если я выберу сейчас кафе, кино, да что угодно, он воспримет это адекватно.

Вот только другое — не хочу. А потому...

— Чай, — не разрывая зрительного контакта, выбираю я. — Не думал же ты всерьёз, что я откажусь от такого заманчивого предложения?

Автомобиль мягко трогается с места, а ладонь мужчины удобно устраивается на моём колене, переплетя наши пальцы.

Живёт Илья один, причём не в квартире, а в частном доме почти рядом с набережной. Раньше из окон наверняка открывался чудесный вид на водохранилище, но теперь новомодные застройки всё портят. Впрочем, здесь в любом случае уютно, даже в самом дворе с кустами смородины и вишнёвым деревом в углу.

В самом доме явно чувствует женская рука, причём именно рука, а не само присутствие женщины. Я не знаю, как объяснить подобное, это скорее на уровне ощущений, но вот убедить меня, что мужчина способен по собственной инициативе и без чужих подсказок купить тюль, похожий на фату невесты и гардины с ламбрекеном, не удастся никому. Причём если в квартире Фея невооружённым взглядом видна работа дизайнера (уж поверьте дочери оно), то здесь просто непрофессиональное желание сделать своё жилище привлекательным. Ну, что сказать, вполне удалось.

— Ты один живёшь? — продолжая оглядываться по сторонам, словно бы от любопытства, но на деле сканируя территорию, интересуюсь я.

— Да, сейчас один. Раньше этот дом принадлежал родителям, но они два года назад уехали в деревню. Я поздний ребёнок, так что они уже на пенсии, а там свежий воздух, покой и личный огород под боком. Последнее, кажется, стало решающим фактором.

Илья, оказавшись дома, даже не думает переодеваться, только расстёгивает пару пуговиц на белой рубашке и закатывает до локтей рукава, недвусмысленно демонстрирующие — господин Романов не только юридические дела в руках привык держать. Непонятно только, когда у него на спортзал времени хватает? В любом случае, взгляд на мышцах и проглядывающих венах задерживается будь здоров, так что всё то время, пока он колдует над чайником и накрывает на стол, я безбожно пялюсь, подперев голову рукой.

Я не инициатор, совсем нет, даже в таких вот мелочах, вроде взять первой за руку или поцеловать, но именно сейчас — хочется. Не удерживаюсь, поднимаюсь со стула и подхожу к нему со спины, обнимая за талию и утыкаясь носом между лопаток. Чувствую, как ложатся его руки поверх моих и, не вижу, но догадываюсь, как он улыбается.

— Передумала дегустировать?

— Не дождёшься! — короткий поцелуй в так удобно подставленную щёку, для которого приходится встать на цыпочки, и я пытаюсь вернуться на место.

Но Илья не пускает, ловит в объятия и притягивает ближе. Сердце пускается в галоп в ожидании поцелуя. И мужчина целует — в щёку, медленно-медленно и не прекращая смотреть в глаза, отчего разом пересыхает во рту. А затем меня водружают на стул:

— Тогда потерпи ещё минутку.

Минутку? Да если он продолжит так на меня смотреть, то я вечность терпеть готова. Только не очень долго. Пожа-а-луйста...

Чай оказывается и правда потрясающим. Не знаю, индийский он там или нет, но на гадость из пакетиков (или даже на то, что продаётся на развес по паре тысяч за килограмм), непохож ни капли. Дарджилинг, первый сбор, ни о чём мне не говорит, поэтому предпочитаю поверить Илье, что это очень круто. А уж если к нему прилагается тёмный, но вкусный шоколад и умопомрачительные поцелуи, так уж точно.

Это какая-то магия, но наши разговоры, о чём бы они ни начались, умудряются сводиться к работе. Но это не значит, что я против, Илья же ею просто кипит, а уж рассказывает так, что впору слушать с открытым ртом. Мои вопросы наверняка глупы или по меньшей мере наивны, но ответы получаю на каждый, что только подстёгивает любопытство. Даже задумываюсь, в какой-то момент, что замуровать себя в тихом уголке офиса — не верх мечтаний.

— И всё равно, у них разве своих юристов нет? Эти командировки еженедельные кучу денег же стоят, да? Перелёты, отели там...

— Смотря что считать кучей, на самом деле. Для нас с тобой — однозначно куча, а вот для компании с мировым, фактически, именем? Юристы в филиалах однозначно есть и большинство дел ведут именно они, я выезжаю только на наиболее крупные. Это сейчас такой ажиотаж, после лета, тогда было затишье — все по отпускам, когда судиться-то? — Илья привлекает меня ближе, и я с удовольствием поддаюсь, продолжая слушать. — Так вот, цена таких исков — миллионы. Девяносто процентов из них я свожу к решению в нашу пользу, ещё по восьми — минимизирую расходы по штрафам, как минимум. Так что все перелёты и отели на этом фоне просто капля в море. А вообще, никогда не понимал, почему люди на местах не хотят работать без хорошего такого пинка или распоряжения сверху.

— Это ты там такой командующий и деспотичный? — с сомнением уточняю я, так как подобное поведение с обликом Ильи не вяжется вот ну никак.

Тут же получаю лёгкий укус за ухо и наигранно-грозное:

— Сомневаешься во мне?

— В тебе? Ни вот на столечко! — демонстрирую почти соединённые большой и указательный пальцы. — А вот в твоей грозности...

— Ах так?!

Я не знаю, кто из нас первым тянется за поцелуем после его восклицания и сощуренных глаз. Очень даже возможно, что именно я, зачарованная и впрямь несколько отличающимся от привычного обликом мужчины.

Но вот к себе на колени меня перемещает точно Илья, ещё и пальцами в волосы зарывается, словно сдерживая от попытки сбежать или отстраниться. Только кто бы предпринимал эти попытки, я же себе не враг.

— Маленькая...

— А кровать в этом доме есть? — перебиваю я, стоит ему разорвать поцелуй.

Мужчина несколько секунд пытливо заглядывает в глаза, явно пытаюсь найти там хотя

бы отголоски сомнений, но, понятное дело, не находит. И встаёт, одновременно поднимая меня на руки:

— Для тебя — найдём.

Только для меня? Ну очень заманчивое предложение...

Илья нежный, просто до безумия. До сих пор не могу поверить, что вот этот мужчина, которого я в самом начале без сомнений записала в категорию мачо, может быть таким. И каждый новый поцелуй как очередная причина спятить.

Да я, наверное, уже и так не в своём уме, раз едва почувствовав спиной покрывало на кровати, тянусь к пуговицам рубашки. И хнычу от отчаяния, когда руки перехватывают и вздёргивают над головой, прижимая несильно, но крепко.

— Не торопись, — эти же слова, только сказанные совсем другим человеком отдаются эхом в голове, заставляя зажмуриться.

Но тут же оказываются выметены, вымещены прочь сомкнувшимися на мочке уха зубами. Ладонь Ильи на бедре, на самой границе ткани платья и тонкого капрона чулка, но вместо того, чтобы двинуться вверх, мучительно медленно скользит вниз, пощекотав кожу под коленом, а затем забросив ногу на его бедро.

Я так его хочу, что почти больно, а теперь не остаётся сомнений, он меня хочет тоже — желания не в силах скрыть даже плотная ткань джинсов. Но как же они мешаются, кто бы знал. Все эти чёртовы тряпки, кто их придумал вообще?!

Мой личный телепат вновь ловит нужную волну и вот уже вниз ползёт молния платья, так предусмотрительно расположенная впереди. Тоже медленно, даже слишком, за что Илья получает укус, тут же зализанный с постыдной тщательностью.

Комната освещена только светом из коридора, но и его хватает, чтобы убедиться — комплект выбран правильно. Взгляд мужчины такой, что впору плавиться от него одного, но на помощь приходят ещё и руки. Ох, эти волшебные руки... Они стягивают платье с плеч, а затем отпускают меня, помогая разоблачиться окончательно, оставляя в белье и чулках. А сам Илья всё ещё одет, что кажется мне вселенской несправедливостью. А несправедливость я ой как не люблю...

На этот раз он не запрещает, даже помогает, так что от ненужных элементов мы избавляемся в два счёта. И я наконец-то могу вдоволь исследовать его тело, скользя ладонями насколько хватит желания, фантазии и стыда. Впрочем, последний сегодня, кажется, вообще в отключке.

Зубы мужчины смыкаются на затвердевшем, проступающем сквозь кружево соске, заставляя судорожно втянуть воздух сквозь зубы и мстительно скользнуть, буквально кончиками пальцев, по натянутой ткани боксеров. Почувствовать, как он инстинктивно подаётся вперёд, улыбнуться победно, ровно на секунду, пока уже его пальцы не проберутся под ткань моих трусиков.

Стон вырывается непроизвольно и звучит слишком громко в звенящей тишине спальни, но я никогда не умела быть тихой, а в этот раз не стоит и пытаться, слишком велики эмоции и чувства, даже сейчас. А уж когда меня избавляют и от белья, оставив одни чулки и цепочку на шее...

Это слишком. Слишком много всего и сразу. Много меня, его, и нас вместе тоже много. Кожа к коже, губы к губам и влажные волосы, прилившие к шее, пока Илья перебирает пальцами, играет с моим телом словно на музыкальном инструменте. Что и говорить, он

точно знает, какие клавиши стоит нажать.

Этого мало. Слишком мало и хочется большего, стань одним целым, пробраться ему под кожу да так и остаться там, хотя бы на эти минуты. И я тяну «пожа-алуйста» так, словно от этого зависит жизнь. Или смерть. Моя маленькая смерть.

Шелест фольги на несколько секунд вырывает из небытия, а затем, спустя мгновение дискомфорта, возвращает обратно. Туда, где нет ни времени, ни горизонтали кровати, только два тела, сплетённые в одно. Напряжённые предплечья, за которые я хватаюсь, в попытке удержать себя на краю этого безумия. Платина волос, особенно светлых в неверном свете. Угол скул, которые я выцеловываю в тот момент, когда Илья даёт такую возможность.

Но всё больше сам, и целует, и двигается ровно в том темпе, не медленнее и не быстрее, что надо, и убирает упавшую на лицо, мешающуюся прядь, таким жестом, что просто плакать хочется от его нежности.

В какой-то момент я оказываюсь сверху, а сам мужчина — сидящим, облокотившись на спинку кровати. Это неловко, никогда не понимала, как вести себя в этой позе, но Илья не даёт стусеваться, а помогает и направляет, задаёт ритм, обхватив ладонями бёдра. Я даже начинаю понимать всю прелесть своего положения, вот эту мифическую, но такую реальную сейчас доминантность, сладкую и вкусную, прямо как его губы. А когда он передвигает одну руку между нашими телами...

Телепат, точно говорю. Ему хватает пары секунд для понимания, как и где следует дотронуться, чтобы добить меня окончательно. А ещё спустя несколько я осознаю — всё, надолго меня не хватит. Вообще хоть на сколь-нибудь не хватит, потому что это предел. Моих возможностей и возможностей тела, так долго мечтавшего о разрядке.

Я подаюсь вперёд, уткнувшись лицом ему в плечо, немного неудобно, но на хрен его сейчас, это удобство. Только бы не останавливался.

Пожалуйста...

Пожалуйста...

Пожа...

Меня скручивает в первых спазмах оргазма, но мужчина продолжает двигаться, делая его ещё острее, продлевая чудеснейшую из агоний. А стоит только расслабиться слегка, разжать судорожно сцепившиеся, непонятно когда, руки на его плечах, движения становятся активнее, почти грубее. И Илья следует за мной, стиснув талию в тисках и простонав на ухо нечто весьма некультурное, но сейчас прозвучавшее признанием совершенной обалденности произошедшего.

— Ну, Илюш, мне правда-правда нужно съездить домой, — канючу я, сидя на стуле в его футболке поверх белья и притянув ноги к груди.

Данный элемент гардероба мне вручили ещё вчера, на ворчание «голая спать не буду», и на ночь он заменил ночнушку, а утром сошёл за платье. Мини-платье, если быть точной, так как мужчина явно выбирал самую короткую из имеющихся.

Сам Илья в это время стоит у плиты, поджаривая гренки на завтрак (ароматом уже пропитан воздух, так что я периодически сглатываю слюну) и, заодно, демонстрируя не менее аппетитный филей в чёрных боксерах. И вот напрочь не понимает, зачем мне куда-либо уходить.

— У меня кот некормленный.

— И корова не доена, — насмешливо продолжает мужчина, оглянувшись через

плечо. — Разве сосед не справится с таким ответственным делом?

Да, про соседа приходится рассказать — без лишних деталей, понятное дело, да и приукрасив, что живём мы вместе с первого курса. В моей голове это вполне гарантия того, что отношения между нами исключительно добрососедские и беспокоиться здесь не о чем. Ну и конечно это просто абстрактный одноклассник, а не тот, что бестактно паялся на нас в торговом центре неделю назад. В любом случае я искренне надеюсь, что с Феём Ильей не пересечётся никогда, поэтому всё будет в порядке.

— Он накормит сухим кормом, а Люциан его не любит. И рисовый суп тоже не любит, а в холодильнике ничего приличного больше нет, я же убежала к тебе на свидание и не приготовила ужин...

— Если хочешь что-то приготовить, моя кухня полностью в твоём распоряжении.

— Илюш...

Я начинаю раздражаться, пока совсем немного, но всё-таки. Серьёзно? Одна ночь, и он считает себя возможным контролировать меня? Нет, мужчину вполне можно понять, он просто хочет провести со мной побольше времени, раз уж в будние дни возможности почти не выдаётся.

Но готовка была условием при переезде к Котову, а обещания я привыкла выполнять. Тем более этот дурак явно не сильно озабочен питанием, а купит какую-нибудь гадость. Эй, я его не для того на нормальную еду перевела, чтобы опять желудок портил.

— Хорошо, — прочитав нечто, только ему понятное в моём лице, Илья вздыхает. — Сейчас позавтракаем и я тебя отвезу.

— Спаси-ибо, ты чудо, — мигом соорудив мордочку лемура из «Мадагаскара», тяну я. — А вечером я сама приехать могу, хочешь? У меня машина, между прочим.

— Не стоит, я приеду, когда скажешь, — и стоит открыть рот, чтобы уточнить, не сексист ли он и не против ли девушек за рулём, поясняет. — Вторая машина во двор не поместится, а бросать на улице не очень хочется. Да и мне просто приятнее, когда ты сидишь рядом.

Ну, или так. Выкрутились, господи Романов.

— А ты в понедельник опять куда-нибудь уезжаешь? — по дороге домой решаю уточнить я.

— Нет, четыре дня я здесь, улетаю в четверг вечером. Одно заседание в пятницу, другое во вторник, так что в выходные меня не будет в городе.

Я стараюсь не вздыхать слишком уж расстроено, но мужчина всё равно слышит и поворачивается, отвлекаясь от дороги:

— Извини, это...

— Да прекрати, всё нормально. Я же понимаю, что это твоя работа.

Хоть и обидно, безусловно, ведь только в выходные можно расслабиться по-настоящему и не заниматься на свидании подсчётом часов, которые осталось спать до пар, если ты ляжешь вот прямо сейчас. Но это и правда его работа, любимая причём, да и доходная, судя по всему, глупо было бы обижаться на то, что нельзя изменить.

— Понимания иногда недостаточно, — отзывается Илья.

Причём таким тоном, словно в простых с виду словах скрыт какой-то другой, не сразу понятный смысл. Да и рука на руле напрягается настолько, что вены на запястье видны особенно отчётливо. Он пока молчит, но я прямо печёнкой чувствую, что вот сейчас...

сейчас...

— По крайней мере для моей бывшей жены оказалось недостаточно.

Если бы я подбирала саундтрек к своей жизни, то вот на этом моменте заиграла Пятая симфония Бетховена. Которая «та-да-да-дам!».

Язык к нёбу буквально прилип, но это к счастью, ибо не представляю, что я могла бы ляпнуть. Нет, я, конечно, знала — наступает такой возраст, когда понравившийся мальчик может быть не только занят, но и женат. Только он, оказывается, уже наступил.

Вот Лиза-то обрадуется, она всё возмущалась, что Илья слишком идеальный и ждала подвоха. Интересно, семейное положение к подвохам относится?

Господи, о чём я думаю? Какая-то Мишкина каша в голове... Выбрал он время для минутки откровений, нечего сказать. Хотя ладно, как будто узнай я об этом вчера, оделась бы и ушла. Да сейчас!

Так, успокаиваемся, не в убийстве же признался. Вот это было бы несколько не к месту, да. А что к месту? Ну, разоткровенничаться в ответ, например. О, да, «Да ничего страшного, с кем не бывает. Я вообще уже три года влюблена в одного парня, только даже самой себе в этом признаться не хочу. А, да, это тот самый сосед и живём мы вместе с начала сентября, но я уже на стенку лезу и скоро сама его зажму в тёмном уголке». Ох, боюсь, не оценит Илюша, совсем не оценит.

— Кристина, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь? — прерывая водоворот мыслей, просит мужчина, когда я едва сдерживаю нервный смешок.

— Погоди, я...эм...несколько удивлена, — угу, учительница русского языка, впервые прыгнув с парашютом, была потрясена, удивлена и крайне обескуражена, но вслух кричала совсем другие вещи. — И давно вы?..

— Официально — чуть больше полугода, а разошлись почти год назад.

Понять бы теперь, много это или мало. Ведь одно дело расстаться с парнем и не встречаться ни с кем полгода и совсем другое — развестись с женой. Ай, вот мало мне поводов к размышлению было, а?

— И вы...

— Не общаемся, — каким-то мифическим способом читая мои мысли, вновь отвечает на них Илья. — Кристина, я просто не хотел бы, чтобы это вскрылось случайно, и ты подумала, что я специально утаил эту информацию.

— Да, я... понимаю. Спасибо тебе за это. Извини, просто я, правда, не знаю, как реагировать на подобное. Понимаю, пять лет небольшая разница в возрасте, но с такими вот ситуациями я ещё не сталкивалась. Ревнивые бывшие подружки, отравляющие жизнь — это да, а вот такое...

— Ну, зато бывшая жена, при условии, что ушла она сама, жизнь отравлять точно не будет, — с наигранным позитивом успокаивает Илья.

И я выдыхаю. В самом деле, от того, что я узнала, хуже он не стал. Даже хорошо, в какой-то мере, узнать всё именно так, а не походя обнаружив свадебные фото, например, или обручальное кольцо где-нибудь в шкапулке.

— Маленькая, всё точно в порядке? — уточняет мужчина, целуя меня на прощание, перед расставанием на долгие несколько часов.

— Точно, — совершенно искренне откликаюсь я, на секунду утыкаясь носом в щёку, с начавшей пробиваться щетиной. — С тебя фильм на вечер, с меня что-нибудь вкусненькое,

как тебе идея?

— Постараюсь не ударить в грязь лицом, — козыряет Илья.

— К пустой голове руку не прикладывают, — смеюсь я, поймав ладонь и шутливо укусив за палец. — До вечера, Илюш.

Только бы не нуар, а? Ну да ладно, пусть это так и останется самым крупным его минусом.

Правильно говорят — не зарекайся, очень правильно. Стоит решить, даже для самой себя, что чего-то никогда не будет, как госпожа Фортуна выглядывает из-за угла и хмыкает: «Никогда, говоришь? Окей, вызов принят!»

А начиналось-то всё очень даже хорошо.

На этой неделе Илья трудится как большинство простых офисных клерков, с девяти до шести, с перерывом на обед. И пунктуально забирает меня после к себе, на ужин и просмотр чего-нибудь по ящику, плавно переходящий в куда более приятное времяпрепровождение. По крайней мере, именно так всё происходит в понедельник и вторник, и ничто, как говорится, не предвещает беды.

В среду я освобождаюсь пораньше (день рождения заведующего кафедрой — это вам не шутки, тут не до каких-то студентов, пар и прочих глупостей) и полдня исполнительно шуршу по дому, изображая нечто среднее между кухаркой и уборщицей. А когда количества наготовленного может хватить как минимум на полдеревни, в голову приходит мысль. Нет, даже не так — Мысль. С большой буквы, да.

Ну, на самом деле, это ведь нелогично, готовить для законного соседа, но не делать того же для куда более законного молодого человека. Тем более если он весьма несовременно оставляет запасной ключ под ковриком, образно говоря. И, набросав на листочке список покупок для планируемого сюрприза, я выдвигаюсь.

Конечно, совсем неожиданностью инициатива не станет, рассказать о том, что я жду Илью у него же дома придётся, но... Думать в такой момент о мелочах совсем не хочется, да и приятно мужчине должно быть в любом случае.

Заскочив на мойку и приведя в порядок «шкурку» металлического коня, я направляюсь в сторону набережной, параллельно радуясь почти пустой (по сравнению с приближающимся часом-пик так вообще) дороге. Но радость оказывается недолгой.

Авто ведёт себя как-то странно, постоянно норовя забрать в сторону, а тут ещё сосед по потоку отвлекает звуковым сигналом. Но не успеваю я в ответ разразиться чем-нибудь не очень культурным, как замечаю вполне себе знакомый любому не-чайнику жест. Вот чёрт...

Кивнув неожиданному помощнику, я включаю поворотник и перестраиваюсь в крайний правый, выискивая место для остановки. А припарковавшись, врубив аварийку и выскочив из машины, только убеждаюсь — дела отстой.

Если ты девушка, мало знать, как поменять колесо. Нужно ещё и обладать достаточной для этого физической силой. Так что я могу сколько угодно рассказывать, что именно и в каком порядке нужно открутить, а вот осуществлять придётся кому-то другому.

Люди у нас в городе настолько отзывчивые, что шанс получить реальную помощь близится к нулю. А время — медленно, но упорно — к шести. Раздосадовано пожевав губу, я возвращаюсь в машину и достаю телефон, набирая номер Ника.

Вызов он сбрасывает после первого же гудка, но вдогонку почти сразу прилетает сообщение.

> «Я на паре. Срочно?!?!?!»

«Нет, отбой тревоги».

Ага, первый в минус, пробуем второй вариант. Ну же, Бэт, возьми трубку! Но подруга, которая с телефоном разве что спать не ложится, к мысленным воззваниям остаётся глуха, а номера Лёни у меня и вовсе нет. Эх, ну они просто не оставляют мне другого выбора.

— Илюш, у меня... — жопа! — проблема, — едва он берёт трубку, жалуясь я.

— Ты в порядке? — в голосе мужчины слышится беспокойство, поэтому спешу пояснить, пока он не придумал себе какую-нибудь катастрофу вселенского масштаба.

— Я — да, а вот машина не очень... Колесо спустило, уже почти до конца. Я хотела сделать тебе сюрприз и навеститься в гости, чтобы ты приехал домой, а я уже была там, но вот как-то не срослось.

— Где ты? Я сейчас попытаюсь отпроситься.

— Нет, не нужно! — зная по его рассказам, как начальство относится к подобным просьбам, громче, чем собиралась, откликаюсь я. — До конца рабочего дня полчаса, дорабатывай спокойно. Просто приезжай потом сюда, хорошо? Я немного не доехала до железнодорожного вокзала.

— Точно всё нормально? Я могу...

— Не нужно, серьёзно. Я пока в телефон позалипаю и пожалуюсь подруге на жизненную несправедливость.

Он усмехается в ответ на намеренно душераздирающий вздох и отключается, пообещав приехать как можно скорее. По вечерним пробкам? Здесь я и заночую. Ох...

К тому моменту, как появляется Илья, я успеваю запостить фото колеса в Инстаграм с грустной подписью, сбегать до ближайшего вагончика общепита за чаем и начать подъедать сыр, купленный для приготовления пасты карбонара. Так что к нему, соскучившись вдвойне, бросаюсь на шею, едва дав возможность выйти из машины.

— Ну, кто мою девочку обидел? — наградив таким поцелуем, что все неурядицы разом отходят на задний план, уточняет он. — Ага, вижу. Ну что, пойдём исправлять.

Только наблюдая, как мужчина открывает багажник Акцента, чтобы достать домкрат и инструменты, до меня доходит одна простая истина — я дура. Ну на самом деле, кто ещё мог позвать поменять колесо человека в костюме (явно недешёвом), драповом пальто и начищенных до блеска туфлях. Страшно представить, на кого он станет похож!

— Илья, может лучше... — я растерянно обвожу рукой его наряд, не в силах вот так сходу придумать, что было бы лучше.

— Что? А, всё нормально, у меня сумка со страйкбольной формой всегда с собой.

И почему я не удивлена? Предусмотрительность — его второе имя. Господи, если какой-то подвох всё-таки будет, то явно размером с Эверест. Потому как ну не бывает всё так гладко. Не со мной и не в этой жизни, уж точно.

То, как мужчина не самой хрупкой комплекции переодевается прямо в салоне автомобиля, предпочту оставить за скобками. Надеюсь, Илья не обиделся на хихиканье, которое я не слишком успешно маскировала под отогревание носа в собственном шарфе.

Впрочем, процесс оказывается полностью компенсирован результатом, ибо мужчина в камуфляже — это, я вам скажу, то ещё зрелище. Приходится напомнить самой себе, что этот красавчик и так мой, а ревновать к самой себе занятие на редкость глупое и непродуктивное.

Пока я исхожу метафорическими слюнями, пялясь на обтянутую форменными штанами задницу Ильи, он успевает разложить рядом с колесом фольгированный коврик, надеть

перчатки и снять пластиковый колпак. И поинтересоваться нейтральным тоном, будто бы о погоде:

— Кристина, а ключ от секретки где?

— Прости, кто? — подобравшись поближе я с любопытством заглядываю ему через плечо.

— Смотри, — палец указывает на один из болтов, — видишь, здесь головка отличается от остальных? Так называемая секретка, для неё нужен специальный ключ, иначе не выкрутить.

— Эм... А в багажнике нет?

— Нет, там только то, что я уже достал. Может, в бардачке?

— Неа, я туда заглядывала, никаких железок. А что, по-другому совсем никак, да?

— Теоретически можно, конечно, но очень уж геморройно.

— Тогда сейчас позвоню хозяину, спрошу, куда он такую полезную штуку задевал, — довольно быстро смирившись с необходимостью разговора с Котовым, вздыхаю я. И уточняю, на вопросительный взгляд в ответ. — У меня авто... ну, в своего рода аренде.

К счастью, моя хомячковая запасливость не позволила удалить номер после той памятной переписки в первый учебный день, вот как знала, что пригодится. Но всё равно приходится собраться с духом, прежде, чем нажать кнопку вызова.

Последние три дня мы с соседкой мало того, что по-прежнему почти не пересекались, так ещё и не разговаривали. В субботу, когда я вернулась домой и столкнулась с ним на кухне, счастливая и удовлетворённая, Фей ожёг меня таким взглядом, который едва ли сумею забыть в ближайшее время. Если вообще когда-нибудь забуду. И, хотя я ничего ему не обещала, даже наоборот, чувствовать себя последней сволочью не перестаю.

Так, ладно, соберись, тряпка! Будь мужиком! Даже если ты хрупкая девушка чуть выше полутора метров ростом.

— На Землю летит метеорит и через минуту мы все умрём?

— И тебе привет, — понимая, что хамить, не получив нужной информации не в моих интересах, довольно мило откликаюсь я. — Фей, где...эм...какой-то там волшебный ключик от секретки?

— Что?

— Это...

— Я знаю, что это такое. Ты где? — то ли раздражённо, то ли обеспокоенно (ага, за авто своё бывшее переживает!), перебивает он.

— Какая разница? Просто скажи...

— Ариэль, ещё раз. Где. Ты. Есть.

— Да что ты...

— Это тебе нужно, не мне, — опять перебивает наглый кошак.

Вот охренеть просто, мне это надо! Ну да, мне, но неужели так сложно ответить на просто вопрос?!

— Одна остановка до ЖД, если ехать с нашей стороны, — признаюсь сквозь зубы.

— Скоро буду, — и этот гад бросает трубку, в третий раз не дав договорить до конца.

Скоро, а как же. По пробкам это скоро может растянуться чёрт знает на сколько. Кошара облезлая, чтоб тебе пусто было.

— Ну что?

— Сейчас приедет, — с трудом удерживая рвущееся с языка «припрётся», рапортуя я, вернувшись к Илье. — Может сам уже забыл, куда его засунул?

Мужчина пожимает плечами и повыше застёгивает молнию на куртке:

— Не жарко. Может в машине посидишь? Там печка...

— Не, у меня своя печка, — и я приникаю к нему, обнимая за талию.

— Маленькая, я тебя испачкаю, — слегка приобнимая в ответ, предупреждает он.

И я не удерживаюсь от того, чтобы слегка пошалить:

— Непременно, — шепчу на ухо, привстав на цыпочки, — только немного позже.

Ответный взгляд буквально обжигает. Куда там всяким печкам...

В ожидании Фей, которое всё же не превращается в несколько часов до меня снова запоздало (ага, как до утки — на третьи сутки) доходит тот факт, что «шеф, усё пропало». Потому как стоит соседке раскрыть свой рот, как Илья узнает много чего из того, что я от него утаила или слегка переврала. А зная Котова, он едва ли удержится от такой шикарной возможности мне подгадить.

Блин-блин-блин, что же делать? Как заставить его молчать, не прибегая к физическому насилию? Боюсь, Илья будет несколько обескуражен, начни я душить приехавшего хозяина автомобиля. А для шантажа у меня ничего нет...

Но на деле всё оказывается не так страшно, как я успела нафантазировать. Красная Ауди обруливает наши с Ильёй авто и останавливается впереди, а затем Котов спокойно направляется к нам, выглядя при этом вполне дружелюбно.

— Здорово, — протягивая моему парню, успевшему снять перчатки, ладонь, Фей напрочь игнорирует как меня саму, так и тот факт, что стоим мы по-прежнему в обнимку. — Тимофей.

— Илья.

— Ну, давайте искать пропажу, кажется предполагаю, куда я мог его засунуть, — он шествует к водительской двери и засовывается в салон.

И всё? Нет, это правда всё, я вас спрашиваю? А где «эй, Ариэль, это не тот тип, сс свидания с которым ты вернулась, когда мы целовались в коридоре?» или хотя бы «а он знает, что мы живём вместе? Кстати, та милая пижамка с котятами, особенно без лифчика, просто огонь»?

В состоянии, близком к шоку я пребываю ближайшие минут двадцать, пока мужчины на пару разбираются с колесом, работая вполне слаженно и обмениваясь какими-то терминами, мне не слишком известными.

Не сравнивать не получается, хоть ты тресни, как ни стараюсь я отводить взгляд в сторону. Они разные, как небо и земля, но как так вышло, что нравятся мне оба? На фоне более крупного, чем-то напоминающего сейчас бойца спецназа, Илюши, Фей выглядит почти худощавым, хотя обычно по нему и не скажешь. А может тонкая ветровка поверх футболки (бессмертный, что ли, холодина же!) нивелирует ширину плеч по отношению ко всему остальному.

У одного светлые волосы и открытый взгляд серых глаз. У другого — тёмные, недавно укороченные пряди и кошачий карий прищур. Один мужчина-идеал, взрослый и опытный, спокойный, сдержанный и надёжный, готовый прийти на помощь по первому зову. Второй — безалаберный мальчишка, который доводит меня до белого каления, а потом без малейшего намёка бегает за лекарством, знает любимые цветы и зовёт смотреть фильмы о

гонках, а не скучнейшие криминальные драмы.

Я едва сдерживаюсь от желания постучаться головой о капот. Может так мысли придут хоть в подобие порядка, и я пойму, наконец, почему душа и мозг ну никак не могут договориться между собой. Или придумаю способ, как выгнать из этой самой души Фея, прописавшегося там и, кажется, устроившего себе уютный уголок с креслом-качалкой.

А сам Тимофей, наскоро протерев руки какой-то и без того не особо чистой тряпкой, ещё раз обменивается рукопожатиями с Ильёй, садится в свою Ауди и уезжает. Не попрощавшись со мной и даже не бросив хотя бы малюсенького взгляда...

Продолжение от 28.11.2016

Только девичник, только хардкор! Чем не девиз для субботнего вечера? Мой благоверный, как и обещал, уруливает в командировку (на этот раз в Хабаровск, так, глядишь, и географию выучу), Лизкиного мы выставляем к Фею с пакетом пирожков, а Дашкин привозит её лично, но тут же сбегает бормоча что-то про футбол.

Собственно, Дарья и является инициатором встречи, причём в её варианте это выглядит как сообщение «Хочу мартини!!!» в девчачий чат, на которое мы, понятное дело, откликаемся с энтузиазмом. Так что к вечеру закупаемся алкоголем, запекаем курочку, строгаем салатки и закрываемся в пространстве Лизкиной квартиры довольные и предвкушающие.

— Пойдёмте на балкон? Мне покурить нужно... — просит вдруг наша самопровозглашённая наставница и вообще пример для подражания сразу после первого бокала и пространных разговоров о том, как давно мы вот так не собирались.

Мы с Лизой переглядываемся опасливо, но послушно топаем в сторону лоджии, ожидая пояснения причин. И молчим, наблюдая, как нервно подруга подкуривает извлечённые из сумочки «зубочистки». С сигаретой Дашка смотрится до ужаса дисгармонично, даже без учёта моего отношения к курению вообще. Да и за время нашего знакомства я за ней подобных вредных привычек не замечала, а сама девушка говорила, что они остались позади, вместе с переходным возрастом и желанием казаться старше.

— Ну, не томи, а?! — Бэт машинально пристукивает пяткой о пол, что раздражает не меньше тянущегося в нашу сторону вонючего дыма.

— Задержка, — как-то отстранённо выдаёт Дарья, делая очередную затяжку. И, прежде чем я успеваю сделать шаг вперёд и отвесить ей леца за курение (и выпивку, между прочим, тоже!) в возможно беременном состоянии, добавляет. — Была.

— Даша, млять! Что значит — была?!

— То и значит, вчера кончилась. Девчонки, я чуть с ума не сошла.

Лиза тоже тянется к пачке, вполне понятно зачем, но получает по этой самой руке и успокаивается. А я, выдохнув, предупреждаю:

— То, что кончилась, не гарантия, кстати. Ты бы сходила к врачу, всё-таки.

— Мы вчера с мамой ходили, сегодня результаты анализа крови пришли. Сказала, что причиной сбоя может быть смена климата. Мы же в конце августа на море мотались, ну и вот...

Мама у Дарьи действительно мировая и это ясно даже мне, хотя виделись мы всего несколько раз. И рассказывала она ей, кажется, всё и немного больше. Впрочем, в данном случае не мне жаловаться — когда твоя родительница гинеколог, отношения априори

немного более тесные, чем у прочих. И стесняться обсуждать некоторые вопросы прекращаешь очень быстро. На самом деле, я знаю мало девочек, которым в шестнадцать сказали не «чтоб да замужества ни-ни!», а «давай-ка мы тебе противозачаточные подберём? Как раз гормональный фон нормализуем...» Да-да, мама, именно об этом я хотела поговорить в тот момент, ага.

— Ну, зато на госах такая шикарная причина для поблажек была бы, — пытаюсь разбавить сгустившуюся атмосферу, выдаёт Лизка.

Оу... Она же не присутствовала при нашем разговоре о дружбе, любви и чём-то кроме всего этого.

— Та-а-ак, я чего-то не знаю? — пока Дарья молча тушит бычок об внешнюю сторону балкона, начинает о чём-то догадываться Бэт. — А ну, пошли в комнату, каяться будешь.

Каяться Дашка готова. Особенно после заново наполненного и опустошённого бокала. Впрочем, выбора у неё всё равно нет, Лиза иногда вцепляется в жертву не хуже бультерьера, проверено на себе. Но озвучивать то, в чём она и сама ещё не разобралась, получается довольно сумбурно.

Она любит Никиту, тут сомневаться не приходится. Но одно дело любить вот так, легко и непринуждённо, со свиданиями, кафешками и прогулками, а совсем другое — с совместным бытом и проблемами. Дарья, и тут я с ней была полностью солидарна, не стремилась поскорее выйти замуж и заняться продолжением рода. Даже просто совместное проживание — это уже ого-го какой серьёзный шаг.

— Ты что, разлюбила Ника? — в унисон моим мыслям уточняет Лизавета.

— Нет, конечно. Просто... Мои родители поженились из-за меня и что? Много им это радости принесло? Нет уж, я предпочту, чтобы это было осознанным шагом, а не случайностью, которая в будущем может испортить сразу три жизни.

— Ну, не знаю. Вы — не твои родители, с чего ты взяла, что повторишь чьи-то ошибки?

— Блин, Бэт, вот представь, если бы ты сейчас забеременела, а? — вмешиваюсь я, пытаюсь перевести огонь на себя, хоть частично. — Ты знаешь, что ни один способ предохранения не даёт стопроцентных результатов? Ну, кроме воздержания, но и там были прецеденты. И вот что делать будешь в таком случае?

— Как что? Рожать, конечно. Дети — это счастье.

Говорит та, которая смылась от двух младших братьев и сестры в другой город. Ну-ну, дорогая, так я тебе и поверила.

— Но я не хочу рожать! — снова оживляется Дашка. — В ближайшее время так уж точно. Я хочу окончить универ, и поехать куда-нибудь отдохнуть, а не возится с пелёнками и распашонками!

— Но когда-нибудь всё равно придётся.

— Вот когда-нибудь согласна, а в ближайшее время — я пас.

— Солидарна, — снова вклиниваюсь я. — Я сама ещё деть, какие мне дети? Не-не-не, таблетки, презервативы...

— Лучше два, — перебивает белобрысая язва. — Ну, чтоб наверняка.

Я щипаю её за удобно подставленный бок и берусь за бокал, предлагая за это и выпить. Фантазия ехидно подбрасывает картинку: меня с большим животом и обнимающего за бывшую талию Илью. Ужас-то какой! Точно, лучше два! Или всё же воздержание?

— О, угадайте, где Никитка? — интересуется вдруг Дашка, открыв очередное сообщение на телефоне.

К этому моменту первая бутылка мартини пустеет чуть больше, чем наполовину, напряжённая тема почти забыта, а мы смотрим какие-то наиглупейшие видео на ютубе, оглашая комнату смехом.

— В смысле? — нажав на паузу, уточняю я. — Он же футбол собирался смотреть.

— Да-а, а вот где именно?

— Ну или дома или в баре, где ещё.

— В гостях, — выдаёт Лизка, явно знающая больше меня.

— Ага, у ваших мужиков.

Опьянённое сознание пытается состыковать моего мужика с его командировкой и Лизкиного, уехавшего к Котову, а потом...

— Эй, Фей не мой!

— Зато смотри-ка, как быстро словилась о ком речь, — восхищается Дашка.

— Да ну вас... С каких пор Ник вообще с ними дружит?

— А почему нет? Я с вами тусуюсь, он с ними, всё логично. Особенно после того, как ты перестала возводить Тимофея в ранг врага народа и признала, что он тебе нравится.

— Я не... С чего вы... Не нравится он мне, что ты придумываешь?

— Нравится! — хором произносят две заразы, по недоразумению считающиеся моими подругами. И ещё «пять» друг другу дают, не иначе как побесить меня.

— А вот и нет!

— А вот и да. И лично я уже запасаюсь попкорном в ожидании дня, когда вы наконец сойдётесь. Это же такое зрелище будет, ммм...

— А можно я тогда буду повторять «я же говорила!», качать головой и прицокивать вот так, — Лизавета демонстрирует как именно и смывается да другую сторону столика, прося у Дашки политического убежища.

— Вам-то что с того, вредины?

— Как это? Ты будешь счастлива, а мы будем рады за тебя. Логично же, ну?

— Я и сейчас очень даже счастлива.

— Ты сейчас удовлетворена, это другое. И вообще, нам мальчики уже по сто раз написали, а твой где? Или серьёзные юристы Вибер не воспринимают?

— Бэт, ты нормальная, а? У него сейчас час ночи, какой Вибер, блин?

Мне не нравится, то, что они говорят. Причём вовсе не потому, что лезут не в своё дело, это давно привычно, тем более сама я регулярно промышляю тем же. И даже не тем, что вот так вдвоём ополчились на одну. Просто где-то внутри мозга зреет понимание, что Лизка права. И чувство удовлетворённости, вкуче со вниманием, заботой и тем, как это лестно, когда за тобой ухаживает взрослый мужчина, счастья не заменят. Получает этакий суррогат, от настоящего отличающийся и даже слишком. Но проблема в том, что уступи я Котову и стань, вдруг, самой счастливой девушкой на планете, нет никаких гарантий хоть какой-нибудь длительности этого состояния. И что он не помашет ручкой спустя неделю или две, а я останусь у разбитого корыта. Нет уж, лучше не пробовать вообще, чем оказать той, которую отлучат от себя за несоответствие сформировавшимся в голове представлениям и идеалам.

Девочки, видимо осознав, что слегка перегнули палку и загрузили меня, переглядываются. И решают сменить тему.

— Кста-а-ати, Крис, — голубые глаза Лизаветы чуть ли не светятся от энтузиазма. — ты решила, что хочешь на День Рождения. Мозги я ищу, конечно, но не гарантирую.

— Торт, — игнорируя вторую часть фразы, как и смешок Дарьи, честно отзываюсь я.

— Какой торт?

— Большой и вкусный. Я буду есть его ложкой из середины пока не объежусь и не лопну.

— Издеваешься? — правильно догадывается Бэт и надувается, как мышья на крупу.

— Ну ты же знаешь, что я всё равно не отвечу. Так зачем спрашивать?

— А вдруг у тебя именно в этом году проснётся совесть, и ты раскроешь секрет — чего хочет Кристина? Я, конечно, мастер сюрпризов, но приятнее же получить что-то действительно желаемое.

— Ага, зачёт по земельному. Не понимаю, что я преподше сделала, но она меня явно невзлюбила.

— Ну, сюрприз, так сюрприз, — как всегда слышит лишь то, что хочется, Бэт. — Только не жалуйся потом, ага.

Жаловаться? Да боже упаси! Главное, чтобы ей не хватило фантазии раздеть Фею и приковать к кровати, прикрыв стратегически важные места букетом. Хотя... Ох, женщина, о чём ты думаешь вообще? Так, где там моё мартини?

Вечер, плавно перетекающий в ночь, проходит на ура. Да, даже при учёте поднятия тем, которые были неудобны хоть для одной из нас. По Лизке мы, кстати, тоже умудряемся проехаться, для солидарности, и чтобы нам с Дашкой не было так обидно. И вредной блондинке приходится оправдываться на тот счёт, что с Лёней она, оказывается, начала встречаться ещё в июне, то есть пока я находилась в городе, но ничегошеньки не сказала. Опасалась вызывать негативную реакцию и правильно опасалась, да, но это не мешает сейчас взывать к её совести и вопрошать патетически «ах, ты мне не доверяешь». Дарья умудряется одновременно поддакивать и делать селфи на нашем фоне, так что утром точно будет что вспомнить.

Расходимся мы весьма своеобразно, надо заметить. Кому-то (сейчас уже и не вспомнить — кому именно) приходит в голову «гениальная» идея доехать до квартиры Котова, где я спокойно лягу спать, а подружки со своими парнями разъедутся по домам. Так что, не предупредив ребят о своём демарше, мы грузимся в подъехавшее такси с грацией горных лам. Надеюсь только, не с такими же звуками...

— Давайте тихо, как мышья, — прошу я девчонок, открывая двери собственными ключами.

Но едва перешагнув порог понимаю, что тихо не получилось вот ну никак.

— Дарья, блин! — белобрысый ангел возмездия стоит, сложив руки на груди. — Я кому говорил, что сам за тобой на такси приеду? А вы, две курицы, чем думали? Три пьяные девушки, ночью, едут куда-то одни. Мозги есть вообще?

— Нету-у, — радостно выдаёт Лизка, — я Криске искала по магазинам, а там не продают, представляете?

— Никитушка, не ругайся, а? Я тебе массажик сделаю... — предлагает Дашка, чьи глаза находятся уже в почти закрытом состоянии. — Только потом, завтра там...

— Ага, я там и понял. Ладно, парни, мы погнали домой. А то сейчас краса моя уснёт и придётся тащить на себе, а больно уж лифт у вас маленький. Нана, телефон где? Может ваша тачка ещё не успела уехать, — и наскоро пожав руки присутствующим здесь мужчинам, он

утаскивает подругу в подъезд.

Ну, если уж Ник перешёл на прозвище, всё в порядке и на Дашку он злится не сильно. Значит можно разоблачатся и ползти в спальню со спокойной душой. Блин, ну кто придумал такие сложные замки на ботинках, а?

— Тебе помочь? — Фей присаживается рядом на корточки, заглядывая мне в лицо.

— Сама справлюсь!

— Да уж вижу, как справишься.

Он в два счёта разбирается с коварными «молниями» и вздёргивает меня на ноги, начав вытряхивать из куртки. Куртка сопротивляется изо всех сил, отчего меня тоже слегка мотает (конечно от этого, а не от полутора бутылок алкоголя на троих, точно говорю!), но Котов умудряется одержать победу и здесь.

— Ладно, Тим, мы тоже поедem, — обнимающий, а точнее придерживающий Лизку в вертикальном положении, Лёня, наблюдает за нами с интересом юного натуралиста.

— Куда? Оставайтесь, смысл через полгорода мотаться. Переночуете у меня, бельё там чистое, Ариэль сегодня стиралку весь день гоняла. А я на диване посплю, не впервой.

— Не хочу у тебя, хочу у Лёни. У него в комнате вид из окна красивы-ый, — с зевком возмущается Лизавета.

— Хорошо, переночуете к той спальне, Кристина в моей, а я на диване. Так всех устроит? Крис?

Наверное, я должна начать возмущаться. Точно, должна! Но Фей, расправившийся с курткой, продолжает обнимать меня за талию и от руки распространяется такое успокаивающее и приятное тепло, что какие-то там спальни волнуют меньше всего на свете. А если ещё примостить голову у него на плече, вот так...

— Понял, кто-то уже спит. Надеюсь, завтра ты меня не убьёшь, а только немного покалечишь, — со вздохом выдаёт он и поднимает меня на руки, вызвав тихий, но весьма довольный визг. — Всё, Лёнь, тащи свою зазнобу, иначе тоже уснёт прямо у порога.

Кровать, несмотря на только сегодня постеленное бельё, всё равно пахнет Феem. А может это пахнет от него самого и рук, помогающих мне избавиться от толстовки и джинсов. К счастью под ними вполне приличные трусики-шортики и футболка поверх лифчика, который я привычно вытягиваю через один рукав. Но, в любом случае, в приятно поддёргивающейся алкогольной дымке тот факт, кто именно меня раздевает, беспокоит меньше всего.

— Всё, спи, наказание моё.

С чего это наказание? Очень даже счастье, хочется возмутиться мне, но разум и впрямь засыпает на полумысли. А тело само натягивает одеяло на самый нос, укрываясь от нескромного кошаковского взгляда.

Если сегодня вам плохо, значит вчера, скорее всего, было хорошо. И судя по моему самочувствию, хорошо было ну просто очень.

Очнувшийся от спячки мозг первое время ещё пытается осознать себя и обстановку вокруг, но очень скоро бросает это занятие. В самом деле, какая разница, где я и как здесь оказалась, главное поскорее добраться до воды. Пить хочется просто адски, но мне хватает самообладания не идти туда в том виде, в котором проснулась, а надеть хотя бы джинсы, аккуратно сложенные на второй, свободной стороне кровати. Толстовка, бюстгальтер и носки обнаруживаются тут же, но на них сил уже не остаётся.

Неуверенно поднявшись с постели и добредя до двери, я вспоминаю, что это за комната и почему она кажется такой знакомой. Эй, что я делаю в спальне Фея? Нет, если бы он лежал рядом, а одежда мне отсутствовала, выводы сделать не составило труда, хоть то, как кошка пользуется пьяным состоянием девушки, даже воображалось с трудом. Тогда какого чёрта я спала в его кровати, если собственная находится в комнате напротив?

Ответ на последний вопрос я получаю почти сразу, стоит только пересечь коридор — моё лежбище занято двумя блондинистыми макушками, выглядывающими из-под одеяла, которые при чуть более пристальном рассмотрении оказываются Лизкой и её парнем. Ага, восстанавливаем примерно события — мы добрались сюда, а вот назад друзья ехать были уже не в состоянии, так что решили заночевать тут. Правда рокировка не до конца понятна, но, наверное, я оказалась так благородна, что уступила им более привычную комнату. А Фей, тогда, ещё более благородный, раз ушёл ночевать... Куда, кстати, он ушёл?

Кошарик находится тоже недалеко — на диване в гостиной, едва прикрытый тонким пледом. Не мёрзнет он, что ли? Так это у меня вроде четвертинка горячей южной крови, а не у него. Ай, ладно, большой мальчик, сам разберётся.

Добравшись до конечного пункта названия, то бишь до кухни, я с восторгом и почти блаженством выпиваю один за другим три стакана воды из фильтра. Она не холодная, скорее комнатной температуры, но на это сейчас плевать. Найти бы ещё сумку, где должно быть обезболивающее, так, глядишь, и жить захочется.

— Живая? — интересуется заспанный голос из-за спины.

Медленно обернувшись, я обнаруживаю Фея, подпирающего плечом дверной проём. Как всегда, в одних шортах, будто маек в его гардеробе не водится и вовсе. Уйти, эксгибиционист несчастный, не соблазняй с утра пораньше. Но вместо того, чтобы озвучить это вслух, уточняю кое-что другое:

— Я сама вчера раздевалась?

Одной ухмылки хватает, чтобы сделать нужные выводы. Ну, почему-то так я и думала. Но сил даже на маленькую истерику нет, так что пойдём по проторённой дорожке:

— И как, воспользовался ситуацией?

— Два раза, — ещё шире ухмыляется он. — Детка, ты просто космос.

— О, сочувствую, — наполняя четвёртый стакан, пожимаю я плечами. — Если для тебя пьяное бесчувственное тело — космос, то боюсь представить остальных несчастных...

— Да шучу я, — видимо, предположение его задевает, потому что выражение лица меняется почти сразу. — Нет, джинсы с кофтой я помогал снимать, не в них же тебя было

укладывать, а вот фокусы с лифчиком ты по собственной инициативе показывала.

Про носки забыл. А вообще...

— Ты когда-нибудь в нём спать пробовал? Это же пыточное устройство!

— Можно, я поверю тебе на слово?

Взгляд красноречиво сползает ниже, но футболка тёмная, плотная и точно не просвечивает. Так что на провокацию я не поддаюсь и руки на груди не скрещиваю.

— Да ладно, Ариэль, реально не помнишь? — Котов присаживается на стул и подпирает голову рукой. — Совсем ничего? Сколько же вы выпили, до таких провалов в памяти? Мы тоже вчера пиво пили, но...

— Как это ничего? Я помню, как мы ехали в такси, втроём на заднем сиденье. Было тесно, но бутылка нас как-то примиряла с этим фактом. И вообще, не ровняй таких лосей как вы и таких хрупких феечек, как мы, — я едва не запинаюсь на полуслове, от сорвавшегося с языка слова. Чёрт, одни феи кругом, ну куда от них не деться.

— Феечка, ты хоть умойся для начала, сейчас больше на самку енота похожа.

Да? Вот блин, опять макияж не смыла... Как Котов от ужаса не шарахнулся, такую красоту увидев.

Вообще, у меня и так проблемы с равновесием сегодняшним утром, так ещё и динамика наших разговоров из него выводит. Нет, ну в самом деле, это американские горки какие-то! То мы собачимся, как сводные, то ведём милые беседы за чаем, то он попросту меня игнорирует, как будто, так и надо. Да я с ума сойду скоро, от непонимания и попыток разобраться.

— Завтракать будешь? — уточняет, тем временем ничего не подозревающий о моих мыслях парень, успев переместиться к холодильнику и засунуть туда нос.

— Ар-р-р, не говори мне о еде вообще! — почувствовав нахлынувший приступ тошноты от одной только мысли о чём-то съедобном, мотаю головой я. Глупая идея, очень глупая, она так ещё больше кружиться начала. — И вообще, пойду утоплюсь.

Но для начала по-пластунски сползаю в комнату за чистой одеждой. Эх, трудна жизнь алкоголика.

К моменту, когда друзья успевают проснуться и отчалить домой (а в детских садиках, наоборот, начинается сон-час), я прихожу в себя и привожу себя в порядок настолько, что совершаю небольшой набег на кухню, без опасения тут же вернуть всё обратно. А потом заваливаюсь на возвращённую в хозяйские руки кровать, в обнимку с ноутбуком и стучусь в скайп абоненту с улыбающейся мамой на аватарке.

— Привет, ребёнок.

Родитель фотографии не соответствует, но его я рада видеть не меньше.

— Привет, папуль. А маму куда дел?

— С тещенькой по сотовому беседы беседует. Ты же вчера с подружками встречалась, где синяки под глазами, трясущиеся руки и перегар?

— Ты его просто через интернет не чувствуешь, — хохочу я.

— Папа умный, папу не проведёшь. Каринэ сказала, что мы через пару недель приедем?

— Нет, не говорила, а зачем? Ой, то есть не то хотела сказать...

— Да понял уже, как ты по нам соскучилась, — якобы обиженно качает головой он. — В конце следующей недели крупный проект закрываем, так что будет ко дню рождения тебе подарок в виде нового автомобиля. Вот, приедем выбирать.

— Кру-у-уто! — совершенно искренне подпрыгиваю я на кровати, не меняя, правда, положения лёжа. — А что за проект? Интересный?

— Так такой домина, ты себе не представляешь. Жена хозяина, правда, не от мира сего, так что надро... — папа вдруг вспоминает, что разговаривает с дочерью и пытается вывернуться, под мою улыбку, — надолбались мы изрядно, но большинство задумок удалось отстоять. Привезу фото на планшете, полюбуешься.

Я киваю, как всё та же собачка на приборной панели. Понятно, что папа не составляет весь дизайн от и до, но его проекты мне всегда как-то по-особому нравятся. Наверное, поэтому мне так нравилась наша квартира, где каждый уголок был задуман (а частично и воплощён) им самим.

— Ну, и с хахалем твоим познакомимся заодно.

— Папа, — я закатываю глаза, — ну с каким хахалем?

— Вот и я говорю — с каким? Живёт с одним, дружит с другим, сплошной разврат!

— О, бабушка Тома звонила? Чую знакомые интонации.

— Молчи, ребёнок, моя нервная система ещё не восстановилась от общения с ней. В общем, сама решай, с кем знакомить будешь, но я хочу с будущим зятем пива попить.

— А с дочерью? А как же я? Я же лучше собаки! Домашнего вина главное привезите, ага.

— Ну уж постараемся, как-нибудь... — улыбается он, а затем вдруг кричит, едва меня не оглушая, куда-то в сторону. — Карина, ты с дочкой разговаривать-то собираешься? Говорит, что уже бежит. Топота не слышу только, — если учесть, что мама по комплекции примерно такая же, как и я, папина подколка пролетает мимо. — Ну, ладно, освобождаю место. С тебя по приезду мясо по-французски, у мамы так вкусно не получается.

— А ты гад! — появившаяся в кадре мамуля награждает супруга шлепком по плечу. — Ладно-ладно, серый хвост, я тебе это припомню. Всё, двигай отсюда, мы будем секретничать.

Родитель подмигивает мне, целует супругу в макушку и удаляется, заставляя меня ещё расплываться в улыбке ещё сильнее. Вот даже месяца не прошло, а соскучилась — жуть как. А всё ещё прекрасно помню, как папина мама злорадничала на этот счёт, мол, уеду в другой город и думать про них забуду. Ох, бабушка Тамара, если твой сын сбежал за полстраны от тебя, вовсе не значит, что все такие.

— Утром ты была похожа на енота, теперь глаза, как у лемура. Ариэль, твои артистические способности просто поражают, — уведомляет Фей, когда я приземляюсь на диван в метре от него.

Если честно, не знаю, как так получилось. Я просто шла на кухню попить воды (какие там положенные два литра, их я ещё до обеда выглушила), а потом как-то машинально завернула в гостиную, услышав звуки телевизора. И вот теперь сижу на диване, слепо пялясь в мерцающий экран, но думаю совершенно о другом.

— Родители обещали приехать, — зачем-то произношу вслух.

— Хорошо, — продолжая листать каналы, откликается он.

— Что хорошо?! Я сейчас живу здесь, значит сюда они как минимум заглянут. И познакомятся с тобой!

— И? Я с тобой не сплю, значит опасаться, что твой отец попытается открутить мне нечто жизненно важное не стоит. Это Илья твой пусть боится.

Илюше тоже бояться нечего — папа у меня пацифист. И довольно современный, так что лекций на тему полового воспитания точно ждать не стоит. Тем более меня мама родила в девятнадцать, путём нехитрых расчётов получаем, что познакомились они и того раньше. А мне скоро целые двадцать два, перестарок почти, если судить по этим меркам. Да и вообще, если дедушка Георг в своё время не пристрелил «наглого выскочку», соблазнившего его молоденькую дочь, моим «хахалям» можно расслабиться.

— Ладно, Крис, заканчивай рефлексии. Фильм смотреть будем?

Я моргаю, уставившись на него удивлённо. А, точно, воскресенье-фильм-бро, помню. Но с каких пор его молчаливый игнор окончен? Господи, Фей, что же тебя понять-то так сложно!

— Будем, — пока мозг думает, уверенно отвечает язык. — Только без алкоголя, иначе меня стошнит прямо на вот этот чудный ковёр.

— Договорились, пьём колу.

— Там, кстати, где-то пачка попкорна должна валяться... Сейчас принесу.

— Эй, шестой Форсаж устроит?

— Давай что-нибудь другое, а? — кричу я в ответ с кухни, обнаруживая искомое в первом же ящике. — Я устала смотреть на мужиков, у которых грудь больше, чем у меня.

Судя по звуку, кошка нагло ржёт, но не этого ли я добивалась? Серьёзно, пусть лучше ржёт, чем прожигает таким взглядом, будто я разбила его Ауди. Уж к смеху я могу привыкнуть.

Продолжение от 30.11.2016

Смотрим мы «Пиратов Карибского моря», причём начав, почему-то, со второй части. Впрочем, я точно не в обиде, тем более Фей знакомо уже перемещается с частью подушек на пол, оставив диван полностью в моём распоряжении. И утащив большую пиалу с попкорном, но до неё я прекрасно дотягиваюсь и так, а солёный в любом случае люблю не слишком.

— И всё равно не понимаю, почему не могли актрису посимпатичнее найти, — возмущаюсь я, глядя на совершенно тускло выглядящую в таких ярких декорациях Найтли.

— Чем тебе Кира не угодила?

— Ах, Кира-а... Да тем, что рядом с такими мужчинами они просто теряется.

— Что бы ты понимала в женской красоте!

— А вот понимаю, между прочим. Это вы не способны оценить привлекательность вне зависимости от пола, а вот женщины вполне могут. Если девушка реально красивая, я спокойно это признаю.

— Ну-ка, ну-ка, и кого же ты считаешь красивой? Ну, хоть из голливудских актрис.

Ага, так я тебе и сказала.

— Нет уж, давай сначала ты, а я скажу, симпатичная она, по-моему, или нет.

— Хм... ладно! Меган Фокс?

— Серьёзно? Пластика носа, губ, груди и явно что-то сделала с кожей. Да так любую дурнушку из соседнего подъезда кинодивой сделать можно. Давай дальше.

— Мила Кунис? — почесав макушку, предлагает он.

— С натяжкой, но принято. Симпатичная, но там макияж большую роль играет. Умой — и половина очарования пропадёт.

— Ладно, я понял, ты в любой найдёшь, к чему придраться.

— Вот не выдумывай! Сальма Хайек, Деми Мур, Моника Беллуччи — чем тебе не

красотки? Причём не молодые уже, а как выглядят. Понятно, что и там без пластики не обошлось, зато гармонично всё. Не думаю, что если бы у меня была туева хуча денег, я бы удержалась и что-нибудь в себе не изменила, — хотя это наверняка больно, а я себя ой как люблю.

— Нахрена? У тебя и так всё отлично.

— Комплимент на миллион просто, — «восхищаюсь» я. — Именно поэтому ты первой же назвал Фокс, которая грудь увеличила.

— Нормальная у тебя грудь, — чёрт, это просто «тема дня» сегодня, как я посмотрю.

Впрочем, сама виновата.

— Так, ладно, закрыли тему.

— А вот нифига, давай-ка наоборот теперь, — фильм забыт, Фей разворачивается к экрану спиной, опирая одну из подушек на журнальный столик и облакачиваясь на неё.

— Что наоборот?

— По мужикам пройдемся.

— О, нет, я с тобой по мужикам не пойду, вдруг отобьёшь, пра-ативный... — я смеюсь, наблюдая возникшее на его лице кислое выражение. Господи, ну как ребёнок, честное слово.

— Крис!

— Да что? Список слишком длинный получится, отстань.

— Это нечестно.

— Пфф, не знала, что мы где-то обговаривали правила. Колу подай, пожалуйста.

Фей заново наполняет мой бокал и щурится, как кот. Что, как я успела уже заметить, предвещает какую-то если и не гадость, то маленькую подколку точно.

— А если не об актёрах речь, а об абстрактном идеале, м?

В его глазах такой азарт, что я тоже заражаюсь им. Ну, это и правда может быть любопытно, почему нет?

— Окей, ты первый.

— Опять я?!

— Давай-давай, девочкам надо уступать. Ну?

— Вот... русалка хитрожопа!

— Ладно, помогу с наводящими вопросами, — не знаю, может кола оказывает такой эффект (как там, на «старые дрожжи», да?), но я почти чувствую себя немного выпившей, с прилагающимся желанием поговорить в комплекте. И делаю вид, что записываю что-то в воображаемом блокноте, поправляя на носу столь же воображаемые очки. — Итак, рост?

— Не важен.

— Как это — не важен? То есть, теоретически, она может быть на полголовы выше тебя?

— Может, почему нет? — пожимает плечами Фей. — У меня нет комплексов по этому поводу. Главное, как этот рост преподнести. Если высокая, значит не должна сутулиться, если низкая — не нужно влезать на полуметровые каблуки, не умея на них ходить. Это же со стороны как кузнечик парализованный смотрится, вот реально.

Собравшись покивать согласно, я вдруг задумываюсь, не касается ли это и меня в том числе. Нет, самой-то мне кажется, что на каблуках я хожу вполне достойно, но вдруг у кошака другое мнение? Так и не придя к какому-то точному выводу и не решившись уточнять, я всё же киваю:

— Принято. Следующий вопрос.

— Не-не, какой следующий, твоя очередь отвечать.

Эх, не прокатило. Ну да ладно.

— Мужчина должен быть выше, однозначно, — ага, с моими-то полутора метрами. — Идеально от метра семидесяти до метра восьмидесяти, — потому что выше целоваться уже неудобно вот совершенно, проверено на практике. А табуреточку с собой не натаскаешься.

Интересно, мне только кажется, что Фей в этот момент припоминает собственные сантиметры? Нет, на глаз-то он вполне в габариты вписывается, но это ещё ничего не значит.

А потом делает ответный жест «я взял тебя на карандаш».

— Записал, что дальше?

— Цвет глаз?

— А почему не волос?

— Ну давай волос, — покладисто соглашаюсь я, было бы о чём спорить.

— Рыжие. И длинные, вообще не воспринимаю женщин с короткими волосами, чем они думают, когда всю красоту срезают?

Вопрос не по адресу, совершенно. Моя шевелюра, конечно, уже не до задницы, какой была в школе, но вполне себе приличной длины. И таких хлопот, чтобы захотелось её укоротить, не доставляет. Был, правда, один прецедент, но там сыграло роль типичное девичье «мне срочно нужно что-то в себе изменить», чем что-то ещё. И закончилось в итоге довольно благополучно, всего лишь сменой колора на красный. Не рыжий, но тоже неплохо, как по мне.

Вспомнив, что так и не сделала ответного хода, я вскидываю голову:

— А мужчины лучше по-твоему? Любимая стрижка «под троечку» у большинства, куда любительницам длинных волос деваться? Только на рокерах, в основном, взгляд и отдыхает!

— Ага, легко говорить, — оживляется Кошак, как будто лично его этот вопрос ну просто очень заботит. — Вон, у Арса волосы прямые, отрастил патлы и радуется. А я на барана похож буду, если решу последовать примеру братца, — его пальцы проходятся по и впрямь слегка завивающимся колечкам отросших волос.

— Да ну нафиг, на солиста «Эпидемии» посмотри! У него тоже волосы вьющиеся, зато как смотрится, м-м, — я предпочитаю не уточнять, что до того момента, как шевелюра музыканта достигла приличной длины, смотрелось это весьма забавно, на самом деле.

Едва ли я сумела убедить Фею, но вот зерно сомнений заронила, это точно. Ох и наугораюсь, если тот решит последовать совету... Впрочем, сомневаюсь, очень сомневаюсь.

— Цвет забыла, — напоминает Котов, опять булькая бутылкой с газировкой.

— Тёмные, конечно же, — главное, чтобы не спросил, почему конечно.

Котов щурится, но молчит. Хороший мальчик.

— Глаза?

— Два, — он ещё и соответствующее количество пальцев поднимает, издеваясь.

— Чего два, цвет говори, — пытаюсь достать его ногой, возмущаюсь я. Ногу ловят и делают вид, что пытаются пощекотать, заставляя буквально взвиться над диваном и выдернуть конечность из наглых кошаковских пальцев.

— Зелёный.

Ага, а вот и первое совпадение в мою пользу, счёт два-один получается. Ну, это если всё же считать мои глаза зелёными, хотя такой цвет они приобретают только при правильно подобранных тенях для век или одежде. В остальное время гадски маскируются под

странный серый оттенок, что меня, понятное дело, не устраивает. Но озвучивать не собираюсь, делая вместо этого свой ход:

— Карие.

А вот теперь непонятно, начислять ли Фею её один бал или нет, потому что его «очи жгучие» скорее янтарные какие-то, нежели всё же карие, ведь я имею в виду именно тёмный цвет, ближе к чёрному даже. Как у Арсена, да-да. Так что всё ещё два-один и нечего мне тут!

— Теперь что? — уловив моё замешательство со следующим параметров, как-то слишком уж хитро улыбается он. — Размер груди?

— А мне тогда, прости, размер чего? — вот теперь смеётся совсем уж откровенно, заставляя меня морщить нос, чтобы самой смех сдержать. — Нет уж, пропустим, пожалуй.

— Да нет, зачем же? Можешь назвать размер... ноги?

— А что не носа? — припомнив глупые статейки с предположениями о том, как размер носа соотносится с габаритами достоинства, усмехаюсь я. — Ладно, вещай, радио.

Нет, всё же грудь сегодня — тема на миллион. Сейчас же я жду ответа в стиле «чем больше, тем лучше», ведь мужчины существа довольно предсказуемые. И да, помню-помню, как он на бюст Летти в фильме пялился, хотя там не сказать, чтобы было на что посмотреть.

— А вот не хочу уже.

Я только глазами хлопаю, такой у него тон сейчас забавный. Намеренно-капризный, это да, но забавный же. Но прореагировать не успеваю.

— Кстати, можно отвлечённый вопрос, пока не забыл?

— Ну, попробуй...

— В интернете по этому поводу обычно начинается срач, так что ответа я так и не получил. В чём такая кардинальная разница между купальником и нижним бельём, что в одном случае вы дефилируете как по подиуму, а во втором прячетесь с визгами?

— Вопрос, конечно, интересный... — я делаю вид, что крепко задумалась, даже руку в волосы запускаю, почёсывая макушку. — Только не по адресу.

— Ты же девушка, — непонимающе хмурится Фей.

— И? Я как бы сама не в курсе, почему так.

Я к категории этих, с визгами, не отношусь вот вообще. Те, кто застал времена покупки одежды на рынках вообще быстро отучились от стеснения, вынужденные мерить вещи за кольшущейся занавесочкой метр на метр. Да и бельё у меня, за редким исключением (например, тем комплектиком, что так приглянулся Илюше), довольно закрытое и без всяких излишеств. Ну, всяко закрытее купальника, так уж точно. Да и если взять всё тот же спортивный топ, в котором я периодически рассекаю по квартире, можно сделать соответствующие выводы.

Примерно это я и озвучиваю кошаку, на губах которого опять расцветает эта предвкушающее развлечение улыбка.

— Окей, тогда может прямо в белье ходить, я, так уж и быть, не против.

— Это видел? — скрутив пальцы в фигу, сую я получившуюся конструкцию хохочущему парню под нос. — Ты откуда взялся, наивный такой? Реально надеялся, что я поведусь?

— Ну а что, надежда умирает последней...

— Она только что почилла в бозе, — скорбно извещаю я. — Не отвлекайся, вообще. Что у нас дальше по списку?

— Да фиг знает, — азарт схлынул и обсуждать мифические идеалы уже не так интересно, всё правильно. — Вес?

— Ага, вдруг надорвёшься. Стиль в одежде? Скажешь «лучше голая», брошу подушкой.

— Да-да, мне как раз ещё одной не хватает, — он похлопывает по трём имеющимся. — Да тоже неважно, на самом деле. В обычной жизни лучше джинсы с футболкой, чтобы в любой момент можно было сорваться на прогулку или ещё куда, а не слушать нытьё, что она стрелку на колготках поставила или ноги на шпильках устали. Ну, и платья тоже должна уметь носить, разумеется.

— Уж свадебное-то небось любая сможет, — поддразниваю я, почему-то вспоминая первое свидание с Ильёй и то, как Фей смотрел на меня в том платье.

— Всё б тебе язвить. Давай, твоя очередь.

Вот на этот вопрос ответ уже готов. Как и почти воочию вставшая перед глазами картинка. Парень, встреченный в автобусе пару лет назад буквально выбил почку из-под моих ног. До тех пор, пока взгляд не заметил кольцо на безымянном пальце.

— Костюм, чёрный и с приталенным пиджаком. Белая рубашка с запонками и чёрным узким галстуком. Чёрное классическое пальто, шарф и туфли. И очки, обязательно должны быть очки! Тоже чёрные, узкие такие.

— Это ты сейчас кого-то описала? — вклинивается в воспоминания ехидный голос.

— А? Нет-нет, мы же об абстрактных идеалах, разве нет?

Ответный взгляд на мой, наигранно невинный, говорит о том, что кошка не слишком-то поверил. Но не настаивает, что удивительно, он вообще сегодня слишком покладистый какой-то, не заболел ли? Хотя ладно, сама-то...

Разговор прекращается как-то сам собой, то ли от лени, то ли от незнания, как его продолжить. А может пропадает вдруг та странная волна откровенности, неожиданно захлестнувшая нас обоих.

Фей разворачивается обратно к телевизору, где фильм практически подходит к концу и, отыскав в подушках пульт, перематывает обратно к моменту, когда мы ещё следили за происходящим на экране.

Снова-здорово! Ну да ладно, посмотрим. Я перетекаю обратно к лежащее положение, которое успела сменить на время разговора и укладываю голову на сгиб руки. Так, главное не заснуть!

И засыпаю, конечно же, как по закону подлости. Во сне творится сумбур, Лёня в образе Уилла Тёрнера никак не может пересечься с Лизаветой, чьи верхние девяносто то и дело совершают возмутительные попытки выбраться из слишком маленького для них корсета. Вредная мартышка утаскивает у меня очки, те самые, о которых шла речь — узкие и в чёрной оправе, надевая их на себя и становясь похожа на не менее вредную преподавательницу по земельному праву. А Фей, возмутительно напоминающий Джека Воробья (капитана Джека Воробья, простите-простите), вновь смотрит на меня тем взглядом, после которого ощущаешь себя сволочью, забравшей у ребёнка конфету.

И спрашивает, подходя ближе, почти вплотную:

— Почему ты так упрямо не подпускаешь меня к себе?

И раз уж это сон, я не вижу причин лгать:

— Потому что когда ты во мне разочаруешься, придётся собирать себя по частям. А я мазохистка только физически немного, а морально — совсем нет.

Капитан Фей усмехается уголками губ и наклоняется, целуя меня в лоб.

Больше сумасшедшие сновидения меня не беспокоят...

Проснувшись, в первые секунды я испытываю жесточайшее чувство дежавю. Но мерцающий экран телевизора, и обстановка вокруг существенно облегчают ориентирование на местности.

Чёрт, опять уснула на диване! Часы показывают одиннадцать ноль три, в обычный день я бы в такое время ещё даже не легла, но гадкое похмелье спутало все карты, планы и иже с ними. Так что, наплевав на режим и сгрузив с ног кота (вот зараза меховая, и сюда под бочок пробрался), я поднимаюсь, желая переместиться в кровать. Но едва не падаю, запнувшись обо что-то на полу.

Блин, Фей! Вот уж кому точно спать негде! Умогнулся на не слишком удобных даже с виду подушках и дрыхнет, даже не проснулся, получив ногой по спине. И что прикажете с ним делать?

Моя доброта не знает границ, так что присаживаюсь рядом, слегка потрянув спящего кошака за плечо:

— Эй, ты так и будешь на полу спать? В комнату иди.

— Сейчас, Люцика доглажу, — почти и не сонно откликается он, — смотри, какие складки.

Я сдавленно смеюсь, прикрывая рот рукой, отчего звуки кажутся ещё более странными. Понятно всё с вами, господи Котов. Кота он гладит, ага. Утюгом, не иначе. В любом случае, не тащить же его насильно, пусть спит. Но вот одеяло надо принести, в качестве ответного жеста доброй воли, хотя бы...

Эх, и кому же такая заботушка достанется, а? Поусмехавшись над самой собой, я топаю в спальню Котова за одеялом, а затем возвращаюсь, осторожно накрывая его. И пользуюсь таким прекрасным случаем поразглядывать без опасения.

Не идеальный, это точно. На брата, эту мечту девичьих грёз, не похож вот совершенно. Да и брови не мешало бы немного продёрнуть, хотя представить боюсь, куда меня пошлёт Фей, подойти я к нему с пинцетом. Но как же так получается, что вот эта наглая моська, выглядящая во мне практически по-ангельски, настолько зацепила меня с первого же взгляда, да так и не отпустит до сих? Магия какая-то, вот правда.

Так, Крис, нужно заканчивать бдения над спящим телом, а то проснётся, не дай бог, стыда не оберёшься. Поводов для подколов тогда у кошака хватит на целый КВН.

Взглянув на него в последний раз, я поднимаюсь и топаю к себе, забираясь там под холодное и слишком тяжёлое, отчего-то, одеяло. И ворочаюсь часа два, не меньше, прежде чем заснуть. Лучше бы осталась на диване, право слово. У Фея как-то подозрительно хорошо получается охранять мой сон...

Ваши лайки, комментарии и подписки на автора вдохновляют нас с Музом на продолжение.

Спасибо, хорошие мои!

«Кто тебе сказал, что мы расстанемся, если мы с тобой друг другу нравимся...»

Песня, похоже, стоит у кого-то на звонке, потому как припев играет уже по третьему кругу, но тормозной владелец никак не берёт трубку.

Мы с Лизаветой просиживаем окно перед последней парой в пиццерии недалеко от корпуса, а она параллельно ещё и перекачивает задачи по уголовному праву, которые не удосужилась решить сама. Впрочем, один-один, я перед предыдущим занятием делала ровно то же самое.

— Господи, да возьми ты уже телефон! — поднимая голову от тетради, просит вдруг подруга.

— Это не мой! — конечно нет, у меня исключительно русские рок и французские мюзиклы, откуда бы взяться попсе?

— Значит, тебе подкинули в сумку чужую трубку. Бери, давай.

Слегка засомневавшись в своей адекватности (ну а вдруг это клептомания?), я всё-таки отыскиваю с трудом собственный смартфон в сумке и бросаю взгляд на экран, разом прозревая.

— Ах ты гад!

Фей, успевший оставить три пропущенных вызова, отвечает почти сразу. И, не тратя времени на приветствия, я обещаю:

— Я убью тебя.

— Опа, ещё ничего не сделал, а уже такие угрозы. Ариэль, у тебя ПМС?

— Сейчас оно у тебя будет, хакер доморощенный. Что за приколы?

— Крис, я сейчас правда не понимаю...

— Рингтон мне кто сменил?!

Тишина на другом конце не издевательская, скорее правда недоумевающая:

— У тебя чёртов Айфон, там для смены мелодии нужна кровь девственницы, чешуя дракона и два часа танцев с бубном. Ты реально думаешь, мне больше нечего было делать?

Саундтреком в моей голове играет «Я тебе не верю», но доказательств нет никаких, а значит взятки с Котова гладки. Да и если хорошо подумать, у него на самом деле не было особой возможности повернуть подобное. Хотя телефон я и не блокирую паролем...

— Ладно, отмаз засчитан. Ты чего названиваешь, кстати?

Сейчас наши отношения находятся в области относительной доброжелательности, по крайней мере злобно на меня больше никто не смотрит и не игнорирует демонстративно. Я даже начинаю задумываться иногда, что Лиза была не так уж и права, что не получится встречаться с Ильёй и дружить с ним... Но потом ловлю взгляд Фея, такой терпеливо-выжидающий, и осознаю, что такому не бывать. Он, как сам и говорил, весьма терпелив. И теперь банально ждёт моего просчёта, который, конечно же, совершать нельзя ни в коем случае. Иначе это будет полный песец...

— В магазин поедем?

— Котов, ты перепутал меня с какой-то подружкой? — удивлённо переспрашиваю я, глядя на наострившую уши Лизавету.

— Не угадала. Сегодня первое число нового месяца, мы едем за продуктами. Ты

обещала, помнишь?

Вообще-то, ни черта я не обещала, это он поставил меня перед фактом, что в следующий раз покупает всё сам. Но что-то не припомню, чтобы где-то фигурировало моё в том участие.

— Я напишу тебе список.

— А вот нихрена, сама же потом будет вопить, если куплю не то. Выбирай, либо едем вместе, либо я буду присылать тебе фото каждого из продуктов и требовать выбрать.

— Я смотрю, ты прямо умеешь предлагать альтернативу.

— Ага, я такой, — хмыкают в трубке. — Так что?

— Вообще-то, у меня ещё пара... — делаю я последнюю попытку отмазаться, но и она проваливается.

— Вообще-то, я в курсе. Заберу тебя от корпуса после неё.

— Нет! — от слишком громкого восклицания вздрагивают люди за столиками по соседству. Но не хватало ещё, чтобы кто-то увидел, как я сажусь в машину Фейя. Но вообще, что страшного случится, если мы прогуляемся вместе по какому-нибудь супермаркету, правда? — Я приду домой, переоденусь и потом поедем, ладно?

— Ну, или так, — легко соглашается он.

— Всё, тогда не отвлекай меня.

— И что это было? — подруга от нетерпения и любопытства успела изгрызть кончик шариковой ручки, а сейчас глядит так, будто за любое промедление или попытку скрыть информацию загрызут уже меня.

Приходится раскрывать карты, хотя ничего сверхсекретного здесь в любом случае нет, это же не приглашение развлечься, в самом-то деле. Но Лиза, похоже, так не считает, потому как на губах её расцветает очень уж красноречивая улыбочка.

— Не знаю, что ты там себе напридумывала, но это просто магазин, Бэт, ничего большего, — решаюсь уточнить я.

— О да, конечно-конечно. Прости, ты не припомнишь, кто бил себя пяткой в грудь и вопил что-то про «да я с ним на одном поле не сяду»?

— Это когда было-то... — слегка смущаюсь я, непроизвольно начав ковырять ногтем краешек стола. — А будешь издеваться, вообще откажусь куда-либо с ним ехать.

— Не-не, — поспешно сдаёт назад подруга. — Поезжай, конечно, ради благого дела можно и потерпеть дикие страдания от присутствия рядом столь ужасной особы. Я выражу Тимофею соболезнования по этому поводу.

— Ну ты и зараза! — стоит ей рассмеяться над собственной же подколкой, я ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь тоже. — Ты на чьей стороне вообще, Иуда?

— Просто смотри: ты без него вполне проживёшь, а Фей без твоей готовки — уже нет. А он нам ещё свидетелем на свадьбе понадобится...

— К-какой свадьбе? — от неожиданности я запинаюсь и чуть не роняю телефон, который так и кручу до сих пор в руках. — Когда?

— Господи, да нескоро, успокойся, — подруга обмахивает меня стопкой салфеток. — Но в теории же она когда-то будет. Я очень на то надеюсь, по крайней мере. Так что начинай постепенно свыкаться с этим фактом, вам с ним вместе участвовать в дурацких конкурсах и целоваться под крики «Кисло». Ну а что, как раз за пару-тройку лет свыкнешься.

Целоваться? С Котовым? Добровольно? Боже, куда катится моя жизнь... Остановите эту планету, я сойду.

Продолжение от 02.12.2016

Автором этот разговор планировался гораздо позже, но герои, оказавшись тет-а-тет, решили иначе... Так что я тут совершенно не при делах, это всё они!

Я специально выбираю супермаркет подальше от дома, чтобы уменьшить вероятность встречи с кем-то знакомым. Не знаю, понимает ли Фей подоплёку этого решения, но возражений не высказывает, послушно направляя колёса автомобиля в нужную сторону.

Всего неделю назад я думала о том, выдастся ли когда-нибудь шанс прокатиться на его Ауди и вот, «Газпром — мечты сбываются». Пусть это всего лишь пассажирское, а не водительское сиденье, зато кожаное и настолько удобное, что мне вообще не хочется с него вставать. А если учесть, что чрезмерно добрый сегодня кошка даёт доступ к радио, поездка становится исключительно приятной. Правда, доезжаем мы слишком быстро, и прочувствовать её прелесть во всей полноте просто не хватает времени.

— Список с собой? — уточняет соседка, подхватывая свободную тележку и героически преодолевая суетливо толпящихся у входа людей.

Не работают они, что ли?

— Естественно. На память надейся, но сам не плошай, — я демонстративно помахиваю перед его носом листком, с обеих сторон исписанным не самым каллиграфическим почерком (мне в школе даже оценки снижали за него, нехорошие людишки), но попытку выдернуть из рук пресекаю на корню. — Ну-ка не тянем лапы, без кошачьих разберёмся. Давай, рули к вон туда.

— Есть, мэм! — издевательски вытянувшись в струнку, гаркает он.

Я борюсь с желанием закрыть лицо руками. Господи, на что я подписалась?!

Процесс «контрольной закупки» с Феем, это даже немного забавно. Очень скоро у меня складывается впечатление, что парень вообще никогда не участвовал в чём-то подобном, предпочитая довольствоваться пельмешками из соседнего магазина. Интересно, а варил он их сам или Лёне полномочия делегировал?

У стеллажа с крупами он буквально впадает в ступор. Видимо двенадцать сортов риса — нечто за гранью понимания кошаковского мозга.

— Почему этот дороже чем этот? — интересуется, наконец, тыкая пальцем поочерёдно в дикий и обычный, круглозёрный.

— Потому что он более полезный и редкий. И вообще, это не рис, а цицания.

— Кто?

— Неважно, клади в тележку оба, покажу разницу на практике.

— Я это есть не буду, — выполняя просьбу, предупреждает Фей.

— Ваша наивность не знает границ, сударь. Ещё за уши от тарелки оттаскивать придётся.

— Пфф!

— Вот именно. И это тоже клади.

— Гречку?!

— Господи, да не вопи ты так, это всего лишь крупа, а не трупки молочных поросят, — я бедром отодвигаю его от полок, доставая пачки перловки, ячки и гороха. — А будешь комментировать каждый продукт, отправлю ждать в машину.

Не знаю, что является большим аргументом — нежелание удалиться или воспоминания о том, что он сам вызвался добровольцем и за язык никто не тянул, но Фей замолкает, становясь почти примерным. Почти, потому как в тележку, думая, что я не вижу, периодически телепортируется нечто, списком не предусмотренное. Причём, судя по количеству, в промышленных масштабах.

— Куда тебе десять пачек попкорна? — не выдерживаю я, наконец.

— Так про запас же. И вообще, ты сама его на прошлых выходных хомячила.

— Я не люблю солёный! А тот, что с сыром воняет ношенными носками!

Хмыкнув над сравнением, кошак убирает пять пачек последнего, заменяя его сладким, и лишая меня таким образом доводов для спора. Хотя...

— Опять сырный соус? Господи, у тебя к тридцати будет язва, если не перестанешь поглощать его в таких количествах, — подцепляя дой-пак, я пытаюсь вернуть его в холодильник, но терплю фиаско.

— С ним вкуснее, поклади не место.

От явно специально применённой неправильной формы слова меня буквально передёргивает, и он пользуется моментом, отбирая своё «сокровище». Так, погоди-ка, это на что намёк сейчас был?

— То есть, вот так, да? Значит, я настолько невкусно готовлю, что приходится забивать вкус соусом? — ещё руки на груди скрещиваю, для большей театральности. — И это твоя благодарность?

— Ариэль...

— Что, Тимоха, прочувствовал всю прелесть семейной жизни? Ай, милая, я не то имел в виду!

Развернувшись, я слегка шокировано разглядываю в упор мужчину, который и обращался к Фею. Странно, что мне вообще удалось пропустить его приближение — медвежья комплекция, растрёпанные рыжеватые волос и такая же борода... Встретишь такого в тёмном переулке, мокрые штаны обеспечены. А вот жмущаяся к его боку девушка, напротив, тонкая и звонкая, если не считать довольно внушительного уже животика.

— Сандро, здорово! — только что насупленный Котов улыбается так широко, словно его собеседник стоматолог, который попросил показать зубы. И руку ему трясёт с таким же энтузиазмом. — Какими судьбами?

— В кино были, а теперь вот срочно захотелось гранат. Да, террорист мой? — «медведь» поразительно аккуратно гладит своей ручищей животик девушки. — Ну что, знакомь с дамой-то!

— Кристина, — подтащив всё ещё растерянную меня поближе и дальновидно убрав руку с талии, послушно представляет кошак. Вот только не уточняет, что «дама» сама по себе, а совсем даже не с ним. — Александр, мой крёстный, Злата — его супруга.

Супруга на вид моложе, чем я, а вот возраст крёстного явно перемахнул отметку тридцать. Странная парочка, на самом деле... Задумавшись об этом, я по-свински не реагирую первые мгновения, лишь потом сориентировавшись:

— Приятно познакомиться.

— Взаимно, — подаёт голос Злата. Он, кстати, совершенно не соответствует внешности, такой глубокий, грудной, её запросто можно представить на сцене, исполняющей какую-нибудь арию.

— Тимоха, кума не говорила, что ты встречаешься с кем-то.

— Мы живём вместе, — выпаливаю я. И, глядя, как меняются выражения лиц всех троих, поспешно исправляюсь. — То есть просто живём, как соседи. И не встречаемся. Совсем.

Судя по взгляду Фея, лучше бы я молчала.

— Ты не говоришь родителям, а я навсегда забываю о том, кто тогда на самом деле разбил матушкины духи из самого Парижу, — повернувшись к «медведю», предлагает парень.

— Так это когда было?!

— И что, думаешь, тебя простят за сроком давности? — кошак приподнимает одну бровь.

— Ладно, мелкий, договорились. Но если меня спросят напрямую...

— Не спросят, они...

— Ой, — Злата вдруг снова меняется в лице. И выражение у не теперь весьма странное, словно девушка вот только что вспомнила о невыключенном утюге, например. — Саша, нам пора.

— А как же гранаты? — совершенно искренне удивляется мужчина.

— Саша, какие к хренам собачьим гранаты?! — девушка шепчет, но с её голосом удаётся это не слишком. — Говорю же, нам пора. Очень-очень пора!

До меня, явно более просвещённой в причудах беременного женского организма, её проблема и переминовения с ноги на ногу вполне понятны, а вот Александр нещадно тупит. Он явно не может так быстро переключиться и осознать, с чего бы супруге так резко куда-то понадобилось.

Девушка издаёт раздражённый рык и хватает его за руку.

— Ребята, извините, пожалуйста. Тима, рада была увидеться, Кристина, ещё раз приятно познакомиться.

Я понимающе улыбаюсь ей, а потом и вовсе тихо смеюсь вслед, наблюдая, как миниатюрная Злата тянет своего «медведя», как дрессировщица в цирке.

— Эм... Если честно, не понял, чего это она, — обескуражено признаётся Фей, почесав подбородок. — Обычно Златка более дружелюбная.

Я качаю головой, пытаюсь решить, нужно ли озвучивать, что девушке банально приспичило в туалет или же он проживёт и без этой информации. А потом, остановившись на втором варианте, сосредотачиваюсь на более важном вопросе:

— Это чего сейчас было такое?

— Не понимаю о чём ты, — шустренько отзывается Фей, подхватывая тележку и двигаясь вперёд. Забытый соус, до которого мне сейчас нет дела, так и остаётся лежать, нежно прижавшись к решетчатому борту.

Впрочем, далеко уйти парень не успевает, я ловлю рукав его куртки и тяну на себя, вынуждая остановиться.

— «Не говоришь родителям», — цитирую, для непонятливых. — Серьёзно? Мамочка запрещает тебе пускать на постой девочек?

— Мамочка, — с тем же сарказмом откликается он, разворачиваясь, — буквально всеми ногами и руками за то, чтобы я жил с девочкой. Поэтому, как только она об этом прознает, примчится в гости, чтобы узнать дату свадьбы. И с живого не слезет, пока её не услышит. Как, всё ещё жаждешь с ней познакомиться?

— Нет-нет, спасибо, осознала ошибку, покаюсь, — соглашаюсь поспешно, представив

такую перспективу. — А вдруг они всё же приедут и увидят меня?

— Скажу, что ты Лёника подружка и ждёшь его.

Теперь приходит мой черёд повторять это его «Пфф».

— Да шучу, успокойся. Не приедут, я стараюсь быть примерным сыном и вовремя появляюсь в гостях, чтобы пресечь вероятность подобного.

Ага, очень примерный мальчик. Просто очень.

В следующий раз процесс стопорится в отделе бытовой химии и прочей прелести, где Фей залипает на стенд с какими-то тряпками и губками, не в силах выбрать подходящую для своего драгоценного авто. Немного потолкавшись рядом, я быстро устаю от ожидания и прохожу дальше. Но через несколько метров залипаю и сама.

Полка с чудными голубыми коробочками, так знакомыми любой девушке, находится прямо на уровне глаз, так что не заметить её просто невозможно. Как и покрасневший ценник, гордо заявляющий, что вот именно сегодня два товара можно отхватить по цене одного. И было бы, конечно, неплохо, отхватить-то, но не делить же потом на кассе чеки, а подсовывать эту покупку кошаку... Не совсем я ещё обнаглела.

— Чего стоим, кого ждём? — подкрадывается сзади объект мыслей. Пялится несколько секунд на средоточие моего взгляда и уточняет. — Надо? Ну бери и пошли тогда.

— Не пошли, а пойдём, — поправляю, уже не в первый раз, обалдело глядя на то, как Фей подхватывает две коробки и отправляет их в тележку.

— Всё, погнали, там на кассах уже Вавилонское столпотворение постепенно начинается.

Я послушно топаю следом, всё ещё под впечатлением от его поступка. Нет, поймите правильно, я уже не в том возрасте, когда стесняешься покупать прокладки и тампоны, стыдливо пряча их в самый дальний угол непрозрачного пакета, чтобы никто-никто не увидел. Но... чёрт, это же тот самый парень, который месяц назад вопил «ты меня осквернила этими своими штуками»! А сейчас он не позволяет себе не то, что язвительного комментария, а даже взгляда, приняв подобную покупку как нечто собой разумеющееся.

Эй, его подменили? Спасибо вам, уважаемые инопланетяне, вот просто большое человеческое спасибо!

На кассе мои подозрения только подтверждаются, потому как Котов вежливо выпроваживает меня погулять, пока сам пакует купленное по пакетам и расплачивается. А когда позже вручает ещё и ключи от авто, заявив, что я теперь ответственная за открытие багажника, мой мозг уходит в глубочайшую перезагрузку, не в силах больше справиться с его поведением, напрочь ломающим все привычные алгоритмы.

— Пробка, — грустно констатирую я, вперившись взглядом в багажник плетущегося впереди Логана.

— Да ладно? — восхищается дедуктивными способностями Фей. — Спасибо, Кэп. Люди как раз с работы возвращаются, чего ты ещё хотела?

— Я хотела побыстрее попасть домой, вообще-то. Но это если ты об абстрактном, то на Мальдивы, да. Блин, зачем покупать машину за дохреналион рублей, если в ней радио настроить невозможно?

— А ты не крути всё подряд и будет тебе счастье, — Фей пытается убрать мою руку от магнитолы, но в результате препирательств делает только хуже. — Ну вот, молодец,

сбросила всё нафиг.

— Я?!

— Ну не я же! В боковом кармане сумки флешка должна быть, достанешь?

— Чтобы ты потом сказал, что я мультён утащила?

— Нафаня! Сундук со сказками украли! — очень похоже на оригинал вопит глупый кошка и сам же первый ржёт над собственной шуткой. — Ищи уже, давай.

Сначала находится пропуск в универ, затем презерватив (какая предусмотрительность, а?), а уже на самом дне искомое, заключённое в металлический футляр.

— На, не ной уже.

Салон наполняют знакомые звуки, но я поначалу даже не могу поверить ушам.

— Nickelback? Да ладно! А где Серёжа Лазарев и Дима Билан?

Феюшка игнорирует вопрос, начиная тихо подпевать. И демонстрируя вполне приятный голос. Нет, на сцену с таким рваться не стоит, а вот караоке с друзьями погорланить, очень даже. И я сама не замечаю, как присоединяюсь к нему, мурлыча себе под нос знакомый припев.

— Даже и не страшно, да? — уточняет вдруг Котов в перерыве между песнями.

— Мм?

— Ну, ты всегда там демонстративно злилась на меня и избегала. А теперь сидишь в полуметре и вроде ничего страшного не происходит... Как считаешь?

Ну вот зачем? Зачем портить такой замечательный момент? Что ж ты за человек-то такой, Тимофей Игоревич!

— Ха-ха.

— А если серьёзно? Что я такого тебе сделал, а, Крис?

Угу, а мы типа и не знаем, мы типа и не в курсе, за что на такого замечательного во всех отношениях человека могли разозлиться!

— А догадывалку включить не пробовал? — раздражаясь, разворачиваюсь к нему в кресле, чтобы лучше видеть наглую физиономию.

— В том-то и дело, что пробовал. И так и не сумел придумать. Так что может скажешь, когда я успел настолько проштрафиться?

— А-аа, вот так значит? То есть то, что происходит в клубе, остаётся в клубе, так, что ли?

— В каком ещё клубе?

— Под дурачка не коси! — ар-р-р, как же он бесит! — На посвящении, на первом курсе. Давай ещё скажи — был так пьян, что ничего не помнишь!

— Тебя не было на посвяте! — с апломбом человека, на все сто уверенного в своей правоте, отзывается он.

— Ты, млять, издеваешься сейчас?

— Не было, — уже не так уверенно повторяет Фей. — Ну правда же, я бы запомнил.

— Прости, — таким спокойным голосом, который обычно является предвестником бури, уточняю я, — а не вспомнишь, с кем ты там на брудершafft пил и целовался после?

В голове полный сумбур и катавасия. По Котову незаметно, что он издевается, но это реально ни в какие рамки. То есть, окей, я всё понимаю, алкоголь, темнота, мигающие стробоскопы и иже с ними, но... Но нереально же не запомнить того, с кем ты целовался. Не-ре-аль-но!

А кошка, тем временем, покопавшись в своей дурной башке, добивает:

— С брюнеткой, симпатичной такой. Дина, кажется.

— Тина! Тина, придурок ты конченный! — не выдержав, ору я, наплавав на то, что мы вообще-то на дороге, пусть и стоим в данный момент времени. — Сокращение от Кристины, если твои мозги тугоумные сами до этого не додумались. Я не виновата, что в классе уже была одна Кристина и нас надо было как-то различать.

Меня аж трясёт всю, на самом деле трясёт, как припадочную, от понимания — он реально мог не знать до настоящего момента, что целовался именно со мной.

— Но... волосы...

— Есть такая волшебная штука, краска называется, — уже тише, с улыбкой крокодила, уведомляю растерянно тарашащегося в никуда парня.

Собственно, это и было причиной, по которой я сменила колер. Желание изменить что-то в себе, изменить себя, чтобы не думать только о гадком изменщике двадцать четыре часа в сутки. Шла в салон с твёрдым намерением сделать каре, но наткнулась на замечательную девочку Арину, уговорившую укоротить волосы до середины спины и покраситься в какой-нибудь безумный цвет. Так родились красные пряди, а вскоре и дурацкое, но такое уже привычное прозвище.

— Я... не могу это уложить в голове, правда. Даже в мыслях не мог представить, что это была ты. Она на тебя почти и не похожа была, макияж этот, ресницы приклеенные.

Наращённые, вообще-то. Но отвалившиеся на следующий же день, так что качество говорит само за себя. А макияж обычный, клубный. Понятное дело, что в обычной жизни я так не крашусь. И всё равно не верю, что можно не запомнить девушку, лицо которой видел в паре сантиметров.

Фей забирает к обочине и останавливается, включив аварийку. А потом косит в мою сторону, словно опасаясь смотреть прямо.

— Я же искал тогда. Ну, сразу после. Было любопытно, почему она... то есть ты, сбежала.

— Сбежала?! Я в туалет отошла, вообще-то! И тебе прямо об этом сказала! А когда вернулась, ты уже сосался на танцполе с блондой с сиськами навывкате.

— Да она сама на шее повисла, — он всё-таки разворачивается. И тоже не удерживается от обвиняющего тона. — Я думал, ты решила меня продинамить и слилась. А та девица — даже не знаю, кто это был.

Зато я знаю. Леночка, сучка крашенная! Которая просто смыслом жизни, похоже, назначила подбирать за мной парней.

— Меня не было полчаса. Кому-то стало плохо и была очередь, — я повторяю, глядя ему прямо в глаза. — Полчаса. Тридцать минут. А по возвращении застала парня, к которому собиралась ехать домой где, прости?

— Крис...

Он начинает, но тут же замолкает, ткнувшись лбом в руль.

— Чёрт, теперь понятно, почему ты с первого дня так невлюбила меня. А я всё догнать не мог.

В машине не холодно, но я непроизвольно обхватываю себя руками за плечи, а потом тянусь и включаю ещё и печку. Вот так просто, да? Три года. Три чёртовых года я злилась на Фею за то, что он сделал. Три года кляла саму себя за то, что умудрилась втюриться в него за пару часов и десяток умопомрачительных поцелуев с привкусом рома и самбуки.

А он даже не знал, что это была я.

— Ты хоть представляешь, насколько мне было обидно? Мало того, что... Эта крыса белобрысая перед глазами стояла, так ты ещё сделал вид, что знать меня не знаешь.

— Но я ведь правда не знал! Я реально искал, потом решил, что она не с нашего факультета была вообще, может пришла с кем-то.

— Если бы кто-то не пропустил первую неделю и успел познакомиться с одноклассниками, такой проблемы не возникло.

— Ну уж извините, там не от меня всё зависело, — запальчиво огрызается Фей, но сразу успокаивается. — Прости, серьёзно. Крис, я же даже подумать не мог. Даже представить.

— Мне всё равно, — теперь я отворачиваюсь к окну, не желая встречаться с ним взглядом.

— Неа. Вот ни хрена подобного. Если бы тебе было всё равно, давно забыла эту историю и не злилась так на меня, не так ли?

— Думай, что хочешь.

Сильные пальцы касаются моего подбородка, заставляя повернуться.

— Не закрывайся сейчас, прошу тебя, — такой тон я не слышала от Котова никогда. И едва ли когда-то ещё услышу. — Теперь, когда мы во всём разобрались...

— Ничего не изменилось, Фей. Совсем ничего. То, что ты теперь знаешь причину моего отношения, не меняет его. Если ты забыл и это, могу напомнить — я встречаюсь с другим. И если когда-то собиралась переспать с тобой, это вовсе не значит, что хочу этого до сих пор.

Он злится, я вижу, как напрягаются скулы. И пальцы руки, которую отстраняю от своего лица и укладываю на кожаный подлокотник. Но едва открывает рот, как оживает телефон, всё это время пролежавший у меня на коленях.

Два взгляда скрещиваются на экране, где белыми буквами на чёрном фоне высвечивается «Илья». И Фей будто бы застывает. Мраморная фигура, в которой не найти ни капли эмоций — ищи, не ищи. Лишь скрипит жалобно руль под стиснутыми его руками и взывает обиженно тронувшаяся с пробуксовкой Ауди.

— Да, Илюш? — за почти спокойный голос я точно заработала бы Оскар.

Как хорошо, что ты позвонил, хороший мой. И не дал мне натворить ещё больше ошибок, чем были совершены уже...

День Рождения подкрадывается как белый полярный лис — тихо, но неумолимо. До него остаётся всего неделя, а я всё никак не могу определиться где, а главное с кем отмечать.

Прошлые два года нашей с Лизкой квартирке собирается довольно-таки обширная компания, в основном из одноклассников и просто приятелей, но последние посиделки в честь моего приезда показывают бессмысленность такой затеи. Большая компания очень быстро распадается на кучу маленьких, а потом и вовсе начинает редеть.

Так что нет, спасибо, в этот раз я решаю ограничиться узким кругом: Лизка с Лёней, Дашка с Ником и Илья. Кто мне ещё нужен для счастья? Понятно кто, но в этом не хочется признаваться даже самой себе...

После того разговора в машине, пролившего свет на подзатянувшиеся паутиной времени события, мы снова находимся в состоянии вооружённого нейтралитета и взаимного игнора. Да-да, здравствуйте, американские горки, я скучала. Но при всём при этом Фей не прекращает бросать на меня странные, будто ожидающие взгляды. Словно он реально ждёт, что я расстанусь с Ильёй и кинусь к нему в ноги с криком «Ваня, я ваша навеки!».

Впрочем, нельзя сказать, что подобные мысли меня совсем уж не посещают. Я про Илью, а не ноги, конечно же. Наши отношения пока не тяготят меня, но по внутренним ощущениям всё к тому и идёт. И логичнее всего было бы распрощаться сейчас, на тёплой дружеской ноте, пока это не зашло слишком далеко, но... Будем честны, когда я поступала логично? Тем более, Лиза права, когда дело касается расставания, я начинаю мяться и дико тормозить. А уж когда парень мне в целом симпатичен и ничего плохого он не сделал, так вдвойне. Это наглому кошаку я готова выдать комплект остроумия и грубостей хоть прямо сейчас, с другими это почему-то не прокатывает.

Не прибавляет позитива и тот факт, что преподаватели с похолоданием похоже озверели, так что приятные вечера с фильмами заменяются куда как менее приятными в окружении книг и задачников. Илья, конечно, пытается помогать в меру своих сил, но, к сожалению, он может лишь объяснить непонятное, а не вложить в мои мозги нужную информацию в нужных формулировках. Весьма скудненькие мозги, как я постепенно начинаю осознавать.

В любом случае, к выходным я оказываюсь с пухнувшей сразу по всем фронтам головой и отвратительным настроением. И с нагрянувшими как всегда не вовремя «родственниками из Краснодара». Не радуется даже то, что цикл у меня вообще-то длинный. Мог бы быть ещё длиннее, кстати. Дней так триста пятьдесят примерно, да...

Так что в субботу я валяюсь на диване Илюши, уложив голову ему на колени и наслаждаясь движениями ладони, поглаживающей по часовой стрелке живот. Почему-то танцующие джигу внутренности немного успокаивались только от этого. Я даже глаза прикрываю блаженно, как наш Люцик, когда его вычёсывают.

— Кстати, я сказал, что во вторник утром улетаю? В Ханты-Мансийске юристка в больницу с аппендицитом попала, придётся забрать её дела на ближайшие полторы недели.

— Как во вторник? — покивав машинально, распахиваю вдруг глаза я. — А День Рождения?

— День Рождения? — Илья смотрит недоумённо, я плююсь в ответ примерно так же.

И лишь спустя секунд тридцать понимаю, какая дура. В просвещённый век технологий,

когда социальные сети сами загодя напоминают о ближайших событиях у друзей, я вообще упускаю тот факт, что мужчине о моём скором двадцатидвухлетии узнать попросту неоткуда. Вконтакте он не зарегистрирован, паспорт я ему не показывала, так откуда бы взяться такой информации, если я не озаботилась сказать сама?

— День Рождения, — растерянно повторяю я. — У меня. Во вторник.

— Маленькая, — он раздосадовано косит на телефон, валяющийся на подлокотнике, словно тот способен выдать на-гора решение проблемы. — Что же ты раньше не сказала? Я бы попытался предложить кого-то на своё место, а теперь билеты на самолёт куплены и отменять никто не будет.

— Да ничего страшного, правда. Это же работа, я понимаю. А отметим потом, когда ты вернёшься. Только вдвоём, м? — я тянусь за поцелуем, только бы отвлечь его от темы. И он отвлекается, пусть и не сразу.

Расстроившись в первый момент, я очень быстро осознаю, что даже рада такому раскладу дел. Нет, поймите правильно, с Ильёй мне комфортно, и я его не стесняюсь. Но вот представлять друзьям того, кого изначально позиционируешь для себя, как нечто временное... «Знакомьтесь, ребят, это Илюша. Только сильно не привязывайтесь, он здесь ненадолго». Так, что ли? Поэтому неожиданно (хотя, чего это я, вполне ожидаемо уже) подвернувшаяся командировка как нельзя кстати. И у меня как раз будет время окончательно решить, что делать с нашими взаимоотношениями...

При всём при этом, я не могу не думать и о том, что теперь отлично понимаю его жену. Каким бы замечательным ни был мужчина, кому понравится такая вот семейная жизнь? И это я ещё соплюшка несерьёзная, если по-честному, а вот какой была она, кто знает. Я же даже не уточняла, как долго продлился их брак и отношения вообще. Может, та девушка уже планировала детей или что-то в этом роде. Только как планировать, при таком-то раскладе? «Рожай, дорогая, а я пока на Новую Землю слетаю. Вернусь через месяц, заберу из роддома». Перспектива не очень, мягко говоря.

— Значит, я должен успеть поздравить тебя в понедельник, — резюмирует Илья, когда мы прекращаем целоваться, я возвращаюсь в лежачее положение, а его рука — на законное место. — Что ты хочешь в подарок?

— Магнитик.

— Маг... что?

— Ну магнитик же, на холодильник. Привезёшь? Не забудь только!

— Кристина, ну я же серьёзно, — хмурит он брови.

— А я нет, разве? Кстати, всё время хочу спросить и забываю, ты мою имя стесняешься сокращать, что ли? Я на Крис спокойно отзываюсь, честное пионерское.

— У меня один коллега был, американец, — пощекотав мне нос, откликается он, — Кристиан. Вот его сокращённо все и звали — Крис. А ты, к счастью, совсем не похожа на перекаченного мулата под два метра ростом.

— Ай-яй, какой ты не толерантный, однако, — язвительно сокрушаюсь я, начав хохотать, когда мужчина всё-таки ухватывает мой нос пальцами, правда очень и очень аккуратно.

— Что-то мне подсказывает, что кто-то пытается увильнуть от ответа на вопрос о подарке...

— Кто? Кто это сделал? — голосом консьержа Людвиг Аристарховича подхватываю я, но шпилька, похоже улетает в молоко. Неужели и правда не смотрел?

— Если не скажешь, придумаю сам, — грозит он.

— А мне расскажешь?

— Неа, мучайся.

— Пфф!

Собственно, я и мучаюсь. Аж до вечера понедельника, а точнее, почти до ночи. За пять минут до полуночи Илюша довозит меня до остановки и выключает фары автомобиля, оставляя его заведённым, чтобы было тепло.

— У тебя рано самолёт, да? — опираясь по подлокотник и подперев голову рукой, уточняю я.

— В пять нужно в аэропорту быть.

— А вещи? Собрал?

— У меня как у военного, «тревожный чемоданчик» всегда собран, чтобы в любой момент сорваться можно было. А что, хочешь меня прогнать?

— Ты что, — совершенно искренне возмущаюсь я. — Просто подумала, поздно уже...

— А во сколько ты родилась? — как-то невпопад спрашивает он.

— В одиннадцать вечера, вроде бы... А что?

— Плохо. Ну, раз уж дождаться часа рождения не получится, так хоть дня...

Часы на магнитоле как раз переключаются на 0:00 и Илья зачем-то запускает руку в карман. А когда вытаскивает...

У меня разом пересыхает в горле и начинается мандраж, стоит взгляду выцепить бархатную коробочку, лежащую на его ладони. Света уличного фонаря, заглядывающего в машину хватает, чтобы увиденное нельзя было списать на обман зрения. А вот на глюки, например, от слишком большого количества выпитой колы, запросто.

— С Днём Рождения, маленькая.

Мужчина целует меня, но я так шокирована, что даже не в состоянии ответить. Просто сижу, как полная дура, и тарашусь на коробочку, которую укладывают мне на колени.

— Откроешь?

Нет. Как там, в Поле Чудес? Я плачу вам мультфильм и мы не открываем чёрный ящик?

То есть... там же не может быть кольцо, правда? Мы знакомы без году неделя, за плечами у Ильи уже есть неудачный опыт брака, да и вообще, хорошее дело так не назовут. А я ребёнок ещё, куда мне замуж?!

Руки дрожат, как у алкоголика в завязке, когда я всё-таки подцепляю крышку и откидываю её, не удержавшись от облегчённого выдоха, тут же попытавшись замаскировать его под восхищённый.

Серьги, мать их. Всего лишь серьги. Какое облегчение!

— Какие красивые! — восхищаюсь, уже вслух, касаясь подушечками пальцев двух золотых крылышек диковинной бабочки, инкрустированных александритами, по всей видимости и изумрудами.

— Тебе правда нравится? Я не спец в таких делах...

— Очень нравится, они потрясающие! — теперь уже я наклоняюсь к нему, чтобы поцеловать.

Наверное, стоило как правильной девушке разыграть сцену типа «ой, нет, я не могу принять такой дорогой подарок», но чёрт возьми! Серьги на самом деле обалденные, а зарплата Ильи, насколько я успела понять, от подобных трат пострадает не сильно. К тому

же, когда мы всё же расстанемся, я их верну. Наверное...

— Может быть сегодня ты позволишь себя проводить? — наудачу уточняет мужчина, но я с улыбкой качаю головой.

— А вот нетушки. Вот завтра, точнее уже сегодня вечером, может и позволила бы...

Он только открывает рот, судя по выражению лица, собираясь в очередной раз повиниться за такой несвоевременный отъезд, как я перебиваю:

— Я шучу. Всё правда в порядке, не волнуйся. И я уже с нетерпением жду твоего возвращения...

Пониженный до интимного шёпота голос действует как надо.

— Как же мне повезло с тобой, — погладив тыльную сторону ладони, перебравшейся в объятия его руки, признаётся Илья.

Ох, милый, это ты меня слишком плохо знаешь. Такую заразу ещё поискать...

Продолжение от 07.12.2016

Просыпаться в такой день от будильника, а не от того, что любимая подруга с разбегу запрыгивает к тебе на кровать и голосом бурундука поёт «Happy Birthday to You», весьма непривычно. Конечно, Лизавета ещё вчера ночью прислала огромную простыню текста с поздравлениями, но это всё равно не то.

Желая сегодня выглядеть привлекательнее, чем обычно, я отказываю себе в лишнем часе сна и выбираюсь из-под тёплого одеяла. Вот не люблю октябрь — на улице уже холодно, а до отопительного сезона недели две, не меньше. А я цветочек оранжерейный, как вечно смеётся мама, я тепло люблю.

Люцик жутко демотивирует, продолжая дрыхнуть, но я тверда, как никогда, направляя стопы в душ. Благо, эти стопы добродушно захватывают с собой остальное тело, изображающее лохматого зомби не первой свежести. Да уж... Как говорится, я тебя не знаю, но я тебя крашу.

Любопытство поднимает голову, робко интересуясь, собирается ли нас поздравлять Котов, а если собирается, то как именно. Только ответить мне, к сожалению, пока нечего. Сегодня у нас с ним пары начинаются в одно время, но дверь в спальню плотно закрыта, ванна свободна, да и на кухне царит тишина, не прерываемая даже бурлением кофеварки. Неужели наш мальчик-ботанчик уже куда-то срулил с утра пораньше? Верится с трудом.

Но поверить всё-таки приходится, потому что выглянув в окно, я убеждаюсь в отсутствии знакомой красной крыши на привычном месте. А на кухне обнаруживается... ну, можно сказать, подарок. Небольшая прямоугольная коробка, перевязанная лентой, стоит прямо на барной стойке, так что не заметить её невозможно. Как и вставленную в бант на крышке карточку, на которой, приблизившись, я читаю довольно-таки ровно, не иначе по линейке, написанное «Поздравляю». Значит, всё-таки Фей. Сомнительно, конечно, что это мог быть тайный поклонник, узнавший, где я живу и пробравшийся в квартиру, но пофантазировать-то можно?

Так, ладно, посмотрим...

Развязав ленту и с трудом сняв крышку, я бросаю всего один взгляд на содержимое, прежде чем почти согнуться в приступе хохота. Ну, Феюшка, а? Отомщу же, засранцу!

Вообще-то, это были кексики. Ну, или капкейки, если на американский лад. Не специально заказанные для меня, тут просто к бабушке не ходи. Потому что на шести нежно-

голубых медальонах почти с фотографической точностью изображены персонажи мультика «Русалочка»: сама Ариэль, Себастьян и Флаундер, Скаттл, Урсула и Эрик, отчего-то подозрительно напомнивший мне самого кошака.

Вот знает, что я терпеть не могу этот мультфильм (а то, что знаю поимённо действующих лиц, так это ничего не значит!), но даже в День Рождения не мог не поиздеваться. Только пахнет от кексиков настолько приятно, сочетанием банана и клубники, что я не могу удержаться. И, осторожно сняв медальон, просто так, на память, принимаюсь за дегустацию.

Да так и съедаю, постепенно, целых три штуки, правда половинкой последнего поделившись с учуявшим наживу и прибежавшим Люцианом. Да, котик, такой вкуснятины ты точно ещё не ел. Даже Лизкина выпечка не идёт ни в какое сравнение, хоть я никогда подружке в этом не признаюсь.

Дорога к корпусу пролегает без пробок, на парковке легко находится свободное место и даже смена охранников сегодня приветливая, а не та, что смотрит на студентов, как на потенциальных преступников или, хотя бы, нарушителей общественного порядка. Наверное, госпожа Фортуна в кои-то веки повернулась не тылом или боком, а лицом.

Сдав в гардероб пальто, я бросаю в зеркало удовлетворённый взгляд и достаю телефон, набирая Лизу. Как раз хватит времени до начала пары, чтобы похвастаться Илюшиным подарком и рассказать, как он вчера меня напугал. Но голос в трубке разом портит настроение.

— Крис, прости, пожалуйста, но меня сегодня не будет, — разохшейся телегой хрипит подруга. — Лёня инфекцию откуда-то притащил, мы сегодня с ним проснулись разбитые, ужас просто.

Лизка пронзительно чихает, словно в подтверждение, а я прикрываю глаза, не зная, что сказать. Конечно, отмечать мы собирались в пятницу, чтобы не вставать на следующий день рано утром, но на сегодня я планировала хотя бы посидеть с тортиком. И вот, получите, планы Люциану под хвост. Просто супер, блин!

— Крис? Ты меня слышишь?

— Слышу. Коза ты, что ещё тут скажешь? — обидно просто до ужаса, но не специально же она заболела. — Чтобы до пятницы была здорова, как корова, поняла меня?

— Постараюсь, но...

— Вот «не обещаю» не прокатит. Иначе алкоголь получишь в виде клизмы!

— Ох, страшно, — она кашляет надсадно, будто пытаясь вывернуться наизнанку, так что я морщусь от жалости.

— Всё, лечись давай и меньше разговаривай. И со вторым болезным не целуйся, нечего бациллы туда-сюда передавать.

— Так точно, товарищ генерал. Разрешите выполнять?

— Разрешаю, — вздыхаю я и отключаюсь, под очередной приступ кашля.

Блеск, Кристина, тебе четыре дня куковать на парах одной. Я даже припомнить не могу, когда последний раз такое было. Болела из нас двоих чаще именно я, но умудрялась либо ходить на пары и присутствовать хотя бы номинально, отсыпаясь на галёрке, либо провоцировала подружку прогуливать тоже, составляя мне компанию.

Стоит ли говорить, что в аудиторию я прихожу в весьма расстроенных чувствах. Не спасает даже поздравление от группы и презентованный пакет со сладостями, среди которых

затесались и несколько шгук так любимых мной киндер-сюрпризов.

Экран телефона то и дело вспыхивает, извещая об очередном сообщении с поздравлением, поэтому лекции я не почти не слушаю, а скорее делаю вид. Но не перестаю думать, как же непривычно, что нельзя продемонстрировать тот или иной шедевр стихосложения Лизавете. И жду, когда закончатся нудные пары, и я стану свободным эльфом, конечно же.

Лучиком света в тёмном царстве становится Ник. Друг вламывается к нам на короткой переменке и за пять минут успеваеа поочерёдно: поздороваться с преподавателем, бухнуться передо мной на одно колено, пафосно признаться в вечной любви, суфлёрским шёпотом попросить не говорить об этом Дашке, преподнести три синих розы, поцеловать меня в лоб, нос и щёку и умчаться обратно в закат.

Неудивительно, что под конец его миниатюры (не удивлюсь, если это была не импровизация, а тщательно продуманная постановка), я улыбаюсь как дурочка. А потом всю оставшуюся часть пары поглаживаю нежные лепестки, ловя на себе завистливые взгляды одноклассниц. Они, конечно, в курсе, что с Ником мы просто друзья, а также, что я встречаюсь с другим — то, как я пару раз садилась в машину Ильи у корпуса не прошло без внимания — но самого повода для зависти это не умаляет. И только я прихожу к выводу — день не так уж плох, как казалось, ветреная Фортуна решает, что хорошего понемножку.

Не знаю, чем я умудрилась спровоцировать Леночку именно сегодня. Возможно, в отсутствие Бэт она считает меня более лёгкой добычей, возможно — специально подкапливала яд в качестве подарка. Но факт остаётся фактом, стоит покинуть кабинет преподавателю и части группы, наша мисс «сиськи есть — ума не надо» подаёт голос.

— Ох, Кристин, а твой молодой человек знает, насколько у тебя тесные отношения с друзьями?

Выражение Арины, сидящей по соседству со мной и заталкивающей тетрадь в сумку приобрело выражение «она дура или мне послышалось?». Не послышалось, Ариш.

Если Фирсова надеялась меня смутить, то хрена с два ей. Это обычно Лиза опережает меня в желании нахамить этой швабре, а вот сегодня мой день. Во всех смыслах.

— А что такое, ты теперь в полиции нравов служишь или как?

Оставшиеся в аудитории привычно делают вид, что безумно чем-то заняты, продолжая прислушиваться и приглядываться. Впрочем, я сама такая же любопытная и периодически возникающие в группе заварушки наблюдаю с большим удовольствием.

— Да так, просто стало любопытно, как бы он отнёсся к тому, что ты с другими парнями целуешься.

Целуюсь? Нет, ну она точно дура!

— Да не волнуйся ты так за мою личную жизнь, в ней всё более, чем хорошо. Хотя, погоди-ка... Ты же привыкла за мной подбирать, решила в этот раз заранее побеспокоиться? Знаешь, я могу, конечно, дать тебе проекцию, в случае чего, но, боюсь, Илью отсосом в туалете не заинтересовать.

Она вспыхивает, некрасивые красные пятна проступают даже сквозь тонального крема. Но отрицать, когда неподалёку стоят два непосредственных свидетеля, застукавшие «сладкую парочку», значит обречь себя на ещё больший позор. Так что Фирсова просто трясётся от злости, судя по взгляду, убить меня готова:

— Ты пожалеешь, сучка!

— Тебя? Мне тебя уже жаль, дорогая, — и папу-прокурора, дочь которого настолько себя не ценит, тоже... — Арин, у нас в триста седьмой следующая, да?

— Ага, пойдём, — на лету ловит девушка и, подхватывая меня под руку, уводит из аудитории.

Вслед, к счастью, ничего не летит.

Отучившись и отмучавшись, в машину я возвращаюсь грустная и одинокая. Дашка, поздравившая ещё утром, последующие сообщения безбожно игнорирует и на парах, похоже, даже не появлялась, моя блондинистая козочка наверняка дрыхнет под тёплым боком у своего парня, а Илья вкалывает где-то за пару тысяч километров. А мне что прикажете?

У меня же чёртов День Рождения, ну? А я понятия не имею, куда идти и что делать. Не возвращаться же домой, окончательно превратив этот день в обычный и ничем не примечательный.

Надувшись на друзей, устроивших такую подлянку, я решаю побаловать себя любимую и отправиться в какой-нибудь кафе. Да, одна! Закажу себе вкуснятины и умру от обжорства!

Но предпринять хоть какие-то меры к достижению цели, не успеваю. Потому что стоит завести машину, в очередной раз оживает телефон, которому я успела вернуть «право голоса».

«Кто тебе сказал, что мы расстанемся...»

Да, я так и не поставила изначальный рингтон. Сама не знаю почему, на самом деле. Но песня не так плоха, а Фей вообще редко мне звонит, так что пусть будет. Кстати, а чего это он? Решил, что поздравительных пироженок было мало?

Но тон приколиста доморощенного на поздравительный не похож вот совсем. Как и суть первого же вопроса.

— Крис, с котом утром нормально всё было?

— Эм... да, нормально, вроде, а что такое?

— Лежит на боку, подняться не может. Ладно, понял, повезу к ветеринару.

— Меня подожди! — не задумываясь, выпаливаю я. — Уже выезжаю, вот-вот буду дома!

Я не собираюсь ждать подтверждения, так что бросаю телефон в подстаканник и стартую с парковки. Вот только этого не хватало, честно! В голову лезут самые разные мысли, но главенствует одна — вдруг, это я виновата? Вдруг, нельзя ему было давать кекс? Какая-нибудь там несовместимость или...

Я безразлична к животным, верно. Но это же не просто животное, это наш Люцик, практически член семьи. И я с ума сойду, если с ним реально что-то случится, да ещё и по моей вине.

Расстояние до дома преодолеваю на крейсерской скорости, проскочив на одном из светофоров на мигающий жёлтый. И, бросив машину на первом же свободном месте, взлетаю на седьмой этаж, напрочь позабыв про лифт. Ну его, этот звонок, всё равно Фей не услышит, так что открываю своими ключами, перешагивая через порог и удивлённо прислушиваясь к тишине.

Неужели, всё-таки уехал без меня? Да нет, машина-то стоит во дворе. Тогда чего так тихо? И свет горит только в коридоре, а из открытых дверей кухни и гостиной глядит темнота.

— Фей? Ты тут?

Я готова как к отсутствию ответа, так и к какому-нибудь дурацкому, но никак не к тому,

что происходит на самом деле. И от вывалившихся бодрой толпой друзей едва ли не отпрыгиваю назад, ошарашенная и оглушённая многоголосым криком «Поздравляем!», аплодисментами и просто довольными воплями.

Не такая уж занятая, как выяснилось, Дашка, чудесным образом исцелившаяся парочка «эл плюс эл», улыбающийся во все двадцать восемь Фей, чуть не заставший поседеть, довольно скалящийся Ник... Я ещё успеваю заметить позади всех них кого-то ещё, прежде чем оказаться в настоящем море обнимашек и поцелуев.

— Вы сумасшедшие! — совершенно искренне признаюсь я, оказавшись почти на свободе. Слегка помятая и, наверняка, разлохмаченная, но очень довольная. — Я же уже кукол вуду крутить собиралась, в качестве мсти!

— Ай, неблагодарная женщина, — Лизавета почти виснет на мне, сияя, как начищенный пятак, — мы же для тебя старались.

— И бросили одну-единёшеньку, я даже подумала забиться в какое-нибудь кафе и объесться с горя...

— Именно поэтому мы придумали шикарный план, как заставить тебя вернуться домой, не вызвав подозрений.

Ага, подозрений не вызвав, зато почти доведя до инфаркта. Я отыскиваю глазами отошедшего в сторону Фея:

— Ты как мог вообще, а? Я же правда думала, что котика угробила, когда кексиком с ним поделилась...

— Эх, а я-то думал, они тебе так понравились, что половину сразу съела, — и не думает извиняться он, довольно скалясь. — А Люциан твой в полном порядке, разве что дико обижен недопуску к дегустации праздничного стола вперёд виновницы торжества.

— Но он всё ещё не теряет надежды, — вмешивается в разговор смутно знакомый голос.

И я, наконец, понимаю, кто же скрывался за спинами друзей. Кошаковский брат выходит из гостиной, непонятно, когда туда успев удалиться, с тортом в руках. Нормальным, классическим таким тортом, а не очередным приколом в стиле Фея. А свечи, который уже успели зажечь, складываются в контур двух симпатичных двоек.

Несмотря на то, что сама я собиралась ограничить круг приглашённых, Арсену более чем рада. Как с чисто эстетической точки зрения (почему бы не понаслаждаться прекрасным, раз выдалась такая возможность), так и с утилитарной — со своим чувством юмора он легко впишется в нашу компашку, а то и привнесёт что-то новенькое.

— Так, пара кадров для истории... Улыбайся, именинница!

Незнакомая рыжеволосая девушка с внушительной зеркалкой наперевес выныривает вслед за братцем моего соседушки и щёлкает затвором, снимая, кажется, всё подряд, но в большинстве именно меня. Эти психи что, фотографа пригласили?!

— Ага, отлично, — взглянув на экран, кивает она сама себе. — Всё, теперь можешь задувать.

— Желание, желание не забудь, — как маленькая, прыгает на месте Дашка, разве что в ладони не хлопая.

Ох, желание... Не сбываются они у меня, вот никак, если не считать того случая, когда вместо загаданных роликов родители подарили велосипед. Он, конечно, был круче, но я-то хотела именно ролики! Но расстраивать друзей, устроивших для меня сюрприз, вовсе не хочется, так что я послушно зажмуриваюсь, решая, чего бы такого пожелать.

Хотя, что тут думать? Хочу быть счастливой!

Свечи, несмотря на такое серьёзное их количество, удаётся задуть с одного раза, хотя под конец мне кажется, что вот-вот наступит обморок из-за недостатка кислорода. А потом ещё оказываюсь оглушена визгом двух моих подружек, которым, очевидно, просто в кайф

повопить от души.

— Так, а теперь за стол, — командует Бэт, забирая торт, вручая его Лёне и начиная деликатно подталкивать меня к дверям. — Давай-давай, там шампанское стынет, точнее нагревается.

— Да погоди ты, — преграждает нам путь Фей, — дай с человеком познакомиться.

Рыжая фотографша (или как там называется женская вариация этой должности?) отдаёт зеркалку Арсену и подходит ближе, улыбаясь довольно дружелюбно.

— Так, Ариэль — это Анжелика, Анжелика — это Ариэль. Если будет говорить, что её зовут Кристина, не верь, нагло врёт.

Вредный кошак огребаёт по затылку, но не возмущается, а перехватывает мою ладонь да так и продолжает сжимать её, пока я не освобождаюсь насильно. И протягиваю руку рыжей.

— Не слушай Феюшку, у него просто мозг маленький и имена с трудом запоминает. Можно просто Крис. Приятно познакомиться.

— И мне, — вполне искренне, кажется, отвечает она на рукопожатие. — Ещё раз Днём Рождения тебя.

— Спасибо.

Я пока не слишком славливаюсь с происходящим, а ещё отчего-то никак не могу понять, почему девушка кажется мне знакомой, хотя я точно никогда её не видела. Но вальяжно забросивший ей руку на плечо Арс живо расставляет точки над і.

— Я же говорил, что она симпатичная. Представляешь, какого труда мне стоило отказаться от приглашения в душ?

Моя челюсть устремляется вниз, к счастью, только мысленно, когда голова складывает два и два. Анжелика... Чёрт, точно! Лика Аристова, диджей на радио и подружка Арсена, которой он признался, что я звала его с собой в душ. В шутку, конечно, но...

— А ты и рад, бабник, — несильно двинув локтем, смеётся девушка, от которой я жду по меньшей мере ядерного взрыва. — Зато сразу видно, у человека хороший вкус, и мы с ней на одной волне. Я тебе, правда, примерочную кабинку предлагала.

— Постыдись, развратница, там вместо двери занавеска была, да и та, чисто символическая.

— Ой, можно подумать, застеснялся, — фыркает она.

Они вовсе не ругаются, как можно было бы подумать из контекста слов, а просто подкалывают друг друга, наслаждаясь перепалкой. И это настолько напоминает нас с Феём, что я на секунду выпадаю из реальности. А уже потом осознаю тот факт, что бить меня (хотя бы чисто словесно), за нескромные предложения чужому парню, не будут. По-моему, рыжей даже лестно, что её вкус так высоко оценили, как бы странно такое предположение ни звучало.

— Ну теперь-то можно за стол? — ноет Лизка, сбегавшая в гостиную и вернувшаяся обратно.

Из комнаты куда-то девается журнальный столик, зато ближе к окну теперь стоит большой, которого у нас отродясь не было и за которым с лёгкостью способны разместить восемь человек. А на нём... Чего тут только нет, на самом деле, так что я не сразу решаю поинтересоваться:

— Вы ресторан ограбили?

— Чёй-та? — возмущается Бэт, усаживая меня во главе и плюхаясь рядом. — Всё

собственными ручками, между прочим! Как говорится, с миру по нитке — депутату на Феррари.

Говорится, конечно, не так, но я не поправляю, а прошу, обводя взглядом её, Фея и Ника, как тех, о чьих кулинарных способностях наслышана:

— Тогда уточите, сразу, что из этого готовили вы, чтобы я была готова к потрясениям.

— Протестую! — поднимает ладонь Дашка, тоже присаживаясь. — Никитка прекрасно режет салаты, если вовремя тыкать пальцем в нужный ингредиент.

Друг шутливо раскланивается, уведомляя, что обойдётся без аплодисментов, а я вспоминаю про его поздравление.

— Наш «лыцарь» уже поведал, какую клоунаду сегодня устроил?

— Чего клоунаду-то сразу? — «оскорбляется» Ник. — От всего сердца, между прочим!

— И признание?

— Так-так, это уже интересно, — закрывая пытающемуся что-то возразить парню рот, тоже наигранно хмурится Дарья. — Рассказывай, я вся во внимании.

Рассказываю я, под всеобщий смех, один страдальческий вопль «ты же обещала!» и хлопок открытой бутылки шампанского, которую втихушку откупоривает, зачем-то под столом, Фей. А потом первый же поднимает наполненный бокал, ради такого дела даже приподняв свою царственную задницу со стула:

— Ну что, предлагаю выпить за нашу Ари... ай, не дерись, — я с улыбкой показываю кулак, и он всё же исправляется, — хорошо-хорошо, сегодня всё для именинницы. Так вот, за нашу Крис. Пусть всё у тебя будет обалденно, все желания сбываются и... в общем, оратор из меня так себе, сам знаешь, поэтому... Ура, товарищи!

— Ура-а!

Я на эмоциях воплю вместе со всеми, наслаждаясь звоном бокалов, улыбающимися лицами и каким-то странным, но до мурашек приятным взглядом кошки, вот совершенно случайно оказавшегося сидящим рядом со мной, с другой стороны.

Застолье получается из тех, которое даже самый занудный зануда не назовёт скучным. В комнате то и дело раздаются взрывы смеха, причём причины для него периодически подкидывают все без исключения. Арсен и Лика как-то очень быстро и незаметно вливаются в компанию настолько, что можно забыть — знакомы-то мы без году неделю. А встретиться со своего рода кумиром, пусть в рамках только нашего города, в любом случае до безумия приятно.

На самом деле, разница с медийным образом заметна мало, разве что с нами девушка более раскрепощена, но тут и понятно, радио предусматривает какую-никакую, а цензуру. Даже если твоя начальница по совместительству и мама парня, да.

Но с Арсом они удивительно гармоничная пара, это не могу не признать даже я, хотя где-то внутри жалобно шмыгает носом и приговаривает «моя прелесть!» мечта об идеале. Но эльфу всяко больше подойдёт кицуне, сходство с которой я сразу наметила в Лике, чем дурная русалка.

А русалке бы принца, только где его отыщешь-то, с нашей федеративной формой госустройства?

— Кстати, давно вы встречаетесь? — решает вдруг просветиться рыжая, и я понимаю — часть разговора точно упустила, потому как это «кстати» к тому, что я слышала последним, не относилось вот вообще. А уже после осознаю, что за «вы» подразумевались.

— Мы? О, нет, мы не встречаемся, — мотаю головой, а вот Фей почему-то только закатывает глаза, вместо того, чтобы подтвердить. — У меня есть... молодой человек.

— И где он? — оглядев Лёню, на плечо которого положила голову Бэт и Ника, обнимающего Дашку, уточняет девушка.

— В командировке. У него работа такая, всё больше по разъездам, чем в городе.

Лица хмурится на секунду, а затем разворачивается к Арсу:

— Если бы ты урулил на мои именины, я тебе голову откусила.

— Вот даже и не сомневался, понимающая моя, — хмыкает он.

А Дарья решается задать вопрос, интересующий и меня:

— А почему именно на именины, а не ДР?

— О, это забавная история, — почему-то улыбается Лица, под дружные ухмылки братцев-котиков.

История, как оказывается, правда забавная. И если бы не подтверждение со стороны всё тех же братьев, я приняла её за шутку. Потому как у Лици, оказывается, имеются целых две лучших подруги. И всё бы ничего, что тут странного, вообще, вот только зовут их Вероника и Доминика.

— Ну, в общем наши мамы подружились в роддоме, родили в один день и решили — а что бы дочкам имена созвучные не дать? Не все папы были в восторге, но настойчивость, аргументы и пара литров слёз победили. Так что День Рождения мы празднуем все вместе и с друзьями, а с семьями — отдельно именины каждой, чтобы обидно не было, — подводит итог рыжая, расправляясь с остатками шампанского.

— Вот вы чудные! — честно признаюсь я, а Арсен радостно поддерживает.

— Моя самая чудная, кстати. Мина уже почти замужняя дама, Ника просто тихушная, зато этой вечно шило в заднице спокойно жить не даёт.

— Да-таки кто бы жаловался, — тоном коренной одесситки вопрошает его подруга, — сам меня на авантюры вечно толкаешь.

— Это когда такое было?

— А вы давно встречаетесь? — влезаю я с ответным «приветом», ну никак не ожидая услышать ответ, который озвучила сама пятью минутами ранее.

— Мы не встречаемся.

На Арсене скреживаются пять удивлённых взглядов, как минимум три из них ещё и в ожидании леща, который ему сейчас прилетит. Но Лица только пожимает плечами:

— Ага, мы просто спим.

— Да, а ещё проводим вместе большую часть времени, таскаем друг друга везде где только можно, познакомили с родителями... Но ржавая крыша мадам Аристовой с предубеждением относится к серьёзным отношениям, так что да, мы не встречаемся.

Саркастичное пояснение оказывается встречено очередным хохотом, и только Лица пытается возмущённо убедить всех, что это не предубеждение, а девиз по жизни и нет тут ничего смешного.

В какой-то момент парни, среди которых только Лёня имеет дурную привычку дымить, уходят на перекур, хотя всем и так понятно, что это просто способ оставить девочек посекретничать о своём. А конкретно для меня возможность припереть их к стенке и выведать информацию, чьей идеей был этот вечер. Но Лица успевает первая:

— Извини, кстати, я без приглашения, но Тимоша убеждал, что обещал тебя со мной

познакомить.

Это её «Тимоша» вызывает у нас троих очередной смех, потому что безумно разнится с привычным уже Феём. Даже насмешливое «Тимоха», из уст его крёстного-медведя звучало не так дисгармонично. А вообще, у кошака столько имён, что впору начать путаться.

— Он на самом деле, обещал, — подтверждаю, убедив девушку, что действительно рада её видеть, — но я как-то не слишком поверила. Если бы все мужики выполняли обещанное... это ж просто предвестник апокалипсиса, не меньше.

— Вот зря, кстати, так думаешь. У них с Арсиком в семье, если взял на себя обязательство, то будь добр исполнить. Я тоже сначала не верила, провоцировала вечно, но потом привыкла.

— Ты знакома с их семьёй? — заинтересованно уточняет Бэт.

— С родителя, да. У Риты на Дне Рождения пересекались.

Я вспоминаю, что Ритой Фей называл сестру матери, но как-то мне плохо представляется, чтобы я называла родителей своего парня по именам.

— Ты её тоже зовёшь Ритой?

Рыжая улыбается, широко и открыто:

— Ты просто не видела эту женщину, она потрясающая. Познакомились мы вообще эпично. Я после первого свидания с Арсеном проснулась рано утром и решила пойти попить, в рубашке на босу грудь. А за столом на кухне сидит девушка, в костюме такая, с макияжем, чай пьёт. Ну, думаю, козёл, привести меня в квартиру, где живёт с девушкой, а может с женой даже, это ж додуматься надо. Но она так отнеслась спокойно, дружелюбно, кофе мне налила. Тут я и решила, что всё же сестра, наверное. А потом Барсик выходит и такой «Мам, ну ё-моё, я тут девушку под боком ищу, а ты ей уши заговариваешь».

Картина получается до того сюрреалистическая в моём понимании, что даже не могу представить свою реакцию в таком случае. Впрочем, я бы убежала обратно едва обнаружив присутствие на территории парня постороннюю девушку. Убежала бить его по башке и требовать объяснений, как минимум. А Лизку, почему-то странно зафыркавшую, беспокоит, как оказалось, вовсе не это:

— Барсик? Ты его реально так зовёшь?

— Ну а что? Созвучно же, Арсик-Барсик.

— Вот уж точно, кошачье семейство, — поддерживаю я. — Один просто кошка, второй даже поименованный.

— Мой по возвращении от вас про «Фея» поведал, тоже подходит, кстати. А Ариэль почему?

Я молча приподнимаю красную прядь, цвет которой, по-хорошему, пора бы обновить. И гостя кивает понятно. А потом предполагает:

— Мне так кажется, им обоим в детстве одни диснеевские мультики и показывали, — и, не дожидаясь вопросов, уточняет. — Меня Арсен Рапунцель зовёт.

Наши с девочками взгляды скрещиваются на её волосах, которые по цвету больше Мериде соответствуют, но Лика ловит недопонимание на лету:

— Не, не поэтому. Он просто как-то подшофе приехал ночью, телефон где-то потерял, вот и вопил под окнами, чтобы я впустила. А мне было лень спускаться, так что просто кинула ключи. Наутро из воспоминаний остался практически один этот эпизод и меня окрестили неправильной Рапунцель, потому что правильная волосы должна была сбрасывать.

— Да уж, логика, потрясающая просто. А ещё на женскую что-то гонят!

— Кто гонит? Куда гонит?

Парни возвращаются в полном составе, а шествующий впереди хозяин ещё и с прибавлением в виде колоды карт, с которой он играет, словно заядлый фокусник.

— О, в дурачка на раздевание? — оживляется рыжая.

Фей задумчиво почёсывает затылок и признаётся:

— Вообще-то, хотел предложить «Мафию», но твой вариант мне нравится куда больше...

По-хорошему, для игры требуется большее количество человек, но и наша компания вполне справляется, усевшись в круг прямо на полу, на пушистом ковре и со стаченными с дивана подушками в обнимку. Два «мафиози» и один «комиссар», вот собственно и всё, что нужно для счастья, если не считать самопровозглашённого ведущего в Дашкином лице. Причём весьма сурового ведущего, надо заметить, так что все попытки подглядывать пресекаются на корню.

Очень скоро гостиную наполняют ожесточённые дебаты, в которых никто не остаётся без «дружеского напутствия», и где нет места личным и родственным отношениям. Так что Лизка с удовольствием издаёт злодейский смех, когда в лице её парня обнаруживается первый член мафии, а Арсен в конце тура удручённо качает головой, убеждая Фею, что раз уж он в игре убийцу угадать не может, какой из него в реальности юрист выйдет.

К счастью, переругаться мы не успеваем, потому что тура после пятого (или седьмого? Время бежит так быстро, что я не успеваю за ним следить) поступает очередное рацпредложение — караоке.

У нас нет микрофонов и совести, зато присутствует телевизор с интернетом и целых два часа до того момента, как нужно будет соблюдать режим тишины. Поэтому идея оказывается встречена бурным энтузиазмом. И кошка отправляется на поиски пульта, которым наверняка сам же успел куда-то засунуть.

Мне, а может и плещущемуся внутри алкоголю изрядном уже количестве, кажется весьма забавным, что слушая совершенно разную музыку, сейчас мы с удовольствием горланим нечто из серии «Билетик в кино», «Забирай меня скорей» и, исключительно бодрым женским коллективом, «Все мы бабы — стервы».

Голос Лики, который завораживал меня ещё по радио, именно во время исполнения раскрывается в полной мере, что я и спешу ей сообщить, не стесняясь в выражениях. Причём настолько не стесняясь, кажется, что ржущий Арсен уточняет, не собираюсь ли я увести у него девушку. То ли правда не понимает, что восхищение исключительно платоническое, то ли, более вероятно, издевается, гад. Зато сама рыжая воспринимает всё как должное, что становится понятно чуть позже. После признания — они с подружками, теми самыми, давно уже создали собственную группу и даже выступают периодически в одном из клубов нашего города. И нас туда приглашают, щедрой рукой одной из двух солисток, обещая передать флаеры на ближайшее выступление.

— О, мать, тебе больше не наливаем, — констатирует Фей, когда после очередной песни и зажигательного танца (надеюсь, остальным он тоже таковым казался), я просто падаю на диван, с наслаждением вытягивая ноги. Впрочем, дело тут скорее всего в том, что место дислокации я выбираю в опасной близости от него и касаясь головой руки, закинутой

на спинку.

— Я стекла, как трэзвышко, — намеренно выдаю я.

Конечно, это не совсем правда, но я на самом деле не так пьяна, как кажется. Просто смесь адреналина, воодушевления и какого-то нереального практически счастья бьёт в голову и заставляет чувствовать себя на седьмом небе. Где рядом самые замечательные люди, вкуснятина на столе, веселье в доме, а от соседа по дивану так приятно и притягательно пахнет.

— Оно и видно. Ау, народ, пора переходить к следующей части Марлезонского балета.

Пауза, когда одна песня уже закончилась, а вторая ещё не началась, как нельзя кстати подходит для такого объявления. И Лизка, почти подпрыгнув на месте с восклицанием «Подарочки!», уносится прочь, чтобы вернуться с тремя конвертами одинакового размера, но разного дизайна.

На самом деле, о каких-либо подарках у меня даже мысли за всё это время не возникло, потому как весь этот вечер сам по себе и есть лучший подарок, но друзья, похоже, так не считают. И вновь рассаживаются на полу, с нездорово горящими энтузиазмом глазами. Со мной рядом остаётся лишь Фей, и не подумавший сменить ареал.

— Итак... — подруга тасует конверты, как карты. — С кого начнём?

— Давайте с нас что ли, самое вкусное на десерт оставим, — подаёт голос Арсен и Бэт согласно кивает.

А затем протягивает мне серебристый конверт.

В комнате воцаряется такая тишина, что мне слышится звук собственного сердца, а руки подрагивают слегка. Навели тумана, редиски!

Картонная карточка, размером примерно с купюру евро, лежит лицевой стороной вниз, так что подглядеть сначала не получается. А потом и незачем, потому как я достаю её полностью и переворачиваю, задохнувшись в изумлённом вздохе.

— А-а-а-а, ребята-а! Господи, круть-круть-круть! Спасибо!

Сертификат на приличную сумму в магазин с рок-атрибутикой — это просто нечто, поэтому мысли сразу улетают в область того, что я давно хотела приобрести: кучу значков с любимыми группами, пару футболок, кеды и, непременно, те часы с шипастым ремешком, пусть они и велики для моего запястья.

— Там ещё дополнение небольшое, — улыбается Лика, кивая на конверт, и я послушно достаю пластиковую карту, на которой напечатаны мои ФИО и фотография, а также название какого-то бизнес-центра. — Пропуск в здание, где находится наша радиостанция. Тимоша тебя проведёт, у него карта уже есть, а мы экскурсию устроим. Там правда много чего интересного.

Вот в этом я даже не сомневаюсь, изумлённо таращась на собственное фото, аналогичное снимку на паспорте. Один из которых я, помнится, отдала Лизке, и та положила его в кошелёк. Ага, ну теперь понятно. Но экскурсия на настоящее, пусть и региональное радио... Эй, я что, умерла и попала в Рай?

— Next, — отвлекает от размышлений подруга, покосившись на Дарью и, получив согласный кивок, протягивает новый конверт, сиреневый.

Книги на сайте - Книголюб.нет

На этот раз справляюсь шустрее, извлекая на свет божий ещё один сертификат, только в салон, услугами которого я пользуюсь с первого курса. Вот, стоило подумать, что пора обновлять цвет, как и подарок в тему подоспел.

— Дашка, ты чудо! — восхищаюсь я, отлично понимая, чья была идея.

Но Ник тут же влезает:

— А чего это сразу Дарья? Может это мой гениальный разум сгенерировал эту идею? — и тут же сам сдаёт себя, что называется «с потрохами». — Хотя я был за вариант с секс-шопом. Там такие наручники крутые, блеск просто!

Никогда не была в подобных магазинах, но краснеть я не собираюсь, парируя:

— И куда мне ими, к батарее пристёгивать? Спинка у кровати ну совершенно не приспособлена для подобного использования.

— Тима попроси, у его кровати как раз изголовье подходящее.

Взгляды присутствующих медленно смещаются с внезапно подавшего голос Лёни, который всё больше отмалчивался, на Фея. На что тот мигом вскидывает ладони, выставляя их перед собой:

— Воу-воу, полегче, просто дизайн понравился, — а потом ухмыляется. — В любом случае, ничего вы не докажете.

Ну и ладно, собственно, никто и не собирался ничего доказывать. Но любопытство всё равно заскреблось, требуя рассказать ему, с кем это наш сосед играл в полицейского.

— Так, ну и теперь та-дам! — музыкально выдаёт Лизавета, протягивая третий, бледно-голубой конверт, но не выпуская его из пальцев, даже когда я берусь за противоположный край. — Это от нас троих. Погоди, не открывай.

Я послушно жду, правда непонятно чего. Точнее, непонятно до тех пор, пока Лика берётся за фотоаппарат, включая его и поднося к лицу, лишь после этого командуя:

— Всё, можешь смотреть.

Я заинтригована — это явно должно быть нечто особенное, раз они хотят запечатлеть этот момент, но догадаться что именно не могу. Судя по всему, тоже сертификат, дабы не отрываться от коллектива, вот только куда? Ай, ладно!

Догадка оказывается неверной. Я роняю конверт на колени, в упор глядя на два прямоугольника из плотной бумаги, вчитываясь в слова по третьему кругу, но не веря глазам.

Вам дарили когда-нибудь самую заветную мечту? Перевязав голубой лентой и вручив прямо в руки? Я свою держала прямо сейчас. Билеты на французский мюзикл «Mozart l'opera rock», которым я заслушивалась и засматривалась вот уже несколько подряд. Гастрольный тур, выступление в Москве, третий ряд — это же почти рядом со сценой...

Я не слишком эмоциональная, совсем нет, так то даже не понимаю сначала, откуда на глянцевой, будто заламинированной бумаге появляются вдруг капли воды. Осознаю, лишь, когда вновь наступает тишина, нарушенная обеспокоенным голосом подруги:

— Крис?! Ты чего? Почему ты плачешь?

Тут-то до меня и доходит, что я на самом деле плачу и слёзы уже не капают по одной, а текут по щекам тонкими, но бодрыми ручейками, щекоча кожу. И пытаюсь быстренько их вытереть, но голыми руками получается не слишком.

Фей вдруг обнимает меня за плечи, подтаскивая поближе к себе и позволяя уткнуться в его рубашку. И интересуется, вроде на ухо, но довольно громко, чтобы и остальные слышали:

— Надеюсь, это слёзы счастья?

Я нахожу в себе силы только закивать активно, не отрываясь от него. Это всё чёртовы гормоны, не успевшие успокоиться, да алкоголь, точно говорю, но заставить себя прекратить незапланированный слезоразлив удаётся с большим трудом. И, приведя моську в относительный порядок поданной Дашкой салфеткой, признаюсь, в совсем несвойственной

манере:

— Ребят, я вас всех так люблю!

Чтобы в следующий момент вновь оказаться в объятиях, только на этот раз двух моих девчонок, уверяющих в ответных чувствах под подбадривающие комментарии остальных, и потеснивших ради такого дела кошака. А я и не против, собственно.

Разве что совсем чуть-чуть...

После дегустации тортика (в ходе которой я полностью забираю обратно мнение, что Лизина выпечка не сравнится с утренними кексами), ребята как-то очень организованно начинают собираться по домам. И даже попытки оставить с ночёвкой хоть кого-то, результата не дают, хотя тем же Арсену и Лике никуда с утра пораньше не нужно, в отличие от нашей студенческой братии.

На два голоса убедив гостей, что в таком случае с уборкой со стола вполне справимся сами, мы шумной компанией перемещаемся в коридор, заполонив собой всё, далеко не маленькое, пространство. Пока одеваются и обуваются остальные, я успеваю утащить в уголок уже собравшуюся подругу и прижать её к стеночке с вопросом, чьей идеей был подарок.

Лиза улыбается многозначительно, но вместо нормального ответа пожимает плечами и целует меня в щёку, обдавая коньячным ароматом:

— Ты всё равно не поверишь.

Теперь и ответа не нужно, всё и так понятно, зато и возникает новый вопрос — верить или нет. Правда его я собираюсь оставить до лучших времён, целуюсь и обнимаясь с бодрой толпой, порционно вываливающейся в подъезд.

— Народ, спасибо ещё раз. Вы нереально крутые!

— Ну а то, — самодовольно соглашается за всех сразу Арс, забрасывая руку на плечо своей девушки. — Всё, закрывайтесь, наши такси уже приехали.

Мы с Феем покладисто машем на прощание, как те пингвины из мультика, а затем он захлопывает и закрывает на оба замка дверь, оставляя нас наедине.

Всё то время, пока мы убираем со стола, закатывая салатницы и блюда в пищевую плёнку и заталкивая в холодильник (господи, да они столько наготовили, что мне теперь несколько дней можно лентяйничать!), а тарелки очищая и уставляя в посудомойке, в квартире царит тишина. Причём настолько правильная и ненапряжённая, что её даже не хочется нарушать.

Но вот наступает момент, когда всё сделано, журнальный столик, оказавшийся раскладным, сложен и возвращён на законное место, а мы замираем на кухне, буквально в полуметре друг от друга. И, по идее, нужно бы что-то сказать, вот только что?

— Лиза сказала, что идея с билетами была твоя, — всё-таки не выдерживает моё любопытство.

Котов неопределённо пожимает плечами.

— Откуда ты узнал?

— Я просто умею собирать информацию. Это ведь, своего рода, моя работа, — я продолжаю тарашиться на него, так что парень не выдерживает. — Ты слушала этот мюзикл почти каждый раз, когда готовила, аудио и видео на страничке забиты отрывками из него и даже обои на рабочем столе — фото каста. Поверь, это было не так сложно.

— И всё-таки, — не соглашаюсь я. На самом деле, увидеть могут многие, а вот заметить и сделать выводы — единицы. Так что его внимательность дорогого стоит. — Спасибо, правда. Это лучший подарок, который можно вообразить.

— Ну, мечты для того и нужны, чтобы сбываться. Верно?

Он по-прежнему стоит в полуметре, заложив руки за спину и облокотившись на кухонный шкаф. Весь немного взъерошенный, в рубашке с коротким рукавом и джинсах, вместо опостылевших мне шорт. И такой, привычный что ли, что просто сердце щемит. А может это алкоголь всё, потому что, ну правда, столько пить, это же ужас просто, хоть я и не чувствую себя пьяной на то количество, которое было употреблено.

Глаза в глаза — это как нить, натянувшаяся между взглядами, невидимая, но до того прочная, что не разорвать, как ни старайся. По крайней мере у мене не получается вот никак, даже при учёте того, что не очень и хочется. Но взгляд, словно сам собой замечающий что-то кроме, вдруг фокусируется на чем-то, в самом уголке губ Фей. И я, сморгнув, смотрю туда.

Наверное, это крошка от торта или нечто вроде, такая маленькая, сразу и не увидеть, но я-то вижу, и теперь не могу оторваться, даже понимая, что вот так таращиться на чужие губы, это просто провокация какая-то, не меньше. И, как загипнотизированная, делаю шаг вперёд.

Кошак округляет глаза удивлённо, когда я прикасаюсь к его лицу, большим пальцем осторожно смахивая смущающую частичку. А потом просто веду дальше по щеке. Пробивающаяся щетина не видна, но чувствуется на ощупь, покалывая кончики пальцев, зато на скуле кожа гладкая настолько, что просто невозможно заставить себя оторваться. Да и нужно ли?

У меня чёртов День Рождения, а Фей сам сказал, что мечты должны сбываться. Именно с этой мыслью я делаю ещё один шаг и прижимаюсь к его губам.

Просто прижимаюсь, на самом деле, это и поцелуем-то назвать сложно. Да так и замираю, даже не закрыв глаз, глядя в его, медово-карие, с более тёмными вкраплениями и расширенным зрачком.

Я не знаю, зачем делаю это, объяснения, кроме «захотелось» нет, но нужно ли оно вообще? И понимаю — нет. Понимаю в тот самый момент, когда он отмирает, первым начиная настоящий уже поцелуй.

В моей голове Фей — это ураган и торнадо, поэтому тем контрастнее сейчас эта до ужаса щемящая нежность. Прикосновения губ, осторожные, едва ощутимые. Рука, отводящая волосы от лица, да так и оставшаяся на щеке, будто в отражение моей. Вторая, опустившаяся на талию, но не фиксирующая, а разве что притянувшая чуть ближе.

Целоваться с ним таким — это как гладить дикого кота, тигра или барса, когда в любую секунду вместо ласкового мурлыки перед тобой может оказать грозный зверь. Но пока от доверчиво ластится к рукам и позволяет чесать себя за ушком, а ты может ненадолго почувствовать себя всемогущей. И совершенно сумасшедшей, тут уже и сомнений быть не может...

Губы у него пахнут самбукой, на которую парни перешли после коньяка, и это вкусно настолько, насколько вообще может быть и пьяняще также, хотя куда мне ещё... Но в какой-то момент пропустив манёвр и оказавшись прижатой спиной к тому самому шкафу, на который опирался Фей, я плюю на всё. Кроме него, разумеется.

Мой кот ведёт себя примерно, будто опасаясь спугнуть, так что приходится действовать

самой. Или провоцировать, это как посмотреть. В любом случае, стоит лишь приоткрыть губы, а руки забросить ему на шею, слегка проникая под воротник, изучая напряжённые трапециевидные мышцы пальцами, как он понимает всё правильно, разом становясь настойчивее. И руки на талии смыкаются плотнее, со вполне понятным намёком — «не убежишь». Да я и не собираюсь.

Он теперь не целует — играет. Дразнит, гад такой, зная, что сейчас ему простят не только это, даже большее. Проникает языком, но стоит мне сделать попытку прикоснуться к нему своим, как отпрядывает назад. Прикусывает, но не до боли, а так, словно желая показать, кто здесь главный. И в любой другой момент я бы все силы бросила, чтобы не уступить, теперь лишь расслабляюсь податливо.

Фей отрывается от губ, отмечая поцелуями невидимые сейчас ямочки на щеках, касается носа, заставляя щекотно морщиться, спускается к шее. На мне платье с высоким воротом, но он не собирается сдаваться, отодвигая ткань и грея обжигая дыханием высокоградусным, как абсент.

Мой личный сорт абсента, с полынным привкусом...

Вот добирается до уха, прикусывая краешек, касаясь зубами колечка-хеликса, отчего по телу разливается волна возбуждения, а шея покрывается мурашками. А затем ниже, захватывая мочку, вместе с золотым крылом бабочки...

В этот момент меня словно током пробивает и это ощущение к приятным отнести нельзя никак. Подаренные Ильёй серьги становятся тем маяком, за которое цепляется ушедшее в приятный туман сознание. И теперь, разом прояснившись, оно выдаёт одну-единственную мысль: «Что я творю?!».

Фей не сразу осознаёт, что я замерла соляным столбом, но когда всё-таки понимает, слегка отстраняется, чтобы взглянуть в лицо. А у меня самое больше желание — закрыться руками. Что я наделала?!

Я, которая три года культивировала в себе ненависть к едва знакомому на тот момент парню, выбравшему другую. Которая с брезгливостью взирала на Маркова, застукав того за лобызаниями за моей спиной.

И вот сейчас, проводив молодого человека в командировку, сама же полезла с поцелуями к Котову, как последняя шлюха. Молодец, Кристина, просто медаль тебе за поведение, достойное образцово-порядочной девушки.

— Крис? — голос у Фея тихий, почти на грани слышимости. — Что такое?

— Извини, я... не могу...

Меня буквально передёргивает от брезгливости к собственному поведению, и он это, похоже, чувствует, убирая руки и делая шаг назад.

— Не можешь?

— Чем я только думала? — я вцепляюсь в волосы обеими руками, до боли, хоть так попытаюсь отрезвить разом.

И почти пропускаю, как меняется выражение лица Фея и темнеют глаза. А голос теперь такой холодный, что можно использовать для заморозки льда:

— Действительно, чем? Наверное, решила, в отсутствии Ильи, и я на что сгожусь? — я поднимаю на него ошеломлённый взгляд, почти не понимая сути слов, только рубленый, болезненный какой-то тон. — Вот видишь, как хорошо, что ты вовремя одумалась.

— Фей, ты...

Сбрэндил, если реально так считаешь. Но договорить он не даёт, перебивая, весь

напряжённый как струна и со стиснутыми в кулаки руками:

— Именно. Прозрела и поняла, что это всего лишь я?

Меня начинает трясти, как от холода. Так, что хочется обхватить себя за плечи, хотя его объятия подошли бы куда как лучше. Тем более я не понимаю, что сделала не так, чем спровоцировала его на подобное к себе отношение.

Но я же девушка, чёрт возьми, значит априори должна быть мудрее. Поэтому делаю этот же шаг, вновь уменьшая расстояние между нами и поднимая руку, желая коснуться его лица. Но Фей перехватывает её за запястье, аккуратно, но настойчиво отводя в сторону.

— Знаешь, что? Нахрен твою жалость! — он размыкает пальцы и отворачивается, быстрым шагом преодолев несколько метров до двери. И развернувшись только на пороге. — Если думала, что меня устроит роль запасного аэродрома... В задницу, Крис. Я с детства делится не умел.

Он просто уходит, чуть вдалеке слышится звук удара, словно кулаком со всего размаха заехали по стене, а я стою в прострации, забыв даже опустить руку.

Что это, блин, такое было?! Какие в хренам собачьи аэродромы? Какая жалость?

Внутри что-то настойчиво требует пойти следом, заставить себя выслушать, даже если он не захочет этого делать, но гордость встаёт комом в горле и застилает глаза мутной пеленой. Фей сам сделал какие-то дебильные выводы просто на пустом месте, так какого чёрта я должна оправдываться?

Вместо оправданий я сползаю на пол, на этот раз ради разнообразия по дверце шкафа, а не по стенке, и опускаю голову, упираясь лбом в колени.

Поздравляю, Крис.

Счастливого тебе, млять, двадцатидвухлетия...

Ночью мне так и не удаётся толком поспать — сначала сеанс мазохизма в виде холодного душа, в попытке протрезвить организм, потом чай с малиной и тортом уже наоборот, для согрева, а затем бессмысленное гипнотизирование потолка при убавленном до минимума свете. Не то, чтобы сон не шёл вообще, хотя и это тоже, скорее не давала уснуть мучающая совесть вкупе с пришедшим осознание — так дальше нельзя. Хотела я того или нет (хотя, буду честна перед самой собой — хотела, да ещё как), тянуло меня к Фею всё сильнее. Так что тот момент, когда мы окажемся как минимум в одной постели, виделся уже не чем-то из категории «когда рак на горе свистнет», а стремительно приближающимся поездом. Того и гляди размажет по рельсам, как госпожу Каренину.

С одной стороны, в этом был определённый смысл: может того нам и было нужно, сбросить накопившееся напряжение и осознать, что какие-то там чувства не более, чем происки распутившейся фантазии. Но с другой... Я не могла так поступить с Ильёй. И делс даже не в том, что себя при этом реально чувствовала, как шалава, а ощущение это премерзкое, а в том, что он не заслужил такого к себе отношения. Илюша был хорошим, пожалуй, слишком хорошим для такой, как я. И соответствовать ему было тяжело, да и не нужно, если разобраться.

Тасуя эти мысли в голове, как истрёпанную, постоянно норовящую выскользнуть из рук колоду, я всё-таки прихожу к общему знаменателю с собственным разумом. Ближе к утру, правда, почти сразу вырубившись под так и не выключенную люстру, за полтора часа до будильника.

Стоит ли говорить, что внешний вид и самочувствие теперь борются за первый приз в номинации «Хуже некуда», а держусь я исключительно на голом энтузиазме, да кофе из автоматов, который вообще предпочла бы никогда не пить.

На большом перерыве Лиза под руку утаскивает меня на минус первый этаж, водружает на стул в уголке, а сама удаляется за очередной порцией допинга (ещё более отвратительной, на самом деле), да клеклой булкой с бумажной сосиской. Люблю университетскую столовую, что тут скажешь.

А потом терпеливо ждёт, пока я загружаюсь кофеином настолько, чтобы превратиться в человека мыслящего и разговаривающего.

Я бы с куда большим удовольствием отмалчивалась и дальше, но Бэт вообще сложно обмануть, а когда ты вот ни капли не похож на вчерашнего, довольного жизнью, именинника, так уж точно. И я вроде бы готова к моральной головомойке, которую прекрасно устроила себе сама, без непосредственного вмешательства личного психотерапевта, но никак не к...

— Если бы ты не была моей лучшей подругой, я тебя уже возненавидела бы.

Я звучно давлюсь кофе и, с трудом откашлявшись, хрипло переспрашиваю:

— Прости, что?

— Да-да, душа моя, ты всё правильно расслышала, — язвительно уведомляет она. —

Крис, ну это кабздец.

Вообще да, тут не поспоришь, причём как применительно к конкретной ситуации, так и

вообще, но ненавидеть-то за что?!

— За то, что так измываться над Тимофеем — это бесчеловечно, вот реально тебе говорю. И окей, если бы тебе он на самом деле не нравился, был противен или что-то в таком духе, то тут взятки гладки, согласна. Я бы первая помогла отгонять его поганым веником. Но вот эти шашечки «к сердцу прижму, к чёрту пошлю»... Млять, женщина, у тебя совесть вообще есть?!

Лиза вообще добрая, милая и покладистая, в большинстве своём, но сейчас она, кажется, на самом деле зла. И я, если честно, немного её понимаю, но почему опять все шишки на меня?

— Он сам виноват не меньше, между прочим!

— Тем что овцу упрямую выбрал? Это точно. Нашёл бы себе адекватную девушку, которая точно знает, чего хочет и жил спокойно. Но не-е-ет, угораздило влюбиться, бедного. Ну, чего ты так на меня смотришь? Я неправду говорю?

Мне обидно до ужаса, к горлу подступает ком, и хочется просто развернуться и уйти. Но что-то внутри не даёт этого сделать, нудя, что цели оскорбить и обидеть Лизка точно не преследует. А ещё напоминает, как я вытаскивала её из чрезмерно затянувшейся депрессии, и что «тряпка несчастная» и «хрен ли нюни распустила?» были в тот день самыми мягкими выражениями. Поругались мы тогда конкретно, но зато подруга взяла себя в руки, чего я, собственно, и добивалась. И меня, похоже, пытались теперь лечить моими же методами.

Так что вместо того, чтобы дать волю эмоциям, я стискиваю зубы, едва не откусив кусок пластикового стаканчика.

— Правду. Но ты себе не представляешь, как хочется тебе этот кофе сейчас за шиворот вылить.

Бэт усмехается, но глаза остаются холодными, почти злыми:

— Ну, давай, если тебе легче станет. Повеселим окружающих заодно, что уж. Крис, я тебя очень люблю, правда. И поддержать всегда готова, только скажи. Но смотреть, как ты день за днём из-за собственных дебильных принципов или чего там ещё, портишь целых три жизни, не собираюсь.

— Я решила расстаться с Ильёй, — выдаю я вдруг, прерывая её.

— Повтори?

Повторить? Да мне несложно, собственно.

— Расстаться. С Ильёй.

С Лизы разом сползает серьёзное выражение, с которым она вещала секунду назад, оставляя привычную мне девушку, чьи эмоции буквально на лбу написаны.

— Ты ведь сейчас не прикалываешься надо мной, да?

— Если только мне в четыре утра нечем было заняться, кроме как придумывать такой оригинальный прикол, — на меня накатывает такое спокойствие, что его скорее следовало бы назвать пофигизмом.

А вот подруга, наоборот, начинает возмущаться:

— Так какого чёрта я тут распинаюсь? Блин, ты хоть представляешь, как мне тяжело было решиться высказать тебе всё это? Думала, вот поругаемся сейчас и что? Фей мне, конечно друг, но если выбирать между им и...

— Бэт, успокойся. Я не обижаюсь, хоть вот про овцу обидно было. Коза плюшевая меня как-то больше устраивала.

Лиза смотрит на меня, как самец этой самой овцы на новые ворота, а потом падает

лицом на скрещённые руки, начав бубнить так, что приходится прислушиваться:

— Апп, как же ты бесишь временами. За этот месяц нервы мне истрепала больше, чем за предыдущие три года.

— Терпи, что я могу сказать? Может ты в прошлой жизни щенков топила и теперь карма догнала?

— Всё, зубы мне не заговаривай, — она снова усаживается прямо, игнорируя разрывающий барабанные перепонки звонок. — Что там с Ильёй?

— Просто подумала, что на самом деле нечестно вмешивать его в эту ситуацию, особенно после вчерашнего. Не знаю, как ему в глаза смотреть, — одно дело прошлый раз, когда кошка сам поцеловал меня и совсем другое, когда инициатива, а главное желание, исходили от меня.

— Отправь ему смс, — советует та, которая несколько минут назад интересовалась, есть ли у меня совесть. — Что? Можешь даже цитатой из классики. Как там? «Но я другому отдана и буду век ему верна».

— Очень смешно. В общем, отстань, я только решила сказать, что больше не могу с ним встречаться, а не придумала, как это сделать.

— Ну, у тебя есть время. Когда он там возвращается?

— В среду.

— Вот видишь, придумаешь ещё.

Придумаю. Ну, или сойду за эту неделю с ума, что тоже вполне себе выход из ситуации. Только находить входы у меня как-то получается намного лучше...

Не сказать, что принятое и озвученное решение прямо снимает камень с души, вовсе нет. Так, слегка подкатывает его к краю, предлагая спихнуть самостоятельно и посмотреть, не пришибёт ли кого снизу. Но Лиза перестаёт выклёвывать мне мозг на тему «окстись, болезная», а совесть — грызть так шумно и активно, что само по себе неплохо.

На пару мы всё-таки попадаем, правда с опозданием на десять минут, но нас оправдывает то, что препод опаздывает на пятнадцать. Я говорила, что люблю свой университет? А, точно, говорила.

Илья, у которого как раз заканчивается заседание, привычно шлёт сообщения, и мне стоит невероятного труда поддерживать заданный ранее тон общения. Незачем напрягать его раньше времени и заставлять думать, что не так, вместо действительно важных вещей.

Бэт, засунув любопытный нос куда не просят, фыркает почти мне на ухо, шустро отодвинувшись от локтя:

— Такой романтичный, ужас просто. Он о чём-нибудь кроме своей работы разговаривать умеет?

Вообще-то умеет, но доказывать это подруге, которая явно настроена против мужчины, занятие нудное и бесполезное, так что я молчу, продолжая набирать очередное сообщение.

— А ты Фею расскажешь? — у Лизки определённо шило в одном месте, потому что подвигается обратно она спустя две минуты. Да, я засекала.

— О чём?

— Не тупи! Об Илье же.

— Нет.

— Как нет?

— Как да, только наоборот.

— Ты дура?

— Господи, ну чего ты от меня хочешь? — перешёптываться приходится спрятавшись за широкой спиной одноклассника, но она ведь не отвяжется. — Отправить ему уведомление заказным письмом? Так мол и так, такого-то числа собираюсь...

— Не юродствуй, — теперь от локтя приходится уворачиваться мне, — я серьёзно. Его это тоже как бы касается.

— Вот именно что «как бы». Вот как расстанусь, так и скажу. Может быть. Если он к тому моменту перестанет обижаться фиг пойми на что.

Лиза вновь фыркает, только на этот раз как-то иначе, не намекаяюще, но что-то вроде. И я отрываюсь от тетради, в которой создавала видимость написания лекции.

— Бэт?

— М?

— Не «му», а говори давай, ты что-то знаешь!

— Да ничего я не знаю, с чего ты взяла-то?

— С того, что я тебя как облупленную знаю. Говори, говорю!

— Тихо, спялят же! Просто я как-то советовала ему подольше тебя поигнорить, может мозги бы заработали, — взгляд «и ты, Брут», она игнорирует, — но Фей сказал, что с радостью, но не получается. И даже самая дикая злость на тебя проходит через несколько дней сама собой.

— О...

— Ого! Цени, какой мужик на тебя запал. Это ж такой размах для фантазии в семейной жизни, а? Особенно когда ты сама зараза мстительная.

— Останина, Артемьева, я вам не мешаю? — прежде, чем я успеваю отреагировать, громогласно уточняет в микрофон преподаватель.

— Извините, Кирилл Константинович, — хором выдаём мы.

И замолкаем на оставшуюся часть пары, ибо заработать лишний вопрос на экзамене не хочется никому.

Обновление от 08.01.2017

Лизка оказывается права — на этот раз кошака хватает на три дня. Ради справедливости стоит заметить, что его наверняка хватило бы на дольше, только в субботу приезжают мои родители, а утраивать тотальный игнор перед ними Фей, очевидно, не считает возможным.

Вообще, от моего родного города до нынешнего места проживания немногим больше пяти сотен километров, так что я предполагаю, выедут они рано утром и доберутся уже после обеда. По факту же телефонный звонок раздаётся уже в девять, прервав мой прекрасный крепкий сон.

Недовольно угукнув в трубку, я с трудом понимаю суть вопроса о каком-то номере и какой-то квартире, умудряюсь машинально что-то ответить и даже попытаться уснуть обратно. И лишь примерно через пару минут просыпаюсь окончательно, рывком садясь на кровати. Приехали? Вот блин!

Выпутаться из одеяла получается раза со второго, сначала едва не задавив кота, а потом закопав его в залежах псевдолебяжьего пуфа. И, помотав головой для скорейшего её прихода в норму, топаю к шкафу на поиски халата. Всё же короткая ночнушка не то, в чём стоило бы разгуливать в присутствии родителей, когда в доме водится посторонний парень. Вернее,

когда я сама вожусь в доме постороннего парня. Ну, и светить татуировку тоже хотелось бы меньше всего.

Дверь слегка приоткрыта (Люцик, да когда же ты научишься её закрывать?!), так что жалобный писк дверного звонка мне удаётся расслышать, пусть и с трудом. А вот метнуться её открывать — нет. Поскольку пока я шустренько застёгиваю последние пуговицы на груди, из прихожей раздаётся звон ключей, а затем уверенное, совсем даже не сонное феево:

— Сергей Александрович, Каринэ Георговна, доброе утро. Проходите, пожалуйста.

Вот тут-то меня выметает быстрее скорости звука, и чёрт с ним, с этим халатом. А этот гад не соврал, информацию он правда собирать умеет. Даже узнал, как на самом деле зовут маму, хотя по факту для большинства она давно Карина Георгиевна, для простоты запоминания. И большей лояльности, кстати, тоже...

Ну а в следующую секунду я проношусь метеором по коридору и висну на шее у папы. Была бы в пижаме, ещё и на спину залезла, как в детстве, благо разница в габаритах до сих пор это позволяла.

— О, поднять подняли, а разбудить забыли? Привет, ребёнок!

— Приве-е-ет!

Получив по поцелую в обе щеки и расплатившись одним — в макушку, папа ставит меня обратно на ноги, давая возможность напасть с объятиями на маму, и тут уж парой чмоков не обойтись. Я люблю папу, но при этом являюсь стопроцентной маминой дочкой. И сейчас не собираюсь отлипнуть от неё в ближайшие минут пять, не меньше. Вот только у самой родительницы, похоже, совершенно другое мнение на этот счёт.

— А лохматушая, — нацеловавшись, она тоже трепет меня по многострадальной макушке. — Кристюш, у тебя тут скоро совы гнездо совьют.

— Пфф, тогда подстригусь под троечку и всех делов, — радостно вливаюсь я в любимую нашу тему.

Вот только на этот раз число оппонентов множится в геометрической прогрессии.

— Нет!

Оторвавшись от маминого плеча, в которое с восторгом утыкаюсь носом, вдыхая знакомый аромат духов, я с удивлением смотрю на Фею. То, что папа против короткой стрижки, это давно понятно, а вот с чего бы это подобное заявление делать моему соседушке, а? И вообще, захочу — в зелёный покрашусь, нашёлся приказчик!

— Под троечку не нужно, а вот краситься пора, — снова убирая лохматые пряди, так и норовящие свалиться на лицо, констатирует счастливая обладательница натуральных чёрных волос, которых ни разу в жизни не касалась кисть с краской.

— Ага, я на следующую неделю как раз записалась. Так, ну чего мы в дверях? Пойдёмте-пойдёмте-пойдёмте завтракать.

— Иди лучше умывайся, а я пока что-нибудь приготовлю? — вносит рацпредложение родительница. — Тимофей ведь не откажется проводить нас на кухню?

Фей, скромно не отвечивающий у стенки, склоняет утвердительно голову, вид при этом имея буквально аристократический, ни больше ни меньше, даже несмотря на обычные домашние штаны и затрапезную футболку. Князь Кошаковский, вы на него посмотрите.

Но привести себя в порядок и правда нужно, да и спорить с мамой занятие на редкость бесперспективное, так что приходится принимать её вариант и отчаливать в сторону ванной, оставив пращуров в чутких (ха!) и заботливых (два раза ха!) руках. Надеюсь, за пять минут он ничего лишнего не наболтает...

Управиться за пять минут, конечно, не получается. Так что когда я, посвежевшая и похорошевшая, появляюсь на кухне, так уже всю витает аромат оладушков, первую партию которых на пару поглощают папа и Фей, уместившиеся за столом. Да, на барном стуле папуля выглядел бы забавно, что тут скажешь.

— Ребёнок, я вижу твои глаза, ну надо же! — восхищается мой дорогой тролль, отрываясь от кружки с кофе.

— Накрашенные даже, смотри-и, — хвастливо хлопаю я ресничками, почти сразу отчаливая к плите. — Так, а мне, а мне оладушек?

— Сейчас будет, — переворачивая четыре золотистых лепёшки, обещаем мама. — Нальёшь нам пока чай?

— Да, сейчас заварю.

Надо сказать, на зелёный меня когда-то посадила именно мама. С кофе у нас изначально отношения сложные были, его в семье кроме папы никто не любит, но вот мы раньше пили только чёрный, максимум каркаде. И переход дался непросто, поначалу мое мнение не отличалось от кошаковского, с его «сеном». Но потом ничего, втянулась и другой сейчас кажется странным и невкусным.

Сам кошка, кстати, молчаливо расправляется с остатками своей порции и явно не отказался бы от добавки.

— Вот теперь я знаю, у кого Кристина научилась так вкусно готовить, — поймав мой взгляд, произносит он.

Подлизаться решил? Му-ха-ха три раза, стрела в молоко, мой мохнатый друг.

Мама разворачивается к ним, отпираясь спиной на шкаф:

— Да нет, на самом деле, Крестюша сама училась, я разве что советами помогала, на расстоянии. Просто я в один момент начала много ездить по конференциям и семинарам, а папа у нас любит питаться регулярно и желательно домашней пищей. Пришлось ребёнку постигать азы кулинарии.

То, как на меня смотри Фей, сложно трактовать однозначно, так что я предпочитаю просто шутливо задрать нос, словно и впрямь до безумия гордись собственным успехом. Да ладно, не так уж это было и сложно, на самом-то деле. Советская энциклопедия домашнего хозяйства и возможность в любой момент позвонить маме или одной из двух бабушек — вот и весь секрет успеха. Но то, что он отметил сам факт, да ещё и перед моими родителями... Приятно, что тут лукавить. Вот может же быть лапушкой, когда хочет!

— Кстати, — вспоминаю я, когда за столом мы устраиваемся уже вчетвером, — а вы чего так рано-то? Вставать пришлось затемно же...

— Да ничего страшного, я по дороге вздремнула, а папа с вечера уснул под телевизор чуть ли в восемь.

— Не выдумывай, сама под бочком сопела, — парирует тот, награждая супругу улыбкой.

— Ну, в общем решили раньше сядем, раньше выйдем. Неизвестно же, сколько с машиной провозимся.

— С машиной? Она сломалась? — вмешивается главный механик всея Руси Тимофей.

— Ребёнок, ты не сказала, что ли? Мы ей приехали авто покупать. Подарок на День Рождения, все дела. Ну и не дело это, в большом городе и без колёс.

Взгляд у Фея как мятная жвачка, такой же тянущийся и отдающий холодком. И мне остаётся в ответ лишь пожать плечами, предлагая ему самому решать, сдавать меня или нет. Ну, и выдыхать украдкой облегчённо, когда он отворачивается обратно к папе и кивает, соглашаясь:

— Да, без колёс невесело. Подобрали уже что-то?

— Хотим до салонов Киа и Рено доехать, посмотреть, что там предлагают.

— О, тогда давайте сначала в Киа? У меня там приятель работает, всё нам расскажет.

— Эй-эй, какой «нам»? — тут же вскидываюсь я, хоть и понимая, насколько рискую.

Но ехать с Феем на заднем сиденье, совсем рядом, со всем этим царящим между нами напряжением... Хотя, если честно, сейчас это напряжение не чувствовалось вот вообще. Напротив, это казалось каким-то привычным, правильным что ли, завтракать вот в таком составе. И даже ожидаемого мандража, который мог бы быть (стоит только вспомнить того единственного мальчика, которого я официально приводила знакомиться с родителями), нет и в помине. Чёрт, он что, использует какую-то магию вне Хогвартса?

— Крестюш, не вредничай, — словно мне вновь было шесть, и я не хотела делиться игрушками с соседской девочкой, просит мама. — Если Тимофей ничем не занят, почему бы ему не поехать с нами?

Потому что мы ещё не разобрались с той катавасией, что творится между нами, вот почему. Но признаться в этом просто смерти подобно, так что я вновь пожимаю плечами, делая очередной глоток чая:

— Как хочет.

— Отлично, — игнорируя тон, которым я пытаюсь донести до него мысль «не вздумай соглашаться!», констатирует Фей. — Тогда завтракайте, а я пока Максу позвоню, скажу, что мы подъедем.

— погоди, — тоже подрывается со стула папа, — там из машины коробки поднять нужно, дверь придержишь?

— Да, конечно, пойдёмте.

— А что за коробки? — интересуюсь я, когда мужчины отчаливают.

— Ну гостинцы привезли, не могли же мы с пустыми руками приехать. Тем более бабушка с дедушкой посылку присылали.

— И айвовое варенье прислали?!

— И айвовое, и из грецких орехов и чабреца целый мешок.

— Уии, варенье-е, — предвкушая обалденный вечер, тяну я.

Кажется, куча вкусностей могут примирить даже с необходимостью ехать куда-то в компании с Феем. Или добавить этому факту дополнительной прелести? Ох, Кристина-Кристина, когда ты уже будешь в ладах сама с собой...

— Доня, так что там с женихом-то? — интересуется папа, когда мы загружаемся в его авто и направляем свои стопы, то есть колёса, в нужном направлении.

Я в это время как раз набираю ответное сообщение Лизавете, так что не сразу догоняю, о чём вообще речь:

— Каким женихом?

— Так тебе ж виднее, каким. Чи Иванушка, чи как его там?

Ох, папа! Вот как с клиентами общаться, так мы все такие образованные и современные, а как дочь родную потроллить, так сразу говорок бабушки Томи прорезается, поглядите на

него!

— Чи Илюшенька, — смирившись с неизбежным, я наклоняюсь между передними сиденьями.

— О, точно, как Муромец. Ну что, когда знакомиться то будем?

Никогда — хочу сказать я. Но рядом сидит Фей, а значит подобное высказывание чревато последствиями, встретиться с которыми я пока не готова. Нет уж, сначала нужно разобраться с самим Ильёй, а уже потом...

— Он в командировке, — развожу руками, едва не съехав обратно и лишь чудом успев ухватиться за подголовник маминого кресла.

— Останин, отстань от ребёнка. Как решит, что пора, так и познакомит, — решается вмешаться родительница. Но, прежде чем я успеваю возблагодарить всех богов за её заступничество, продолжает. — Серьги он подарил? Красивые.

— А? А, да, он. Мне тоже нравятся, — взгляд Котова чувствуется буквально физически, отчего уши начинают гореть, так что предпочитаю пошустрее сменить тему. — Ой, я же главное не сказала! Я в феврале в Москву еду!

Вряд ли папа так реагирует на мой, чрезмерно восторженный (ну и громкий, что тут скажешь) тон, скорее на очередного оленя на дороге, но машина вдруг резко виляет в сторону, отчего не пристёгнутая я отлетаю прямёхонько спиной на колени тоже не успевшего среагировать Фея.

— Блин, ты чего костлявый то такой? — ни у пострадавшего летом ребра, ни у руки, столкновение не вызывает совершенно никаких положительных эмоций.

— Ну, корми лучше, — меланхолично отзывается наглый кошак, помогая заново обрести равновесие.

Я открываю было рот, чтобы высказать всё, что думаю, по поводу его инсинуаций, но обернувшаяся мама попытку пресекает на корню:

— Так, отставить споры. В какую там Москву ты собралась?

— В столицу нашей родины. Стыдно не знать, доктор Останина, — приподнятая бровь (эх, и почему я так не умею?) даёт понять, что мою шутку юмора не оценили. — Ребята билеты на мюзикл подарили. Ну, помнишь, тот, французский...

— Это про тех двух пи...

— Папа! Они не геи, это просто сценический образ!

Родитель бурчит, что не припомнит накрашенных глаз ни за Сальери, ни за Моцартом, как будто был знаком с ними лично, а вот маму беспокоит совершенно другое.

— Ты же не одна поедешь?

— Нет, конечно. Лизу с собой возьму, пусть приобщается к искусству.

— Не волнуйтесь, мы с Леонидом с ними поедем, — вмешивается Фей, словно его мнение кто-то спрашивал. — Погуляем по городу, пока девчонки на концерте будут и домой.

Судя по всему, такой расклад полностью устраивает маму, но вот меня — едва ли. И развернувшись обратно к Фею, я непримиримо скрещиваю руки на груди.

— С чего это?

— Ариэль, не обсуждается. Одних мы вас не отпустим.

— Ариэль?

Заинтересованный голос с переднего сиденья заставляет вздрогнуть нас обоих, а затем на лице кошака медленно, но уверенно начинает проступать виноватое выражение, вкупе с огромными буквами «УПС», которые я легко воображаю начертанными на его лбу.

— Почему Ариэль? — не унимается мама и, к сожалению, по-прежнему смотрит назад, в связи с чем я не имею возможности хотя бы жестами показать Фей, что с ним готова сделать.

— Эм... Волосы просто по цвету похожи, — не слишком уверенно откликается этот гений, не способный держать язык за зубами.

Но куда хуже другое — я догадываюсь, что за эти последует.

— А я думала, она рассказала, как в детстве этот мультик любила. Хотя нет, любила, это слишком мягко сказано.

Спасибо, мама. Под меняющимся на насмешливый взглядом Котова я сползаю по сиденью вниз, прикрыв лицо руками. Нет-нет-нет, это мне всё только снится. Это такой кошмар, который забудется сразу, после пробуждения.

— Значит, мультик про русалочку?

— Да, диснеевский, который девяностого года или какого он там. Кристюша его пересматривала столько раз, что у меня уже была идея спрятать куда-нибудь эту чёртову кассету и сказать, что её похитила злая ведьма. Но, к счастью, потом по телевизору стали показывать сериал про детство Ариэль, так что появилось хоть какое-то разнообразие.

— А Кристина говорила, что терпеть не может этот мультфильм...

— Это она уже потом так решила. Во втором классе на новогодний утренник мы сделали просто отличный костюм. Один хвост, расшитый пайетками чего стоил! А мальчик, который ей нравился, сказал, что она похожа на селёдку.

— Ну мама-а... — издаю я стон раненого дельфина.

— А что я такого сказала-то?

Нет, вообще, она у меня замечательный. И понимающая. И современная. Но вот эти опусы в стиле «а что я такого сказала-слэш-сделала» — это, видимо, присуще любому родителю, вне зависимости от возраста. И спорить тут бесполезно.

— Серьёзно? Крис, это же глупо, из-за какого-то придурка менять своё мнение, — убрав руки, я с удивлением убеждаюсь, что слух не обманул и Фей не улыбается больше издевательски, а скорее правда искренне недоумевает.

— Придурок тут ни при чём, я просто повзрослела и пересмотрела взгляды. А теперь давайте закроем тему, если вы не возражаете, — я перевожу взгляд на маму и уточняю. — Или ты ещё хотела бы продемонстрировать мои голопопые детские фотки, м?

— Прости, забыла захватить альбом, — подмигивает она.

— У меня в телефоне найдётся парочка снимков, — глядя на нас, а скорее даже именно на Котова, комментирует папа. — Взглянешь?

— Чтобы Вы потом повесили меня на ближайшем дереве с обоснованием «ты видел мою дочь голой»? — со смешком вскидывает руки Фей. — Нет, воздержусь, пожалуй.

— Да ну, я на такое не способен, — задумчиво почёсывает подбородок отец семейства, а затем кивает на супругу. — А вот она — да.

— Папа! — возмущаюсь я в унисон с маминым «Серёжа!»

Но мужчины уже ржут совершенно наглым образом, не слушая нас. Вот ведь... Спелись!

Практически на подъезде к салону, пока мама беседует по телефону с очередной эгоистичной пациенткой, которой будто невдомёк, что и у врачей бывают выходные, Фей подвигается ко мне практически вплотную. И склоняется к уху, едва слышно интересуясь:

— Значит, в большом городе и без колёс?

Намёк прозрачен донельзя и судя по тому, что сделан он не во всеуслышание, меня сейчас будут шантажировать. Ну-ну, товарищ Котов, посмотрим, кто кого.

Вообще-то, даже если он и расскажет всё родителям, никакой катастрофы вселенского масштаба не произойдёт. Но, с другой стороны, будет несколько неловко от того факта, что я скрывала от них эту информацию.

— Да, они не в курсе. И что с того?

— Ну-у... вообще-то, врать родителям очень и очень нехорошо.

— Поэтому весь такой безгрешный ты не сказал, что у тебя новый сосед, вернее соседка?

Переговариваться приходится шёпотом, что создаёт весьма непростую атмосферу и, заодно, заставляет папу бросать заинтересованные взгляды.

— Так расскажи им, в чём же дело? — какие глазищи щурятся самодовольно. — Первая же попадёшь в жир ногами.

— Хорошо, что ты хочешь? — и прежде чем буйная и, наверняка, неприличная фантазия кошака успевает разгуляться, уточняю, — за молчание.

— А что ты можешь предложить? — почти мурлычет он, но я же скала. Я кремьень.

— Не-а, не прокатит. Говори, что тебе надо, а я уже подумаю, соглашаться или нет.

Фей чешет макушку, словно пытаюсь ускорить работу мозга и, наконец, выдаёт:

— Кино.

— Кино? Ты псих? Мы по воскресеньям...

— Нормальный поход в кино. Ты и я. Вдвоём. Даже не настаиваю на ночном сеансе и последнем ряде.

По-хорошему, не прими я решение расстаться с Ильёй, такой вариант был бы крайне неосмотрителен. Но раз уж через несколько дней я стану свободной дамой, так какого чёрта стоит отказывать себе в такой малости?

— Кинотеатр и фильм выбираю я, — не то, чтобы это принципиально, но и согласиться вот так, покорно сложив лапки... Фиг ему с маслом.

Вот только Котов качает головой, даже и не подумав уступить:

— Не пойдёт. Не волнуйся, никто нас там не увидит.

Он морщится, и я прячу ухмылку, осознав, что именно надумал себе парень. Ну, кто я такая, чтобы разубеждать человека в его же больных выдумках? И, сделав вид, что колеблюсь, всё же киваю.

— Идёт.

Фей улыбается победно и протягивает ладонь, предлагая скрепить достигнутое соглашение.

Эй, кто-нибудь знает, на что я только что подписалась?

Несмотря на выходной день, на парковке перед салоном пусто. Хотя, может быть, как раз по этой причине: большинство людей явно предпочло сладкий сон, и я такую позицию отлично понимаю.

В любом случае, ситуация складывается в нашу пользу и стоит только миновать автоматические двери, как один из менеджеров устремляется навстречу. Я несколько не сомневаюсь, что Фей не обманул и здесь действительно работает его друг, но данный конкретный индивидуум (в тщательно отглаженной белой рубашке, чёрных брюках и начищенных туфлях) в нарисованную сознанием картинку вписывается с трудом. Господи, да у него даже причёска такая, словно пять секунд назад встал из парикмахерского кресла! Чтобы он дружил с Котовым, с его вечным вороньим гнездом на голове? Не ве-рю!

Но, судя по всему, придётся, осознаю, когда парень подходит ближе. И культурно поздоровавшись с нами, папе даже пожав руку, не меняя интонации, интересуется у кошки:

— Неужели сударь решил сменить своё раздолбанное корыто на нормальный автомобиль?

Пока я офигеваю от заявления, «сударь» ухмыляется и выдаёт в ответ тем же учтивым тоном:

— На такое корыто, как у меня, ты в своей шарашкиной конторе к пенсии заработаешь, не завидуй. И да, неужели в ваше ООО «Рога и копыта» завезли нормальные авто?

Надо ли говорить, что после этой реплики всяческие сомнения в их «тёплых дружеских отношениях» развеиваются без следа. Эх, а я думала, Тимофей Игоревич только со мной так приветливо общается. Такое разочарование с утра пораньше, а?

— Ладно, один-один, — соглашается тем временем менеджер, на груди которого я успеваю рассмотреть бейдж «Рустам», протягивая ладонь Фею. — А если серьёзно? Выбрали уже что-то или вообще присматриваетесь?

— Ну, есть мысли, но давайте по залу пройдемся, посмотрим, — вмешивается папа, оглядывая пространство вокруг с высоты своего роста, как капитан — палубу корабля.

— Разумеется, пойдёмте.

Подхватив маму под руку, я притормаживаю её, вынуждая отстать от пошедших направо мужчин:

— Мамуль, может бэушку всё же? Тут цены, наверное...

— Не выдумывай, — легкомысленно отмахивается она, останавливаясь у первого же автомобиля — обнесённого лентой от чересчур любопытных Квориса, закатанного в ярко-голубую плёнку.

Правильно оградили, кстати, я бы точно не удержалась от того, чтобы пощупать небесный бок хищной красавицы. Ну, до того, как увидела цену на представленный образец, если быть точной. А уже после хотелось только мелко трястись и креститься, проговаривая «свят-свят-свят». К ней что, в комплекте идут личный водитель, массажист и мальчишечий квартет вместо магнитолы, м?

— У нас перчатки сейчас вот точно такого цвета, — продолжает тем временем мама, тоже залипшая на авто. — Смотрится, конечно...

— Ты всё ещё про перчатки или уже про Кворис?

— А? Да неважно, дурацкий цвет. Красненькую бы какую...

Я с трудом подавляю ухмылку, обещая себе по возвращении домой продемонстрировать кошаковскую Ауди, которая, вот сюрприз, как раз в так любимом ею колере. Хотя нет, лучше не показывать, а то как-то Фей чересчур идеальный в их глазах получается. Ну ещё бы, свою чертячью натуру припрятал и сразу весь такой в белом. Позёр!

— Ребёнок, сюда ходи, — вклинивается в коварные замыслы папин голос, и мы послушно следуем в нужном направлении, желая поскорее узнать, что же его заинтересовало.

— Вот, как тебе?

Серебристый хетчбэк определённо был хорош. Наверное, поэтому я сначала вдоволь плясую на него, а уже потом перевожу взгляд на табличку по соседству, в ожидании нового сердечного приступа. Ага, KIA Сид, двигатель 1.6, цена... вполне адекватная. После предыдущей, так уж точно.

— Мне нравится, — признаюсь, наконец, почёсывая коготком шею. — Такая прямо...

Странные движения рук не слишком помогают подобрать слова, но окружающие, похоже, в пояснениях нуждаются не слишком. А менеджер гостеприимно распахивает водительскую дверь, кивая внутрь:

— Прощу.

Я бросаю беглый взгляд на папу, но тот лишь выставляет ладони вперёд, будто говоря «Тебе же машина нужна, ты и садись». Ну и ладно, ну и подумаешь!

Хлопок закрывшейся двери спустя несколько секунд дублируется справа, извещая о вторжении на мою (пусть только в данный момент времени) территорию чужака. И я бы поняла, если это был Рустам, но...

— Да, не моя красавица, конечно, но в целом ничего так, да? Что скажешь?

Выметайся отсюда — вот что я скажу. И не испытывай на прочность мои нервы, успевшие изрядно поистерпаться за время пути сюда, да и вообще. Но вместо того, чтобы огласить мысль, я молчу, скользя кончиками пальцев по рулю, кнопкам на приборной панели и, зачем-то, прозрачному пластику перед тахометром.

Находиться с ним наедине в столь ограниченном пространстве — это просто издевательство над моей выдержкой. Потому что теперь я совершенно не знаю, как характеризовать отношения, существующие между нами. Фей не враг, да и не был им, собственно, никогда и нигде, кроме как в моей фантазии, но и не друг тоже. Дыхание друга не чувствуется так остро на коже, когда тот сидит сантиметрах в тридцати от тебя. На друга ты смотришь свободно и прямо, а не вот так, искоса, будто и не заинтересовано вовсе. И уж точно друга не хочется поцеловать и не покалывает губы от одного только воспоминания о том вечере, когда ты всё же это сделала...

Это сумасшествие какое-то, вот реально! Мне что, действительно нужно с ним переспать, чтобы снизить градус напряжения до терпимого?

— Крис?

— Да, неплохо, — припомнив, что Котов, вообще-то, что-то там спрашивал, откликаюсь я, по-прежнему упрямо глядя на приборку, но по факту почти не видя её из-за расфокусировавшегося взгляда. — Только мне механика нужна.

— Нафига? Ты по трассе хорошо если раз в год едешь, какой смысл? Бери на автомате, он реально упрощает жизнь, с нашими-то пробками.

Да-а, упрощает. Особенно если понятия не имеешь, что с этим «чудо-костылём» делать.

Признаваться в этом Фею не то, чтобы неловко, скорее как-то обломно. Как это, я не умею чего-то из того, что умеет он? Но с тем желе, которое сейчас мозгах, придумать достойную причину упрямству не получается совершенно. И, делая вид, что проверяю удобство настройки сиденья под себя, выдаю полуправду:

— У нас всегда авто на механике были, мне как-то привычнее.

— Да ладно, к хорошему знаешь, как быстро привыкаешь? — отмахивается он. — К тому же, могу дать парочку уроков.

Тон на последней фразе так отличается от того, каким он говорил раньше, что сбиваюсь и непроизвольно разворачиваюсь в его сторону, пожалев об этом в следующее же мгновение.

Ох, этот взгляд...

Когда Фей смотрит подобным образом, слегка склонив голову к правому плечу, прищулив янтарные глазщи, попросить об уроке хочется вот прямо сейчас. Не сходя с места. Ну, разве что переместившись на заднее сиденье, исключительно для лучшего усвоения материала.

Мне даже приходится помотать собственной головой, изгоняя из неё крамольщину, и, насмешливо пообещав подумать над предложением (надеюсь, получилось и впрямь насмешливо, а не жалко), высказывать из ставшего слишком тесным и душным нутра автомобиля.

— Ну как? — уточняют едва ли не в один голос папа и Рустам, прервав разговор, из услышанного куска которого я не поняла ровным счётом ни слова.

— Класс! — совершенно искренне, хоть и всё ещё слегка дезориентировано высказываюсь я. — А в каких цветах она бывает, кроме такого?

Папино «Женщины!», вкуче с демонстративно возведёнными глазами лишь на секунду опережает мамино «Красные есть?». Фей фыркает довольно, не очень успешно маскируя смехок под кашель. И лишь менеджер, как настоящий профессионал своего дела сохраняет невозмутимость:

— Пойдёмте к компьютеру, покажу варианты.

И мы послушным табором семеним следом. А я стараюсь игнорировать кошака, втолковывающего маме свою позицию солидарности, что красный — отличный вариант.

Палитра цветов оказывается не так широка, но всё равно нам требуется минут десять, не меньше, чтобы прийти к общему знаменателю и остановиться, вот сюрприз, на чёрном. Очень позитивно, как язвительно замечает Фей, но кроме украдкой продемонстрированного языка, я никак на этот выпад не реагирую.

Правда вариант «встань и иди», точнее «садись и поезжай», на который я в глубине души надеялась, оказывается отсрочен по меньшей мере на месяц. Именно за такое время обещают доставить машину в нужном цвете и комплектации.

— Ну что, — присевший на стул, дабы не возвышаться над всеми, папа оборачивается ко мне. — Подождёшь или будем выбирать из того, что есть?

Если учесть, что до этого я успела нашептать нечто подобное, с предложением посмотреть ещё, ему на ухо и получить ответ, что всё уже изучено в интернете и смотреть дальше имеет смысл разве что если мне совсем не нравится, вопрос был не в бровь, а в глаз. Тем более я уже успела наскоро обдумать всё со всех сторон и решить, что точно хочу вот эту конкретную «машинку» в этом конкретном цвете.

— Продлевать аренду будете? — уже мне на ухо ехидно уточняет Фей, а затем уже громче, для остальных. — С удовольствием поработаю это время личным водителем Кристины Сергеевны. Ай, чего дерёшься?

Я вовсе и не дралась, так, слегка двинула разговорившемуся кошаре локтем, зато заработала мамин укоризненный взгляд и, просто бальзам на душу, украдкой продемонстрированный большой палец от Рустама. Ага, не одну меня мохнатый подбешивает.

— Подожду, — уточняю, со вздохом, для папы. Ну а что, покатаюсь ещё месяц на Акценте, велика беда!

— Договорились, — констатирует тот, хлопком по столу подводя итог. — Давайте тогда оформлять.

Это что, у меня правда скоро будет новая машина? Уииии!

Обновление от 22.01.2017

Оказывается, всё это «оформляем» — дело ой какое небыстрое. Так что освобождаемся окончательно мы уже после обеда и решаем по дороге заехать перекусить в какое-нибудь кафе.

Надо отдать Фею должное, на этот раз в нём просыпается совесть (ну, или нечто смутно похожее), так что он даже делает попытку избавить нас от своего общества. Вот только эта самая попытка налету пресекается папой.

— Не дури, сейчас пообедаем, а потом отвезу тебя, куда скажешь. Или какие-то срочные дела?

— Да нет, до пятницы совершенно свободен, — не обращая внимания на «страшные глаза», которые я украдкой изображаю, признаётся этот чересчур честный тип. Мог бы и придумать что-нибудь, между прочим!

— Вот и отлично. Надо же проставиться за помощь с покупкой. Иначе так быстро точно не отделались бы.

Это быстро? Нет-нет, погодите, это быстро?! Тогда и впрямь, спасибо тебе, Феюшка! Поклон низкий. Потом как-нибудь отвешу... А то спина не казённая, сам понимаешь.

По пути к заведению общепита из тех, что поближе к дому, мужчины активно обсуждают характеристики выбранного автомобиля по сравнению со всем, чем только можно, так что нить повествования я теряю очень быстро. И даже задумываюсь на мгновение поехидничать насчёт того, не надумал ли папа сменить дочь на сына, но почти сразу прикусываю язык.

Потому как о сыне он действительно мечтал. Но первая же попытка подарить мне братика едва не стоила маме жизни и навсегда поставила крест на самой возможности в будущем иметь детей. Впрочем, на мне это не сказалось никоим образом и воспитать пацанку, которая бы интересовалась футболом и рыбалкой никто не пытался. Хотя бы потому, что отцу больше нравится хоккей, а сидение на берегу с удочкой он и вовсе считает бесполезной тратой времени.

Сразу после парковки ключи от авто оказываются торжественно вручены маме, с пафосным наставлением:

— Владей, жана!

— Вот ты вредный, — морщится она, щёлкая сигнализацией и убирая брелок в сумку, — знаешь же, что не люблю ночью ездить.

— Погодите, вы в ночь обратно собрались? — вообще-то, почти то же самое собираюсь спросить я, но в этот момент отправляю очередное сообщение Лизке, так что Котов опережает.

— Ну да, часиков в семь поедем, наверное.

— Да бросьте, оставайтесь у нас. В гостиной отличный диван, так что комнату предоставлю полностью в ваше распоряжение.

От этого «у нас» почему-то странно теплеет в груди. Даже больше, чем от самого его предложения. Естественно, я бы хотела провести с родителями больше времени, но приглашать их в чужую квартиру посчитала слишком наглым. Но раз Фей сам проявил инициативу...

— Ну, допустим на отличном диване я и сам поспать могу. А девочки вместе лягут... — задумчивым тоном произносит папа. — Карин, что скажешь?

Мама бросает на меня неуверенный взгляд, натываясь на тут же состроенные глазки Кота в сапогах. Я бы ещё на месте попрыгала, не будь вокруг столько людей.

— Оставайтесь, пожа-а-алуйста!

— Оставайтесь, — повторяет Фей. — А завтра спокойно поедете, по светлому.

— А вот и останемся, — дождавшись кивка законной супруги, подтверждает папа, чем вызываем мой довольный, хоть и достаточно тихий вопль. — Всё равно особо ничего на воскресенье не планировали. Ну что, идёмте трапезничать?

Кошак подмигивает украдкой, едва родители отворачиваются, а я даже не пытаюсь скрыть довольной улыбки, в которой сами собой расплываются губы. Заслужил, что тут скажешь!

После по-настоящему сытного и вкусного, что главное, обеда, я чувствую себя лисичкой, отведавшей колобка и совершенно никуда не хочу идти. Правда ровно до того момента, пока мама не предлагает разбавить день походом по магазинам.

— У нашего главврача юбилей через две недели, мы с Серёжей приглашены, — поясняет она после заявления о необходимости поиска нового платья.

— У Серёжи есть замечательный костюм, — тут же реагирует папа, как и большинство мужчин не считающий шоппинг приятным занятием. — Он его всего раз надевал.

— На дочкин выпускной три года назад, — мамин скепсис понятен, конечно, но в семье у нас все те ещё упрямцы, так что спорить в данном случае практически бесполезно. Зато можно оставить последнее слово за собой, что она и делает. — Значит, сама куплю тебе рубашка. И только попробуй потом не надеть.

Он с усмешкой поднимает руки, будто сдаваясь. Шутки шутками, конечно, но ведь наденет же. Куда он денется.

— Кстати, тут недалеко есть крупный магазин с фототехникой, не хотите сходить, пока дамы заняты? — предлагает Фей, расправляясь с остатками пива в бокале.

— О, так чего сидим? — оживляется папа, едва ли не на лету отлавливая пробегающую мимо официантку. — Девушка, нам счёт, будьте добры.

Но это я отмечаю разве что краем сознания, недоверчиво щурясь на Котова. Об этом-то он откуда знает? Ладно, папина профессия, но хобби?

— У тебя Сноуден в родственниках не значит, нет?

— А ты как думаешь? — вновь подмигивает, уже не скрываясь, господин «я умею добывать информацию».

Честно? Вот ничему уже не удивлюсь!

Стоит нам с мамой оказаться исключительно в обществе друг друга, происходит то, чего я в принципе и опасалась.

— Хороший мальчик, — словно и ничего незначаящим тоном констатирует она и речь явно не о водителе, пропустившем нас на нерегулируемом пешеходном.

— Мама, он хороший притворщик, — закатывая глаза, возражаю я. — И только перед вами такой весь в белом. А на самом деле исчадие Ада, точно тебе говорю!

Она усмехается. Как-то очень знакомо, как обычно делает Лизка, зная что-то, чего не знаю я.

— Что?

— Да нет, ничего, — улыбка так и сквозит в голосе. — Просто вспомнила... как там говорится, девушка выбирает парня, похожего на отца?

— Ну мам, он не мой парень! И на папу не похож вот совершенно.

— О, это ты его в молодости не знала, — пропустив мимо ушей первую часть фразы, эмоционально возражает она. — Как же он раздражал меня тогда, ты представить себе не можешь!

Не то, чтобы я собиралась номинировать их на «Родители века», конечно, бывало всякое. И ссоры, и случаи, когда они могли не разговаривать по нескольку дней кряду. Но мама с папой любили друг друга, этот факт не поддавался сомнениям. И слышать сейчас подобное признание было удивительно до безумия.

— Их три друга было, — видимо, погрузившись в воспоминания, задумчиво произносит она. — Лёша Самойлов, Вадим Панин и Серёжа Останин. Бабники жуткие просто! Ну, не в том смысле, как сейчас, конечно, времена-то были другие.

Ага, в СССР секса не было. А в Азербайджане детей точно аисты приносили.

— Ну и симпатичные, не без того. У них общежитие находилось как раз рядом с нашим техникумом, так что пересекались мы часто.

— Вы с ним?

— Наше три с их. У меня две лучшие подружки были, две Олечки — Смолина и Гришина. И вот ребята решили за нами приударить.

— И обломались, — «догадливо» подхватываю я.

— Естественно! Мы зря что ли до этого наблюдали, как они вокруг других девочек крутятся. Завидные женихи, ага. А мне вообще сын папиного друга нравился, Джамаль. Молчала, конечно, а то быстренько бы сговорили, а замуж мне тогда совсем не хотелось. Ну и вот... Получили мальчики от ворот поворот. Лёша с Вадиком не сильно расстроились, переключили своё внимание на другие кандидатуры, благо их хватало. А Серёжка уже тогда упёртый был, как баран.

Я хихикаю, получив лишнее подтверждение своему мнению. И тороплю:

— А дальше? Дальше что? Как вы всё-таки встречаться начали?

Мы успеваем дойти до торгового центра, но вместо того, чтобы идти по магазинам, я тащу маму к ближайшему свободному диванчику, желая поскорее узнать продолжение.

— Да конечно, встречаться, — иронично усмехается она. — В общем, когда предложение угостить мороженым и приглашение в кино не сработали, он решил — не

мытьём, так катаньем и начал меня преследовать. Учились мы во вторую смену, пары заканчивались поздно, так что зимой по темноте возвращаться было довольно страшновато. Ну и ответственный гражданин Останин каждый день освободившись с работы караулил меня у дверей техникума и провожал домой.

— Так романтично!

— Да-да, особенно если при этом рассказывают какие-то дурацкие шуточки и всячески пытаются вовлечь в разговор, хоть ты сама такого желания не проявляешь. Там такое самомнение было, ужас просто! Мол, как это — она ещё не упала под ноги такого великолепного меня.

В голосе её смешиваются сарказм и реальное, сегодняшнее отношение к отцу, но я непроизвольно задумываюсь совершенно о другом. О том, что в этих словах практически с лёгкостью могу узнать саму себя и одного надоедливого кошака, считающего свою персону наивысшим благом на земле. Может и правда, а? Ну, то высказывание по поводу парня, похожего на отца? Да нет, бред какой-то!

— Но мама у меня кремень, — со смешком демонстрируя отсутствующие бицепсы, хвалю я.

— А то! В общем, недели три он так за мной таскался, удивляюсь, что родителям никто не сказал. А потом пропал. День его нет, второй нет, третий... Сначала-то вздохнула спокойно, а потом беспокоиться начала. Как новая неделя началась, собралась с духом и пошла к его друзьям. Подкараулила у общежития, неудобно-то как было... Так и узнала, что этот дурак ветрянкой заболел.

— С ветрянкой? Серьёзно?

— Ещё как, Серёжке уже почти тридцать было, а чем старше, тем тяжелее протекание болезни.

— И ты, будущий врач не могла оставить пациента без надзора, — подкалываю я, начиная догадываться.

— Язва ты, дочь моя. Конечно, не могла. Раздражал, конечно, но кто бы за ним там поухаживал? Такие же обалдуи, как он сам? Вот и таскала супчики и котлетки, пока не выздоровел.

Я успеваю состроить в голове красивую картинку, как после этого они всё же идут в кино или в кафе, или куда там ещё можно было сходить в советские времена, но в реальности всё оказывается куда более неожиданно.

— А потом кто-то всё же рассказал папе, и тот закатил мне грандиозный скандал. Сразу же нашёлся жених, за которого меня решили выдать, чтобы не позорила семью и... И он сказал — или я соглашаюсь, или не дочь ему больше.

— Обалдеть, — выдаю я, широко распахнув глаза. Разумеется, я знала, что дедушка Георг человек весьма и весьма сложного характера, и что Баку тех годов и сегодняшний — две большие разницы, но подобное всё равно плохо укладывалось в голове. — Что ты... как ты...

Мама немного нервно прокручивает на пальце обручальное кольцо и отвечает на вопрос, который я так и не сумела нормально сформулировать:

— Собрала сумку с самым необходимым и пошла к нему. У Серёжи в общежитии вахтёр очень хорошая была, она пустила нас в одну из свободных комнат, хоть и не по правилам было. Правда спал он в ту ночь всё равно на полу, — губы изгибаются в улыбке. — А на следующий день мы пошли подавать заявление в ЗАГС.

Если до этого момента я ещё как-то справлялась с удивлением, то теперь челюсть всю стремится вниз. Я даже ухо прочищаю, пытаюсь понять, не послышалось ли.

— погоди, вы что сделали?! То есть... то есть он тебя бесил, вы не встречались даже толком, а потом пошли и поженились?

Родительница пожимает плечами:

— Ну, не всегда всё получается так, как в мечтах. Потом, конечно, было трудно, было сложно, но знаешь, если меня сейчас вернуть в тот день, ни минутки не буду раздумывать прежде чем поступить точно так же.

На этой ноте мама замолкает, и я не считаю нужным спрашивать что-то ещё, хотя любопытство и грызёт с восторгом глупого щенка. Просто придвигаюсь к ней поближе и укладываю голову на плечо. Как бы там ни было, результат я имею возможность наблюдать сейчас. У нас замечательная семья, любящая и довольно успешная. И даже с бабушкой мама помирилась давно, по крайней мере на моей памяти они всегда общались, хоть и чаще всего на расстоянии.

И в связи с этим оставался только один вопрос... Если моя мама решила на ТАКОЕ, какого чёрта вечно торможу я, в куда менее серьёзных ситуациях?

Эй, гены, вы там уснули что ли?!

До среды я успеваю накрутить себя так, как не накручивала, пожалуй, даже перед сдачей ЕГЭ. Лиза даже решает поинтересоваться, не заболела ли я, потому как потряхивает меня, оказывается, вполне реально, хоть до этого момента и считала это исключительно происками бурной фантазии.

— Господи, да чего ты, а? Да вы знакомы без году неделю, не думаю, что он успел влюбиться по уши и будет страдать до конца своих дней, — отмахивается чувствительная моя, роясь в сумке в поисках ручки.

— Какая разница, сколько мы встречаемся? Что я ему скажу?

— Скажешь, что он не твой лопушок, а ты не его Андрейка, и у любви у вашей села батарейка-а, — последние слова Лизвета пропевает, как будто самого факта издёвки недостаточно.

— Бэт, ты не помогаешь!

— Ну хочешь, я сама ему позвоню и скажу, что ты больше не желаешь иметь с ним ничего общего и вообще, сохнешь по-другому?

— Ни по кому я не сохну!

— Да не ори ты. Какая разница, сохнешь, мокнешь... Так хочешь или нет?

— Нет, конечно, это уже вообще хамство за гранью добра и зла, — пытаюсь втолковать я, хотя сама идея перекинуть эту проблему на чужие плечи кажется ох какой заманчивой, что тут лгать. — Илья такого не заслужил.

— Ой, Илюша хороший, Илюша добрый, — голосом попугая соглашается подруга. — Хватит его идеализировать, а? Там небось недостатков на целый глоссарий, просто он их скрывает тщательно.

Вошедший в аудиторию преподаватель прерывает спор, так что мне остаётся только ворчать мысленно, потому как ответить, если честно, особо и нечего.

Оставшееся время я успокаиваюсь как могу, даже закидываюсь парочкой таблеток валерьянки, не до конца веря в их эффективность. Нет, ну правда, это бредово как-то, так переживать, но переживаю всё равно — организму на доводы рассудка плевать с высокой колокольни.

Так что, когда в обед телефон разряжается знакомым рингтоном, я едва не упускаю его из рук на землю прежде чем принять вызов.

— Привет, маленькая.

— Привет, Илюш, — издав в сторону произвольное «кхе-кхе», отзываюсь я. — Ты в аэропорту уже?

— Да, только досмотр прошёл. Посадка через полчаса начнётся, так что коротаю время в кафе. Какой тут чай отвратительный, ты себе не представляешь!

— Ну ничего, скоро приедешь домой и выпьешь настоящего, — улыбаюсь я страданию в его голосе.

— Это точно. Вот вроде привык к командировкам, но эта меня подвымотала. Надеюсь, в ближайшие пару недель никаких поездок не предвидится.

— Я тоже на это надеюсь, — соглашаюсь раньше, чем осознаю — если всё пойдёт

согласно плану, уже завтра мне будет в принципе безразлично, куда и когда его отправят. — Мы... мы увидимся сегодня?

В трубке повисает молчание, от которого мне почему-то становится не по себе. Словно Илья каким-то непостижимым образом догадался о предстоящем разговоре и теперь думает, как бы от него отвязаться.

— Я только прилечу почти в восемь, пока до дома доберусь. А у тебя пары завтра рано. Может, лучше заберу тебя завтра после занятий и сходим куда-нибудь? — предлагает он, наконец, когда я уже отвожу телефон от лица, чтобы проверить, не прервалась ли связь.

— Да, конечно, давай так, — стараюсь удержать лёгкость в голосе, соглашаюсь я. — Как раз займусь рефератом, чтобы потом впопыхах не делать.

— Сознательная моя, — от тепла в голосе у меня чуть ли слёзы на глазах не выступают. А может это всё дурацкий ветер, так и норовящий забраться даже под капюшон пуховика. — У тебя перерыв сейчас?

— Ага, подруга в очереди за гамбургерами стоит, а я поблизости прыгаю.

— Не замёрзла?

— Думаю, у нас потеплее, чем в этом вашем Ханты-Мансийске будет, — принуждённо смеюсь я.

— Это точно.

Лиза вдруг начинает изображать ветряную мельницу, подзывая к себе, видимо не в силах справиться с великолепным выбором общепита.

— Илюш, там подруга машет чего-то, пойду к ней. Напишешь, как вылетишь и прилетишь, хорошо?

— Конечно. До скорого, Кристин.

— До скорого, — эхом откликаюсь я, завершая вызов.

И всё же, почему мне кажется, что он обо всём догадался?

Вечером, расправившись с домашними делами, я как примерная студентка усаживаюсь за ноутбук и чёртов реферат. Конечно, времени до следующего понедельника ещё полно, включая выходные, но раз уж всё равно вспомнила про него, почему нет. Тем более где-то внутри копошится надежда, что такое отвлечение сработает.

В общем-то, частично и впрямь работает, в кучу распечаток и ссылок погружаюсь буквально с головой, выныривая разве что сбегать за очередной кружкой чая и ответить на сообщения Ильи. Тот исполнительно отписывается о каждом взлёте и каждой посадке, а из аэропорта в Москве умудряется ещё и прислать пару фото дьютифришных магазинов и одно — очаровательного мопса в комбинезоне, похожего на Марио. Впрочем, последнее несколько странно, ведь раньше за ним такого не водилось...

Так или иначе, в одиннадцать я доделываю список литературы, сохраняю файл и отправляюсь в душ с твёрдым намерением по возвращении забраться под одеяло и предаться дикому и безудержному...хм...сну. Даже в пижаму переодеваюсь, следуя этому курсу.

И вот, уже сидя на краю кровати понимаю — не могу. Если придётся пережить ещё одну ночь и ещё один день прежде, чем расставить, наконец, все точки над і, я точно заработаю какой-нибудь нервный срыв. Хотя раньше и подумать не могла о чём-то подобном.

На то, чтобы надеть лифчик, носки, джинсы и первую попавшуюся под руку толстовку на молнии уходит буквально пара минут. Собрать волосы в хвост, схватить сумку с

документами и ключами — ещё две. Обуваюсь и натягиваю пуховик я буквально налету, опасаясь, как бы Фей не вышел из своей комнаты и не начал задавать вопросов, ответить на которые я сейчас совершенно не была готова.

Завести авто, смахнуть дворниками несколько прилипших листьев и в путь, пока смелость окончательно не засунула голову в песок. Ну, с Богом!

Ночной город практически пуст и подмигивает жёлтыми светофорами, так что путь до дома Ильи я преодолеваю минут за пятнадцать, не больше. Серый Фокус припаркован во дворе, но это не показатель, он явно ждал хозяина здесь, ведь у аэропорта оставить его особо негде. Зато свет, включённый в коридоре и пробивающийся сквозь окна кухни вполне себе аргумент, что мой, пока ещё, парень не спит.

Преодолев калитку, я наудачу дёргаю ручку входной двери, обламываюсь и тянусь за запасным ключом, спрятанным под подоконником. Вхожу, отчего-то, на цыпочках, словно не желая потревожить раньше времени. Ещё одна дверь, ведущая с веранды в сам дом и...

И застываю буквально на пороге, пригвождённая к месту раздающимися из спальни стонами.

Звуки секса ни с чем не перепутать, как ни старайся. Мозг ещё пытается предлагать варианты, вроде того, где Илья решил на ночь посмотреть порнушку, вот только понимание, что дело обстоит иначе уже встаёт в горле тяжёлым, колючим комом.

Свет и впрямь горит только в коридоре, зато дверь в спальню распахнута, а за время, проведённое в этих стенах я успела выучить, что это означает. И прямо так, не разуваясь, в каком-то сомнамбулическом состоянии, я делаю семь шагов, необходимые, чтобы убедиться в своей правоте.

Никогда не страдала вуайеризмом, а сейчас вновь замираю, глядя на распластавшуюся по глади постели парочку. Отмечая вульгарно-красные ногти, вцепившиеся в знакомые плечи, впалый позвоночник, по которому всего пару недель назад скользили именно мои пальцы, и ноги какой-то черноволосой швабры, обвившиеся вокруг поясницы Ильи.

Действительно Илья, теперь не могло быть и сомнений. Надежда, что он мог дать ключи кому-то из знакомых окончательно рассыпается прахом.

Голова девицы запрокинута назад, а глаза закрыты, так что моё появление остаётся незамеченным. И лучше, если это и останется таковым, осознаю, делая эти же семь шагов назад, лишь чудом не вписавшись в гарнитур прихожей.

Не хочется сейчас ни объяснений, ни скандалов. Не хочется вообще ничего, кроме как сбежать поскорее, неважно куда. Рука опускается в сумку, на ощупь отыскивая брелок сигнализации, который я зачем-то бросила туда, вместо того, чтобы положить в карман. Но наталкивается на коробочку, в которой Илья подарил мне серьги и в где сейчас лежали старые золотые колечки.

Не задумываясь, я выцарапываю из ушей чертовых бабочек и наобум сую их в футляр, оставляя на краешке полки, как раз на уровне глаз господина Романова.

А потом окончательно ухожу в ночь, даже не подумав запереть дверь.

Обновление от 25.01.17

Более-менее прихожу в себя я только услышав хлопок закрывающейся двери, причём уже выходя из Акцента в нашем дворе. Дорога до дома остаётся в памяти какими-то

тусклыми прерывающимися картинками, словно произошедшими с кем-то другим. И бог знает, как я вообще умудряюсь добраться в целостности и сохранности, не врезавшись в столб или не поприветствовав бампером соседей по потоку.

На углу соседнего дома кокетливо подмигивает огнями круглосуточный магазинчик, в котором, кроме прочего, продают алкоголь вне зависимости от времени суток, как по большому секрету сообщил недавно разбирающийся в теме сосед с третьего этажа. Будто мне было до этого какое-то дело, право слово. Но сейчас ноги будто сами несут в том направлении, а руки распахивают боковое отделение, пытаясь подсчитать, сколько с собой налички.

Продавщица в лучших традициях Советского Союза — необъятных размеров, с химией на пережжённых волосах и синими тенями, косит в мою сторону, нехотя оторвавшись от несомненно высокоинтеллектуальной беседы с каким-то «красавчиком», на её фоне выглядящим Кощеём, ни больше ни меньше. А я прохожу внутрь тесного, заставленного прилавками зала к тому, где выставлены бутылки с высокоградусным содержимым.

И вот только тогда, скользя по знакомым и не очень названиям, смаргиваю шокировано, осознав, зачем сюда пришла. Серьёзно, Крис?!

Из магазина меня выносит быстрее, чем болид в гонках Формулы-один, а потом сгибает пополам, заставляя сплюнуть горьковатую слюну. Бред какой-то, ну правда! Как будто и впрямь произошло что-то непоправимое. Устроила катастрофу фактически на пустом месте и решила это место залить низкопробным пойлом? Вот ещё, придумала! Всё равно собиралась сама его бросить, затем и ехала, так какая, к чёрту разница, что меня опередили?

Но внутри уже формируется понимание, что не в самом факте измены дело, точнее — не совсем в нём. А в том, что я каждый млятский раз умудряюсь танцевать чечётку на одних и тех же граблях. И в сознании так замечательно складываются в один диафильм кадры из клуба с Феём, целующим Фирсову, образ Маркова, лобызающегося с одной из тех, кого я считала если не подругой, то хорошей приятельницей точно, и картина с Ильёй, кувыркающимся с какой-то девицей.

Судьба, да что ж ты за сука такая, а?

Вспомнив, что так и не удосужилась закрыть машину, я нажимаю кнопку на брелоке и бреду в сторону подъезда, с чётким намерением упасть лицом в подушку и проспать до самого утра. На этот раз без всяких эксцессов и гениальных планов, на деле оказавшихся дерьмом собачьим. Вот только просчитываюсь, как всегда.

Трясти меня начинает не в лифте даже, рядом с его дверями, пока металлическая кабинка с лязгом спускается откуда-то сверху. Не помогает даже обнять себя за плечи, облачённые в толстый пуховик и повыше подтянуть шарф, чудом не потерянный по дороге.

Чувствую себя как наркоман, которому срочно нужна новая доза. Хотя, откуда мне знать, как они себя чувствуют в подобных случаях? Хочется орать, бить по стенам руками и ногами, да хотя бы расколотить ублюдское зеркало с рекламой провайдера в углу (не одному же Фею это позволено), но я лишь предельно аккуратно нажимаю кнопку седьмого этажа, стараясь дышать глубоко и размерено.

Чёрт, вот почему родители отдали меня в художку, а не на борьбу? Нормально рисовать всё равно так и не научилась, только срисовывать, зато выместить все кипящие внутри эмоции бумага сейчас помочь никак не могла. Да у меня даже дартса нет, чтобы бросать дротики в фото этого козла. Впрочем, что уж, фото нет тоже.

В квартире непогашенный свет в коридоре, который я теперь нескоро, пожалуй, начну

воспринимать нормально, и звенящая тишина. Может, оттого так громко раздаётся звук удара двери шкафа о его стенку. Ну уж простите, не удержала. Поправив так и норвящий высунуться мех, задвигаю её обратно, сбрасываю в угол сапоги с сумкой и разворачиваюсь, натываясь на выглянувшего из комнаты Тимофея.

Он стоит молча, упираясь обеими руками в дверную коробку над головой, как всегда без футболки, весь какой-то взмыленный, с поблескивающими на груди капельками пота. И я бы точно заподозрила его в том же, за чем застучала Илью, если б не взгляд. Спокойный, разве что удивлённый слегка, судя по приподнятым бровям.

Наверное, мне стоило сейчас извиниться за шум и юркнуть в свою спальню. Да что там, точно стоило. Но я не делаю этого, замирая в паре метров от него, вновь непроизвольно сжав ладонями предплечья, пытаюсь то ли согреться, то ли удержать себя в руках.

Впрочем, почему бы не передать эту миссию тому, кто определённо справится лучше? И выместит, выбьет из головы картинку сплетённых на кровати тел...

Фей выдыхает изумлённо, когда я преодолеваю расстояние между нами, буквально набрасываясь на него. Но реагирует почти сразу, обнимая в ответ, стискивая едва не до боли в рёбрах. Два оборота вокруг оси и мы уже в комнате, за хлопнувшей дверью, которую кто-то додумался толкнуть ногой.

Это даже поцелуем-то назвать сложно, скорее взаимные укусы, я уже чувствую солёный привкус на губах, но он, кажется, совсем не против такого начала. Убрав руки из волос Фея, в которых те успели запутаться, я дёргаю молнию толстовки, поспешно отбрасывая её куда-то назад, слегка уравнивая нас в количестве одежды. И тут же чувствую пальцы, заскользившие вдоль по спине, с торопливой тщательностью пересчитывающие позвонки. Мои руки переползают на его плечи, понуждая опуститься вниз и Котов подчиняется, послушно усаживаясь на ковёр. А затем и мне помогает устроиться поудобнее, оседлав его бёдра. До кровати метр физически и с пару световых лет морально, так что ни один из нас не делает и попытки добраться до неё. И здесь всё прекрасно, ну в самом-то деле...

Влажные губы перемещаются на шею, и я податливо запрокидываю голову назад, открывая доступ к неизведанным пока территориям. Пробивающаяся щетина щекочет и царапает нежную кожу, вот только на то, чтобы отстраниться нет ни желания, ни возможности.

— Крис...

Молчи! Только молчи, прошу тебя! Не хочу ни слышать, ни думать, вообще ничего не хочу, кроме...

Я заставляю его оторваться, затыкая ещё одним грубым поцелуем-укусом, и Фей откликается с жаром, который даже вообразить сложно. Затем пространство на секунду переворачивается и в следующее мгновение я оказываюсь лежащей на спине, прижатая к полу телом, похожим на натянутую струну. И с одной шершавой ладонью, расположившейся между лопаток.

Щелчок застёжки лифчика, проскользившие по плечам бретели и вот очередной лишний элемент отлетает в сторону. Не уверена, что Фей вообще разглядел хотя бы цвет оногo, но какая разница, право слово. Зато теперь можно прижаться грудью к груди настолько плотно, что чувствуется биение чужогo сердца. А чуткие пальцы, тем временем, спускаются ниже, пока не менее чуткие губы продолжают отвлекать внимание на себя.

Обнаружив отсутствие ремня, джинсы он с меня попросту стягивает, не расстёгивая,

парой резких движений, ради такого даже прервав поцелуй. Причём сразу вместе с трусиками, не иначе чтобы не терять времени зря. А после и носки, совершенно по-кошачьи потеревшись щекой о щиколотку и едва не схлопотав удав непроизвольно дёрнувшейся ногой.

Нечестно. Абсолютно нечестно, на мне из одежды разве что резинка на косичке, а на нём — как минимум шорты. И эту вселенскую несправедливость я спешу исправить, едва не затянув шнуровку на поясе ещё сильнее. Но в результате всё же справляюсь, спуская их сначала руками, а потом помогая себе ногами. К счастью, Фей с немалым энтузиазмом оказывает содействие.

Ох, а кто-то вообще без нижнего белья? Вот же бессовестный! Погодите, а если он всегда так ходил? Чёрт, Котов...

Длинные пальцы невыносимо медленно скользят от колена вверх, вырисовывая какие-то немыслимые узоры, подбираясь к самому слабому месту в моей обороне. Впрочем, с его-то подходом к делу все бастионы давно готовы сдаться без боя.

— Без прелюдий, — прошу я, краем сознания отмечая, как хрипло звучит голос.

Фей кивает, и не подумав спорить. И правда, у нас полтора месяца как одна большая, затянувшая прелюдия, куда уж дальше?

Скатившись с меня, он тянется к тумбочке, выдвигая верхний ящик, но как-то умудряясь уронить с поверхности сначала телефон, свалившийся с грохотом, а затем и пульт от люстры. Впрочем, последний — к общему благу, поскольку ударяется он кнопками, погрузив комнату в темноту, растворяемую лишь светом луны с улицы.

Пальцы всё-таки касаются бедра, ошибившись лишь несколькими сантиметрами, но быстро исправляют оплошность, заставляя закусывать уже собственные губы, ловя рвущийся с них стон. Перебирают легонько, даже не пытаюсь усилить нажим и, прохладно-влажные, поднимаются к груди, под аккомпанемент тихого шелеста фольги и тяжёлого дыхания.

Фей входит резко, одним слитным, уверенным движением, одновременно целуя и проникая между губ языком. А потом вдруг замирает, несмотря на ещё один стон, на этот раз протестующий.

— Не больно?

Тон у него обеспокоенный и, хоть я не любитель болтовни во время секса (банально не в состоянии одновременно вести сознательные диалоги и сосредотачиваться на ощущениях), вынуждена ответить, пока он не надумал себе чего-то лишнего.

— Всё хорошо.

И это не ложь, но и не вся правда. Потому как одно маленькое слово «хорошо» не в силах вместить в себя всего, что я чувствую. И в первую очередь понимания — оно того стоило. Чем бы ни закончилось в итоге, определённо стоило. Стоило бессонных ночей, слёз, ссор, язвительных фраз, украдкой брошенных взглядов и чёрт знает, чего ещё, что привело в итоге к такой вот развязке. Или завязке чего-то нового.

А когда Фей всё же начинает двигаться, всё окончательно летит в тартарары...

Я думала, что Илья умеет читать мысли? Какая наивность, кто бы знал! Он предугадывал лишь то, в чём я не постеснялась бы признаться вслух. Котов проникает куда глубже, во всех смыслах этого слова.

И пусть на вздёрнутых вверх, плотно прижатых к полу руках завтра точно будут синяки, а на шее, в которую он почти вгрызается голодным вампиром, засосы, сейчас это именно то, что нужно. Он порывистый, стихийный, не зря с тем первым после перерыва поцелуем в

голову пришло сравнение с торнадо. Наверное, именно поэтому дышать получается с трудом, а сдерживать стоны не получается вовсе. Но пока Фей не против, а он лишь вбивается сильнее после каждого вскрика, всё в порядке.

Наши тела настолько подходят друг к другу, как какой-нибудь дурацкий инь-ян, что в это трудно поверить, но так и есть. Мелькает мысль — как жаль, что в тот вечер в клубе мы так и не добрались до постели, но тут же пропадает, будто волной смытая.

Зубы, смыкающиеся на мочке уха, рука, плотно обхватывающая грудь, ноги, оплетающие узкую талию... Кадры сменяются так быстро, что сложно уследить, да и надо ли? Главное ведь совсем другое. Я едва не с самого начала нахожусь в почти предоргазменном состоянии, хотя оно, очевидно, не может длиться столько времени. Вот только у Котова отлично получается опровергать существование всяких глупых парадигм.

Прямо же сейчас он замедляется вдруг, а после и вовсе подаётся назад, несмотря на протест и попытку помешать. Я ещё пытаюсь возмущаться, не понимая, в чём дело, когда вдруг оказываюсь перевёрнута на живот и прижата к ковру тяжёлым телом. А он уже входит, в этой позе как-то особенно глубоко, задевая внутри ту самую чувствительную точку, как бы она там ни звалась в книгах и сколько бы ни спорили о её существовании.

— Ч-чёрт, детка... — прерывисто выдыхает Фей прямо на ухо, когда я непроизвольно зажимаю его внутри.

Убью, мерзавца! Потом... непременно... Сейчас же подаюсь назад, отвечая на каждый его выпад и выгибая спину едва не до хруста. Она тоже будет болеть, как и каждая клеточка кожи, трущаяся о мягкий, но всё же ковёр. Только это будет потом.

Ну же, Котов, чёрт тебя побери, мне нужна эта разрядка! Как воздух нужна, а может и больше, потому как дышать я точно разучилась минут двадцать назад, не меньше. Как и он сам, судя по губам, прижавшимся к моей шее. И когда я уже практически готова молить об этом вслух, он вдруг прикусывает кожу на загровке — сильно, на границе боли и удовольствия. А несколько грубых движений с сумасшедшей амплитудой наконец-то приводят к финалу. Приводят нас обоих, с разрывом в ничтожные пару секунд...

Не знаю, есть в обычном сексе понятие, сходное с сабспейсом, но описанию из интернета — весьма на то похоже. Окончательно сознание возвращается, когда Фей успевает избавиться от презерватива и устроиться рядом, даже перетянув меня к себе на плечо. Кожа мокрая, впрочем, сама я вспотела едва ли меньше, но сопротивляться и не думаю, с удовольствием уткнувшись носом в изгиб шеи.

— Это... было...

— Охренеть, — совершенно честно выдаю я, так и не дождавшись, пока он подберёт определение.

— Согласен, — хрипло смеётся он. — Сколько раз представлял, как это будет, но...

Это точно, вообразить, что всё будет именно так не могла даже моя, не самая скудная фантазия. К счастью, конкретизировать или анализировать Котов, похоже, не собирается. И продолжать говорить тоже, замолкнув на полуслове. Только мерно двигающаяся ладонь, поглаживающая моё предплечье, говорит о том, что он не уснул.

Дыхание успокаивается слишком медленно, а к тому моменту, когда сердце перестаёт напоминать ритм марафонца, начинаю задрёмывать уже я.

— В душ и спать? — интересуются над ухом, прервав этот восхитительный процесс.

— Р-р-р... — выдаю, вместо ответа, представив только, сколько понадобится сил на

подобное.

— Понял, просто спать, — покладисто соглашается он. — Кровать?

На этот раз я попросту игнорирую, но у Тимофея самообладание, похоже, превышает все мыслимые и немыслимые границы. Потому как он умудряется дотянуться до одной из подушек и стащить на пол одеяло, укрыв нас обоих едва ли не с головой.

Подушку Фей оставляет себе, но тут я не в обиде, прекрасно обойдясь плечом, на котором так прекрасно лежать. Как и на ковре, собственно, пусть сам факт сна на нём выглядит на редкость нелепо. Хороший же ковёр, что такого? Хотя попу я об него натёрла, будь здоров...

На лёгкий поцелуй отвечаю почти машинально, почти уже во сне. Утром настанет новый день, в котором придётся столкнуться с последствиями всего этого, но... Завтра, всё завтра. А пока, спокойной ночи, Фей. Спокойной ночи, мой личный волшебник.

Из сна меня выдёргивает вовсе не будильник (и это понятно, так как поставить его никто вчера не додумался), а разрывающийся звонками телефон. Знакомый рингтон Modern Talking доносится даже сквозь закрытую дверь и это при учёте того, что трубка валяется где-то в недрах сумки в углу коридора. О, Илья Батькович соизволили открыть свои глазоньки и обнаружить мой прощальный подарочек? Козёл...

На третьем круге мелодии я осознаю, что он не отвяжется и, злобно стискивая зубы, открываю-таки глаза.

Не знаю, что там говорит о полезности сна на полу современная медицина, а я чувствую себя так, словно асфальтовый каток переехал туда обратно пару десятков раз. Всё что может болеть — болит, что не может — затекло, а несчастная попа в компании коленей, лопаток и даже груди намекает, что трение — вещь, безусловно, замечательная, но исключительно в рамках курса физики.

Фей почивает сном младенца, который не беспокоят ни какие-то там звонки, ни моё копошение в попытках принять вертикальное положение. Лохматый, с припухшими губами (на нижней даже виден лёгкий след от укуса), с длинными ресницами, отбрасывающими тень на щёку, такой милый и домашний, что первым желанием оказывается уткнуться обратно в его плечо и ни о чём больше не думать. Особенно о том, чем в итоге всё это обернётся и к каким результатам приведёт.

Конечно, своё отношение ко мне Котов выразив неоднократно и вполне определённо, но где гарантия, что он не передумал? Или не передумает теперь, получив бонус в виде меня, самой бросившейся к нему на шею? Только думать о нём в таком ключе отчего-то никак не получалось. Кто же подскажет, с каких пор я настолько ему доверяю?

Из-под одеяла я выбираюсь со всей возможной осторожностью, стараясь не разбудить. Впрочем, памятуя о том вечере, когда он уснул в гостиной, подобные старания могут быть не особо и нужны... В любом случае, ему на пары позже, а мне не придётся иметь дело с последствиями своего поступка прямо сейчас.

Не знаю, в чём именно дело, в не до конца включившемся сознании или в чём-то ещё, но стыда за произошедшее я не ощущаю вовсе. Разве что ту его форму, которая заставляет кровь приливать к щекам от мысли «вот это мы вчера отожгли». Но собирая по полу разбросанные в далеко не художественном беспорядке вещи, нет-нет да и поглядываю украдкой на кошака.

Пропущенных на телефоне уже четыре, плюс сообщение «Пожалуйста, возьми трубку!»; но все их я игнорирую с поистине слоновьим спокойствием и, отрубив звук, направляюсь в ванную. Точнее, собираюсь туда направиться, непроизвольно зацепившись взглядом за отражение в зеркале. Ох ты ж бли-и-н!

Отсутствие одежды позволяет в полной мере оценить всю прелесть моего положения, в котором лёгкие покраснения на ягодицах и спине лишь малая из бед. Красноватые же следы от пальцев, опоясывающие запястья, тоже не самая большая, в отличие от двух роскошных засосов по обе стороны шеи. Их цвет я вовсе затрудняюсь идентифицировать, запутавшись во всей гамме багряного «великолепия». Ну, дорогой мой, я тебя это ещё припомню. И отомщу,

непрерывно отомщу!

Но времени на раздумья, как и на рефлексии совершенно нет, так что я всё-таки продолжаю ранее проложенный маршрут. И почему я должна идти в университет после самого шикарного, что уж греха таить, секса в жизни? Это был риторический вопрос...

Выскочив из дома с такой скоростью, будто за мной гонится стая бешенных собак, я делаю то, чего не делала уже несколько лет — выключаю мобильный телефон. Почему-то ни авиарежим, ни режим «не беспокоить» не кажутся достаточной гарантией того, что в ближайшее время кое-кто не попытается удовлетворить свою страсть к общению. Тогда как сама я в данный конкретный период разговаривать ни с одним из двух мужчин готова не была, пусть и по совершенно разным причинам.

Правда как-то очень зря забываю о запасных вариантах для одного из них.

— Да, только что пришла, — первое, что я слышу, упав на скамейку рядом с Лизой, прижимающей к уху айфон. Надежда, что говорит она о себе, умирает, как только звучит следующая фраза. — Да, сейчас дам трубку.

Догадавшись, кто жаждет меня услышать, я судорожно мотаю головой, но подруга непреклонно суёт трубку в руки, шипя, как заправская змея:

— Поговори с ним!

Спорить за несколько минут до начала пары не хочется, да и что мешает Фею найти меня самому, когда расписание висит внизу и доступно каждому желающему? Не прятаться же от него под партами, право слово.

— Слушаю? — интересно, это только кажется, что жизни в моём голосе не больше, чем в замороженной рыбе в витрине магазина или на самом деле так?

— Крис, какого чёрта?!

Я бы с удовольствием проинформировала, что белобрысого и сероглазого, по имени Илья, но втягивать Котова в эту историю последнее, чего хотелось бы. Так что просто уточняю:

— Ты о чём?

— О чём? Серьёзно? Какого чёрта ты сбежала?

— Вообще-то, у меня гражданский процесс в восемь. Не всем же ставят зачёты за красивые глазки.

Если честно, подколка не по адресу, хоть глаза у Фея и впрямь ничего. Но объяснить рационально причину побега — занятие не самое простое, особенно при учёте как минимум одной пары любопытных ушей, подогревающихся от нашего разговора.

Скрип зубов в трубке слышен вполне явно, и вот это уже точно не моя фантазия. Как и глубокий вдох — видимо, что-то из дыхательной техники либо же банальная попытка успокоиться. И уже более мирно, почти безнадежно:

— Крис...

Мне даже немного жаль его, честно. Но организм от уличного холода просыпается окончательно, позволив прочувствовать всю гамму полагающихся ощущений и эмоций. Так что себя жаль куда больше, со всем этим дерьмом в раскальвающейся голове, поспавшую меньше, чем было необходимо и вообще, сильнее всего желающую забиться в какой-нибудь угол, где никто не найдёт ближайшие несколько дней.

— Пожалуйста, давай не сейчас? — прошу, понижая голос до минимума. — Поговорим дома, ладно? Мне... мне просто нужно немного времени.

Не думаю, что Тимофей ожидает от меня подобных слов и подобного тона. Да я и сама не ожидала, что тут скажешь. Но поговорить нам действительно нужно и до вечера предстояло взять себя в руки и попытаться понять, что именно сказать.

— И ты не сбежишь куда-нибудь на Тибет, пока я буду в универе? — помолчав, уточняет Котов.

— Обещаю.

— Хорошо. Тогда не буду тебя беспокоить до вечера, можешь включать телефон, — вообще-то нет, пока не могу, но об этом ему знать не обязательно. — И, Ариэль?

— Да?

— Не накручивай себя, как вы, женщины, любите это делать.

— А ты, я смотрю, великий знаток женской психологии? — странно, но от голоса Фея и впрямь делается спокойнее.

— Станешь тут... — не раздражённо уже, лишь с небольшой долей усмешки ворчит он. — Всё, удачи на парах.

— Спасибо, — отключаясь ровно в ту секунду, когда раздаётся звонок и в кабинет входит преподавательница, совершенно искренне благодарю я, возвращая телефон законной владелице.

— Что, чёрт возьми, происходит? — наклонившись над партой, шёпотом интересуется «нелюбопытная» моя.

Черти вообще второй день на пике популярности, ага. Но расскажи я Лизе хоть завязку вчерашней эпопеи, одним «Что, млять?» она не обойдётся. А у нас лекция и мегера в климаксе, не переваривающая, когда говорит кто-то, кроме неё.

И всё же... «Алло, Галочка? Ты сейчас умрёшь!», не меньше.

— Застукала вчера Илью верхом на какой-то ш-ш... швабре, — исправляясь в последний момент, шепчу в ответ ей на ухо. В конце концов, девушка и впрямь могла не знать, что её обоже вроде как состоит в отношениях, так к чему навешивать ярлыки раньше времени.

— Что млять?!

Ну, а я что говорила? Как приятно иногда предугадывать реакцию лучшей подруги. Не в данном случае, конечно, но всё-таки.

— Инга Германовна, Останиной плохо, могу я проводить её в медпункт? — неожиданно выдаёт Лизавета, пока преподавательница раскладывает по поверхности стола ведомости и книги.

Очевидно, выгляжу я и впрямь отвратительно, раз ответом служит цепкий взгляд и последовавший за ним дозволительный жест в сторону двери. И подруга, не мешкая больше ни секунды, практически волоком утягивает меня к выходу. А затем, понятное дело, вовсе к лифтам, чтобы добраться до медсестры, а в противоположное крыло, на скрытую каким-то разлапистым растением скамейку.

— А теперь ещё раз и подробно, — глаза у неё какие-то маниакально-бешеные, впору испугаться, но это же Лиза, один из самых людей, которых я знаю. Ну, до того момента, пока ты не пытаешься утаить от неё информацию.

— Тебе в позах и с озвучкой?

— Кр-р-ристина! — рычит подруга, сминая в ладони ручки сумки, которую зачем-то прихватила с собой.

Складывается впечатление, что если не начать каяться прямо сейчас, можно получить этой же сумкой по кумполу. Но она выбирает далеко не лучший способ общения с

невменяемой мной.

— Да что?! Завалилась к нему вчера ближе к полуночи без предупреждения и имела честь лицезреть сцену в лучших традиция Браззерс. Убедилась, что это действительно Илья, а не какая-нибудь парочка, забравшаяся в чужой дом в поисках острых ощущений, и отчалила.

— И ты просто ушла?!

— А что мне нужно было сделать, прервать на самом интересном месте и прослушать какое-нибудь животрепещущее пояснение вроде «Ты не так всё поняла?». Да ладно, и так всё ясно, какой смысл пинать мёртвую лошадь или, ещё хуже, препарировать её труп? Совет им да любовь, пусть дальше сами разбираются, я в этом дерьме копать не нанималась, — брезгливо морщю я нос только представив картину, как влетаю в спальню и закатываю скандал.

— Боже, ты невозможна, — стонет подруга, осторожно, чтобы не смазать макияж, закрывая лицо руками. — Вот где не надо, ты смелая, а где надо — сразу задний ход даёшь. Устроила бы там Мамаево побоище, может в следующий раз головой думал, а не головкой.

— Это уже не мои проблемы, чем он там будет думать. Да и какая разница, я же всё равно ехала сообщить, что мы расстаёмся.

— Ну, тоже верно, — подумав, соглашается Бэт. — Но я бы гадость какую сделала, нельзя же так это оставлять... Хотя ладно, пошёл он, мудачина! Ты же не расстраиваешься сильно, правда? Я, конечно, не думала, что косяк настолько огромный выйдет, но там сразу понятно было, не может всё быть настолько хорошо.

— Нет, — откликаюсь не раздумывая и предельно честно, — уже нет. Просто дико хочу спать, мозг почти не варит.

— Ага, заметно, выглядишь не очень, — тоже честно соглашается Лиза. — Вообще не спала, что ли? Не рыдать надо было, а отомстить ему, злостно изнасиловав Фея. Думаю, он даже согласился посопротивляться, если бы ты попросила.

Я пытаюсь шустренько взять себя в руки и отшутиться, но не успеваю. Потому как на лице Лизаветы начинает проступать выражение, ничего хорошего не сулящее.

И точно:

— Погоди-погоди, — явно что-то прикидывая в уме, складывая известные ей факты и виртуозно додумывая неизвестные (в последнем ей и впрямь конкурентов нет), медленно произносит она. — Тимофей тебя искал... почему?

Не краснеть! Ну же, Кристина, только не вздумай краснеть, тебе нечего стыдиться! Вот только тело явно думает иначе и кровь, судя по ощущениям, стремительно приливает к щекам.

— А-бал-деть, — по складам констатирует Лизка, будто сама себе не веря. — Скажи, что я не ошибаюсь, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

И такая надежда у неё в голосе, что я просто не могу разочаровать подругу, которая, похоже, прямо пальцы крестиком держала в ожидании этого момента. Бросив быстрый взгляд в сторону по-прежнему пустого коридора, я осторожно отгибаю высокий воротник водолазки, демонстрируя часть своих «украшений» на ближайшую неделю, как минимум. И тут же оказываюсь оглушена пронзительным писком в ухо, прижата к груди с почти полным прекращением доступа к воздуху и смачно поцелована в макушку.

— Господи, да! Свершилось! Я дожила до этого дня!

— Да тише ты! — с трудом отвоевав право на свободу, шикаю я. — Сюда сейчас люди

сбегутся, а уж их я точно не жажду посвящать в подробности своей интимной жизни.

— Ай, не сбегутся. Меня, меня посвяти!

— Лиза... — укоризненно произношу я, покачав головой и просто не зная, как это ещё комментировать.

Подруга улыбается во все двадцать восемь:

— Окей, не посвящай. Просто скажи, вы теперь вместе? Вместе же, ну?

— Не знаю.

— Что, блин, значит — не знаю? Я тебя убью сейчас!

— Это я тебя убью и прикопаю где-нибудь, ты невозможная, вообще. Вчера не до разговоров было как-то, а сегодня я сижу здесь, как ты видишь. Когда мы должны были обсуждать курс на будущее, а?

Лизавета слегка приглушает энтузиазм, виновато почёсывая нос:

— Не подумала, прости... Просто правда безумно за вас рада.

— Рано.

— Ой, брось, всё будет хорошо. Теперь-то, когда всякие юристишки на пути не стоят, точно. Ты сама-то этого хочешь?

И впервые за чёртову уйму времени я решаюсь признаться об этом не только себе, но и вслух:

— Хочу.

— Значит, точно будет, — убеждённо кивает она.

А я почему-то верю.

Тимофей в очередной раз подтверждает свою способность выполнять обещания, так что в течение дня мы с ним не пересекаемся. Хотя я не до конца уверена, что заскочивший на одной из перемен Лёня не был дополнительно проинструктирован на момент проверки, не сбежала ли я. Ну, или Лиза могла, например, слать ему сообщения с почасовой геолокацией...

Естественно, не думать насчёт грядущего вечера совсем, не получается. Мозг скрупулёзно перебирает варианты того, что и как сказать, но остановиться в итоге не может ни на одном. Господи, насколько проще было в детстве, а? Ты просто подходил к понравившемуся человеку (причём совершенно не важно, какого он был пола и подозрений в «неправильности» ориентации это не вызывало) и говорил «Давай дружить?». Вот почему сейчас нельзя так же? На этой мысли я нервно усмехаюсь, представив реакцию Фея на подобный финт ушами. Ну а что, он оценит, мне кажется.

Так или иначе, выхожу из корпуса я в куда более сбалансированном состоянии, чем то, в котором заходила в него утром. Ровно до тех пор, пока взгляд не натывается на Илью.

Могла ли я предположить, что он придёт? Пожалуй, могла. Но предпочла этого не делать, понадеявшись на лучшее. Но, как оказалось, зря. Мужчина стоит прямо напротив входа, в нескольких шагах от скамеек, в лёгком пальто, будто почти нулевая температура не касается его лично. И конкретно в этот момент глядит на экран телефона, что даёт мне несколько мгновений форы.

— Это он? — Лиза, шагающая рядом, чутко ловит повисшее в воздухе напряжение, на секунду стиснув мою ладонь.

Отрицать глупо, так что просто киваю в ответ, поворачиваясь спиной и натягивая капюшон на так и норвящие разлететься от ветра красные пряди. Да, маскировка —

уровень Бог.

— Ага, — уже для себя повторяет она. — Ну, пойдём?

— Куда?

— Морду бить. Или плюнем в неё, хотя бы. По ситуации разберёмся.

Такого тона за подругой я не припоминаю, даже грозясь выкрутить яйца Маркову, она не казалась столь серьёзной в своей холодной злости. И я совсем не готова поручиться, что она действительно не пропишет Романову в нос хрупкой женской ручкой. Потому теперь уже сама сжимаю её пальцы, опасливо заглядывая в лицо.

— Бэт, а давай ты не будешь кипятиться, ладно?

— Конечно, не буду. Зачем злиться, так и промахнуться недолго, — по-прежнему тарашась прямо на этого парнокопытного, над моим плечом, соглашается Лиза.

Приходится дёрнуть подругу за рукав, переключая внимание на себя:

— Я серьёзно.

— А я нет?

— Лиз, пожалуйста. Он настойчивый, поверь мне. Так что лучше решить этот вопрос прямо сейчас, не откладывая на потом. Мы просто поговорим.

Я прямо вижу, как в ней борются совершенно противоположные эмоции, но рациональное зерно одерживает верх, к моему большому счастью. И подруга кивает медленно:

— Ладно, ты права. Но если начнёт трахать тебе мозги, я вернусь к изначальному варианту. Тебя подождать?

— Не нужно, поезжай домой. Долго рассусоливать тут всё равно не о чем.

Лиза кивает ещё раз и наклоняется, целуя меня в щёку:

— Хорошо. Тогда удачи. И включи, наконец, телефон, не возьмишь трубку, приеду в гости.

— Боюсь-боюсь, — почти искренне улыбаюсь я, но улыбка пропадает, стоит только развернуться обратно.

На этот раз Илья замечает меня сразу же, делая пару шагов вперёд, но тут же замирает. О, наш великий юрист чувствует себя неуверенно? Занесите этот момент в протокол, пожалуйста.

— Кристина, — выдаёт он вместо приветствия, когда я подхожу ближе.

Думаю, не ошибусь, сказав, что мужчина предпочёл бы поговорить где-нибудь в более спокойном месте, нежели в продуваемом всеми ветрами дворике альма-матер, где то и дело снуют люди. Но я не собираюсь идти у него на поводу даже в такой мелочи. И усаживаюсь на холодную лавочку у неработающего уже фонтана, скрестив руки на груди.

— Слушаю тебя.

Илья косит в сторону ступенек, с которых как раз спускается очередная стайка студентов, вздыхает, но присаживается тоже, предусмотрительно оставив между нами расстояние примерно в метр.

— Я... должен извиниться.

Да ладно? Я изображаю живой интерес. Наверное, даже чересчур живой, судя по тому, какое кислое выражение приобретает его лицо.

Так странно, на самом деле... Всё то время, что длились наши отношения, я держала себя в ежовых рукавицах, тщательно контролируя слова и действия. А сейчас, когда его

мнение уже неважно и можно творить всё, что заблагорассудится, не хочу ничего. Пофигизм укрывает пуховой периной, почти полностью абстрагируя от мира и конкретного его представителя, расположившегося неподалёку.

— Чёрт, никогда не думал, что попаду в подобную ситуацию.

Ага, я тоже раньше не думала. Но один случай — случайность, два — совпадения, а три — уже закономерность. Надеюсь, только, на цифре три карма и остановится.

— Что ты от меня хочешь? — уточняю, когда пауза становится чересчур длинной. — Чтобы приняла извинения? Окей, они приняты. Чтобы простила? Так это не ко мне, это в церковь. Там, вроде, грехи отпускают.

— Мне просто нужно, чтобы ты поняла...

— Поняла? — у меня глаза расширяются от одного только слова, не говоря уже об этом его «мне нужно». Мало ли, что тебе нужно, эгоист чёртов! — Реально? Нет, погоди, то есть ты правда думаешь, что этому есть какое-то рациональное объяснение? Которое ты назовёшь, и я такая «о, да это же в корне меняет дело!».

— Кристина.

— Я в курсе, как меня зовут. Итак, ещё раз. Что. Тебе. Нужно.

— Это была Марина, — вместо нормального ответа, говорит Илья, на этот раз глядя больше не на меня, а на свои руки.

Я собираюсь саркастически поинтересоваться, каким образом имя девицы должно помочь мне что-то понять, но не успеваю. Потому как мужчина уточняет:

— Моя жена. Бывшая.

Млять... Лучше бы он молчал, в самом-то деле.

Нет, с одной стороны, это можно было рассматривать как маленький, но плюс. Значит, это не была какая-то абстрактная тёлочка, которую он подцепил в самолёте или аэропорту и потащил домой, проверять матрас на удобство. Но с другой, в этом крылся и самый огромный минус. Эта самая абстрактная, объективно, могла быть в тысячу раз хуже меня, просто чем-то зацепить. Духами, цветом глаз, идеальным английским или обещаем продемонстрировать навыки глубоко минета. В данном же случае речь шла о бывшей, а значит вернувшись к ней, пусть даже на эту одну ночь, меня заведомо поставили на второе место. И вот это было охрененно обидно.

— Вернуться, значит, решила? А ты подумал не информировать о том, что место не особо вакантно. Ясно-о, — киваю, сглотнув тягучую слюну. К счастью, пару выступивших слёз легко можно списать на холодный ветер.

— Ты не так поняла, — ага, а вот и фраза века. — Она на самом деле просила просто поговорить.

— Знаешь, что? Может я такая отсталая, конечно, но даже не догадывалась, что разговоры теперь выглядят именно так. Не подскажешь, так со всеми разговаривать нужно или только с теми, кто сам тебя бросил?

— Зачем ты так?

И тут меня прорывает:

— Зачем я так? Я? Ты, млять, издеваешься? Это я с другим кувыркалась, прикрывшись тем, что тебе утром вставать рано, а? Я тебя что, держала чем-то, шантажировала, я не пойму просто. Три слова. «Кристина, мы расстаёмся». Всё, трахайся дальше, с кем вздумается. Нс нет, за спиной оно как-то интереснее получается, да? Адреналин, там, эмоции через край!

Видимо, этому всё же нужно было прорваться, не вчера, так сегодня, так что я даже не

пытаюсь заткнуться, лишь понижаю тон, не желая привлечь лишних свидетелей. Илья делает попытку придвинуться ближе, но я шарахаюсь к краю, едва не упав.

— Вот даже трогать меня не смей! Ну, сказать нечего? Так какого явился вообще?

Я почти огнём дышать готова, зато мужчина, напротив, закрыт и едва не безэмоционален. Как я раньше могла думать, что у нас выйдет что-то путное?

— Я правда не планировал ничего такого, поверь. Даже мысли такой не было, не то, что намерения. Но мы с Мариной со школы вместе, столько всего пережили... Не так просто взять и выбросить десять лет своей жизни. Чувства не проходят просто потому, что кто-то решил, что вы больше не можете быть рядом.

Наверное, он и впрямь хороший юрист, судя по тому, как чётко находит слабое место в моей обороне. И вся агрессия улетучивается вмиг, как воздух их лопнувшего шарика. Забавно, мы ведь на самом деле ничего друг другу не обещали и в любви не признавались. Просто плыли по течению, имея каждый за спиной по личному ящику Пандоры. И да, Илья прав, чувства не проходят, когда кто-то решил игнорировать их. Даже если этот кто-то — ты сам.

Я не готова простить его, сестра милосердия из меня вышла бы неважная. Но не понять не могу тоже. Десять лет, это же полжизни почти, с ума сойти. Не представляю, насколько нужно любить человека, чтобы идти с ним рука об руку столько времени.

— Ну, в любом случае, мы квиты, — зачем-то говорю ему.

Может, в качестве ответного жеста откровенности. Может — чтобы тоже сделать больно, как сделал он. Не знаю, правда. Мужчина вскидывает голову, глядя на меня слишком понимающе для такой ситуации:

— Тот парень, да? Хозяин машины? — и, в ответ на моё удивление, пожимает плечами. — Да ладно, я может не самый большой специалист по части отношений, но и не слепой же.

— То есть ещё тогда решил, что между нами что-то есть, но не сказал? — недоумение вымещает собой остатки злости. — Почему?

— Потому что если бы ты хотела, то ушла. К чему устраивать разбор полётов?

Я и хотела, хочу сказать я. Всё это время хотела, вот только где-то настолько глубоко в душе, что боялась признаться даже себе. А когда всё-таки решилась сделать выбор, ты меня опередил. Жизнь, как она есть — сначала я туплю нещадно, потом огребаю туюву хучу последствий и начинаю возмущаться по этому поводу.

— Паршивая из нас парочка вышла, да? — смешок получается нервный, но это не слёзы и не желание орать, что уже хорошо.

И Илья это, похоже, понимает, так что коротко усмехается в ответ:

— Своеобразная.

Разговор не пришёл к логическому завершению, потому как вряд ли оно вообще было в этой ситуации. И осознаём мы это одновременно.

— Мы же можем... — он замолкает, видимо представив, как клишировано и не к месту будет «остаться друзьями».

— Не стоит, — киваю я, поднимаясь. — Надеюсь, вторая попытка будет для тебя более успешной.

— Я тоже, — и не думая отрицать, что собирается дать бывшей ещё один шанс, соглашается Илья. — А твоя?

— Я уж постараюсь.

— Хорошо, — он тоже встаёт. — До свидания?

— Прощай, Илья.

Уходя, я вновь не оборачиваюсь, но на этот раз не забываю закрыть дверь на ключ. Даже если эта дверь существует только в моей голове.

На остановке очередь, как в Чёрную пятницу, да и совсем не помешает проветрить мозги, так что домой я отправляюсь пешком. По дороге исполнив повеление царицы Лизаветы и включив-таки телефон. Тридцать семь пропущенных — это сильно, даже при учёте того, что звонили сразу двое, но вот честно, неужели нельзя было как-то более оперативно понять, я не хочу с ними разговаривать, а?

Перчаток с собой, конечно же, нет, так что приходится распутывать завалившиеся в сумке наушники и уже с них звонить подруге.

— Вот я тоже женщина и вроде как должна понимать твою логику, да? Только ни фигя не понимаю, хоть тресни! — констатирует Бэт, в кои-то веки выслушав меня до конца и не перебив при этом ни разу.

— Я тебя сейчас тоже не понимаю, — поразмыслив, признаюсь я.

— Крис, ты ненавидела Тимофея три года. Слышишь меня? Три года ненавидела почти незнакомого человека за то, что тот целовался с другой девушкой. Окей, хорошо. А теперь, когда твой парень на твоих фактически глазах спит со своей бывшей, ты говоришь «да всё в порядке, я тебя прощаю». Ты нормальная вообще?!

Последнее она буквально кричит в трубку, так что прежде чем ответить, я морщусь недовольно, но подруга этого, понятное дело, не видит.

— Я не говорила, что простила его, не придумывай.

— Да что ты? А, по-моему, как раз так оно и есть.

— Не так, — это действительно не так, но одно дело — осознать всё для себя и совсем другое — объяснить кому-то. К сожалению устройство для передачи мыслей пока не изобрели. — Мне... мне просто пофиг, понимаешь? То есть нет, чисто человечески мне обиден сам поступок, но как девушке — пофиг. Вот когда Фея с другой увидела, да, хотелось ей патлы повырывать, а тут... Это знаешь, равносильно тому, чтобы реально обидеться, если Фирсова меня шлюхой назовёт. Да, я посоветую ей пасть прикрыть, это понятно, но на самом деле её мнение никоим образом меня не заденет. А вот если то же самое сделаешь ты...

Задумчивое хмыканье в гарнитуре прерывает несколько секунд тишины.

— Да ну, у тебя рвотный рефлекс даже когда врач просит горло показать, — наконец подводит итог размышлениям она. — Ты была бы профнепригодна, — и ржёт так, что я не могу не присоединиться, несмотря на далеко не радужное настроение.

— Ты ужасна, ты осознаёшь это? Ты должна была сказать, что такого никогда не произойдёт! Просто слов нет... — успокоившись, я удручённо качаю головой. — И вообще, не то, чтоб я так стремилась в эту профессию, но чего дискредитируешь-то сразу?

— Зря, кстати. Я про «не стремлюсь». Мало ли как будет с вакансиями юриста, когда мы универ закончим. А тут такая шикарная альтернатива, м?

— Кто-нибудь со стороны послушает и решит, что мы психи, вот правда.

— И что? Нормальными быть скучно! И смотри-ка, зато эмоций у тебя в голосе теперь побольше, чем в мороженой креветке.

— Креветка? Реально? Она же без мозгов совсем!

— Ты временами тоже, но я всё равно тебя люблю. Всё, я паркуюсь у магазина. Напиши

мне вечером, как всё прошло, ладно? Но если разговор перейдёт в секс на кухонном столе, можешь не писать, постараюсь до утра не умереть от любопытства.

— Ты озабоченная, знаешь об этом?

— А то! На тот и держимся, — Бэт снова хохочет в трубку и отключается, не попрощавшись. Впрочем, всё, как всегда.

Дома оказывается, что я легко могла бы номинироваться на «Рукожоп года», потому как решительно всё происходит через это самое место. И если прищемив руку дверцей шкафа и уронив на пол яйцо (чем искренне порадовала Люциана) я ещё держусь, то обрезав палец при попытке отрезать батон, раздражаюсь окончательно. Очевидно, идея по-быстрому приготовить что-то на ужин заведомо провальная, с таким успехом можно и квартиру спалить, так что от неё я отказываюсь. В самом деле, не умрёт кошка от позавчерашнего супа, тем более на крайний случай в холодильнике есть домашние вареники, приготовленные загодя и замороженные про запас. А в меня кроме парочки бутербродов всё равно ничего не полезло, не иначе как от нервов.

У него всего на одну пару больше, а я потеряла время на разговор с Ильёй и пеший ход до дома, поэтому ждать, по сути, остаётся недолго, вот только состояние сейчас такое, что минута идёт за десять, не меньше. И устроившись на диване в гостиной я буквально гипнотизирую чёртову стрелку, будто прилипшую к циферблату. Ну, шевелись, зараза!

Звук ключей в замочной скважине извещает конец мучениям. А может наоборот, самое их начало...

— Крис?

Тон у Фея на редкость неуверенный, я такой и припомнить не могу. Но в целом отлично его понимаю, идея смыться куда-нибудь за последний час посещала меня не раз и не два. Но всё же я здесь, а теперь ещё и он здесь и...

— Я дома, — беззвучно откашлявшись, чтобы не звучать несмазанной телегой, отзываюсь я.

Если прикрыть глаза, то по звукам можно попытаться предсказать то, что происходит сейчас в коридоре. Вот он разувается и ногой двигает ботинки к стене, поближе к моим. Вот сбрасывает куртку и вешает её в шкаф, по соседству с пуховиком. Этот звон — от брошенных на полку ключей, куда через мгновение отправится и брелок сигнализации от машины. А вот эти шаги по коридору и предсказывать не нужно, и так понятно. Ну, здравствуй, час истины.

— Привет.

Он входит, внешне вполне расслабленный, не то, что я. Везёт же некоторым иметь такое самообладание. Но вместо того, чтобы поздороваться в ответ, сохраняя хоть видимость того, что умею держать себя в руках, я удивлённо моргаю несколько раз.

— Не обращай внимания, временная мера, — машинально поправив очки, которые и привлекли моё внимание, просит он. — Позавтракал какой-то штукой из того, что привезли твои родители и началась аллергия, линзы пока вне зоны доступа.

Глаза у него и впрямь слегка покрасневшие, будто Фей плакал недавно, хоть это идея скорее из области очевидного-невероятного. Но то, как он выглядит в очках (пусть оправка не чёрная, а обычная, металлическая) просто затмевает собой всё остальное. Боже правый, коварный же ты кошка! Как я должна с тобой разговаривать, если теперь только и могу думать о том, чтобы повторить вчерашнее? Впрочем, сама проговорила, что мужчина в очках выглядит на редкость привлекательно, не на кого теперь пенять.

Пытаясь удержать мысли в приличной плоскости, я коротко дёргаю головой, припоминая последнюю его фразу:

— Погоди, какой штукой, пахлавой что ли? С ума сошёл, там же мёд!

— А я знал? Уж извините, состав там не написан, а пахло вполне себе аппетитно, — ну, тоже верно. — Да всё в порядке уже, выпил таблетку, завтра буду, как новенький.

— Хорошо.

Я несколько настороженно наблюдаю, как он проходит в комнату и усаживается на противоположный край дивана. Может самонадеянно с моей стороны думать, что Котов нервничает тоже, просто хорошо это скрывает, но такое ощущение отчего-то есть и отбросить его не получается. Тем более следующая фраза служит небольшим, но подтверждением, что и он не знает, с чего начать.

— Как день?

— Ммм... Хорошо, спасибо. А у тебя?

— Тоже, — краем глаза отмечаю, как его пальцы, лежащие на колене отбивают какой-то рваный ритм. А вторая ладонь поднимается выше, потирая шею. — Млять, хрень какая-то. С каких пор мы общаемся вот так? — указав на что-то между нами, раздражённо интересуется он.

Вопрос риторический, только я отвечаю всё равно, не сдержав нервного ехидства:

— Со вчерашнего вечера?

Глаза за прозрачными стёклами знакомо прищуриваются:

— Язвим? Окей. Иди сюда.

— Чего?!

— Иди. Сюда.

Я оторопело приоткрываю рот, желая поинтересоваться, не офигел ли он, с такими приказами, пусть и тон вполне спокойный, вот только времени мне на это не дают. В два счёта преодолев самим же прежде соблюдённое расстояние, Фей обнимает меня за талию, разворачивая к себе спиной и прижимая так, что особо не вырвешься. Ну, если бы у меня было такое желание, разумеется.

Вот только желания, что странно (чёрт, кому я снова вру, вот ни капли не странно!), совершенно нет. И наплевав на то, что по всем канонам наших взаимоотношений должна сейчас устроить наглому кошаку локальный армагеддец, расслабляюсь в его объятиях.

— Даже профилактического удара по печени не будет? — насмешливо интересуются сверху, потому как этот, возомнивший себя бессмертным, тип умудряется ещё и подбородок на мою макушку водрузить.

— Я тебе её чуть позже выключю.

— Отлично, а то я уже начал думать, что тебя подменили. Но нет, всё хорошо, я счастлив, — саркастически комментирует он и тут же, без перехода, признаётся. — Ты даже не представляешь, как давно я мечтал об этом, — обнимающая меня рука несильно сжимается, конкретизируя, о чём речь.

Дурацкое сердце сбивается с ритма и мне стоит большого труда заставить себя заткнуться и не уточнять, правда ли это. Глупо, Крис, просто ужасно глупо от одного маленького искреннего признания таять, как мороженое на солнцепёке. Кучу подобных фразочек тебе любой мужик наговорит, только уши развешивай. Проблема лишь в том, что сделает он это до секса, а никак не после...

— Как поговорили? — вновь без особого перехода уточняет Фей.

Я не сразу даже понимаю, о чём речь, зато когда осознаю, чувствую, как напрягаюсь, сама того не желая.

— Уже знаешь?

— Аха, — интонации совсем как у Лизы пару часов назад, словно он и не ко мне обращается, а просто размышляет вслух. — Так что?

— Нормально.

— Нормально? Нормально — это значит он исчезнет с горизонта, как моряк очень дальнего плавания? Или нормально — это «мы решили продолжить наши чудные отношения вне зависимости от того, что я провела ночь с другим»?

Фей раздражён, тут к гадалке не ходи, но от сути его слов, и я вспыхиваю, как спичка, тут же вывернувшись и развернувшись, чтобы иметь возможность смотреть ему в глаза.

— Ты, блин, серьёзно сейчас?

— А сильно похоже, что я шучу? — в том же тоне огрызается он.

Понимание того, что Котов реально думал, будто я просто сбегала налево, ранит сильнее, чем можно бы предположить. Конечно, объективно у него были на то причины, например, тот вечер после моего дня рождения, но... Какого чёрта?!

— Придурок?! — едва с дивана не привстав от возмущения, выплёвываю прямо ему в лицо. — Мы ещё вчера с ним расстались и никакие разговоры не...ммм...

Рот мне затыкают одновременно и весьма профессионально, нырнув языком между приоткрытых губ. А ладонь, попытавшуюся отвесить пощёчину, блокируют ещё на полёте.

— Повтори? — осознав, что отвечать я не собираюсь, а целоваться с девушкой, изображающей рыбу, не слишком прикольно, Фей отрывается сам, без всяких на то понудительных действий, вроде укуса.

— Хрен тебе! — откликаюсь я. Мысленно, потому как надежда в янтарных глазах пресекает желание озвучить это в самый последний момент. И, наверное, именно поэтому повторяю послушно. — Расстались. Вчера.

Технически это не совсем так, но что-то подсказывает, что заваливаясь с кем-то в койку ты автоматически даёшь своей девушке право разорвать ваши отношения в одностороннем порядке. А рассказывать Котову подробности данного «расставания» последнее, чего бы мне хотелось, как сейчас, так и после.

— Если когда-нибудь я попаду в психушку, то уже знаю, что станет причиной, — с заметным облегчением выдыхает Котов, вновь наклоняясь, чтобы меня поцеловать. И на этот раз я не противлюсь, потакая своему желанию укусить-таки гадкого кошака.

— Я как-то не так себе наш разговор представляла, — признаюсь я спустя минут десять, а может и полчаса, полулёжа на диване, с одной Феевой рукой на груди, потому как согнать её с выбранного места не получается вот вообще никак.

— А я представлял тебя голой на журнальном столике, — парирует он, сжимая пальцы. — Ну и кто после этого в большем обломе?

— Я серьёзно, вообще-то.

— Ну, давай серьёзно, — легко соглашается он. — Смотри, старшенького Игорем назовём. Не то, чтобы я настаивал, просто у нас традиция в семье такая. Вот дедушку у меня Тимофеем звали, а папа Игорь, так что... Во-о-от. Дальше сама решай, я на любое имя согласен, если только это не Фёкла или Мафусаил какой-нибудь.

Размышляет вслух он с таким видом, словно мы и впрямь обсуждаем имена будущих

детей, вот правда. А на тычок локтем реагирует лишь слегка наморщенным носом.

— Котов, — даже и не зная толком, что сказать (это со мной бывает редко, но почти всегда именно рядом с ним), качаю головой я.

— Да, кстати, никаких «оставлю девичью фамилию». Придумали, тоже мне, феминистки недоделанные.

— Фей!

— А феечка крылышками бяк-бяк-бяк-бяк... — тут же отзывается он нарочито гнусавым тоном.

— Ты ужасен, — почти смирившись с тем, что нормально разговаривать с ним попросту невозможно, выдыхаю я, опуская голову обратно на плечо примостившегося рядом парня.

— Но я всё равно тебе нравлюсь? О, да Вы извращенка, дамочка. Просто фу-фу такой быть!

Ну, что и требовалось доказать. Всегда думала, что именно я ненавижу серьёзные разговоры, а оказывается есть кое-кто превосходящий по всем пунктам. Но, чёрт возьми, должны же мы прийти хоть к какому-то общему знаменателю! Прямо сейчас мне настолько хорошо и комфортно, что и представить сложно, вот только мир, к сожалению, не ограничивается этим диваном или хотя бы этой комнатой. Там, за их пределами, вот сюрприз, тоже есть жизнь. И если мы не собираемся и дальше существовать в исключительно соседских отношениях (признаться, это и раньше получалось неважно), желательно обсудить эту тему хотя бы парой слов.

— Почему ты думаешь, что я должен в тебе разочароваться?

Я не сразу переключаюсь с собственных мыслей на его слова, произнесённые совсем другим уже тоном, но когда всё же переключаюсь, цепенею не хуже бандерлогов под взглядом Каа.

Телепатии ведь не существует, правда? Тогда каким образом Фей с первого удара попадает в самое слабое моё место?! Долбаный камень преткновения, о который ещё на подлёте расшибались любые размышления о самой возможности построить с ним своё «долго и счастливо».

— С чего ты взял, что я так думаю? — голос не просто неэмоциональный — почти мёртвый, но поделаться с этим я ничего не могу, затаив дыхание ожидая ответа.

— Ты сама так сказала, не помнишь?

— Я? Я не могла такое сказать!

— Когда мы Пиратов смотрели, ну? Ладно, суть не в том, сказала или нет. Ты же на самом деле так не думаешь, да? Крис?

Молчание — паршивый ответ, но какого он ждал? Да, не думаю? Нет, не думаю? Наверное, вообще какого-то третьего, потому как спустя секунд тридцать я скатываюсь с его плеча, когда сам Фей приподнимается, заглядывая мне в лицо.

— Значит, думаешь. И с какого такого, можно поинтересоваться?

Попытка прикрыть лицо руками наверняка выглядит на редкость глупо, но я всё равно предпринимаю её. Правда, обе ладони оперативно убирают, зажав между нашими телами.

— Окей, дядя Тимофей хороший, дядя Тимофей готов поработать психотерапевтом. Итак, расскажите, что Вас беспокоит?

— То, что ты совершенно не умеешь быть серьёзным, — осознав — просто так он не отвяжется, глядя в сторону признаюсь я.

На что Котов парирует, с присущей ему самонадеянностью:

— Неа, это тебе наоборот, нравится, детка.

— И то, что ты зовёшь меня деткой! — тут же цепляюсь я. — Просила же!

— А вчера кто-то был не против.

— Ты просто так придавил меня к полу, что вдохнуть не получалось, не то что возмущаться! Перестаю тебя кормить, иначе полы проломишь скоро, — вот на эту тему я вполне готова и поболтать, и поспорить, и яда выдать пару вёдер.

Но, оказывается, подкалывая меня Фей преследует совершенно другую цель. И стоит взглянуть на него возмущённо, как прекрасно это осознаю.

— А теперь, когда ты не изображаешь мышку в домике, давай ещё раз: какие у меня причины в тебе разочароваться, м?

И тишина. И мёртвые с косами стоят. Это я про себя, если что. Нет, ну он временами наивный до ужаса просто, неужели и правда надеялся, что я тут же расколюсь и покаюсь? Особенно учитывая тот факт, что хоть убейте, но я не помню, когда могла проговориться о подобном. Разве что в алкогольном угаре...

— Господи, дай терпения, а? — возведя глазки горе, просит тот, кто недавно тыкал мне тем, что ну очень терпеливый. — Ладно, мы пойдём другим путём. Итак, Кристины Батьковна...

— Сергеевна, — подсказываю я, заинтригованная началом и решившая, что можно расслабиться.

— Ага, Сергеевна. Сим извещаю Вас, что нравитесь Вы мне такой, какая есть.

Не знаю, что уж он там разглядел, в моём взгляде, но с издевательски-высокопарного тона сбивается после первой же фразы. И продолжает уже совсем обычно, но куда более искренне:

— Крис, ну я серьёзно. Та девушка из клуба да, не буду отрицать, зацепила симпатичной мордашкой. Но в тебе мне нравишься ты сама, со всеми законами и паршивым, как ты выражаешься, характером. Меня всё устраивает, так какого хрена по этому поводу переживаешь ты?

— Ты меня не знаешь.

— Да уж конечно! Поверь, я знаю тебя гораздо лучше, чем ты можешь себе представить. Я же говорил, что умею собирать информацию, помнишь?

— Не знаешь, — упрямо мотая головой, повторяю я. — У меня действительно отвратительный характер, что бы ты там себе не думал, перепады настроения, дурацкое чувство юмора и привычка спорить даже когда точно знаю, что неправа.

— А ещё раз в месяц ты превращаешься в волчицу и жрёшь людей, — покивав, перебивает он, но я с лёгкостью игнорирую, войдя в раж.

— А ещё жутко, просто катастрофически ревнива. Вот не ухмыляйся даже, правду говорю. И всяких там Анют буду гнать пинками до самой Америки, если чего лишнего покажется.

Фей хмурится, очень чётко уловив, что имя взято не абстрактно и с потолка:

— Каких Анют?

— Которые «ах, Тимочка, я же обращусь к тебе, если будут проблемы?», — жалобное пищание получается ничуть не хуже, чем у той смазливой рыжей.

Но вместо того, чтобы смутиться или хоть сделать вид, кошка самым наглým образом начинает ржать.

— Вот не смешно, — возмущённо надуваюсь я (честно, даже не подозревала, что так

умею), отпихивая руки, которые пытаются обнять. Но проигрываю, понятное дело, когда Фей принимает сидячее положение и перетаскивает-таки меня к себе на колени.

— Ювенальная юстиция.

— При чём тут...

— Крис, это девушка приходила за рефератом по ювеналке, честно тебе говорю, — продолжая ухмыляться, уточняет он.

Похоже Котов испытывает искреннее удовольствие от моей реакции на сияющую шварбу, но даже осознание этого не успокаивает. Ну и что, что реферат? Облизывалась-то она явно не на листочки формата А4.

— Так что ревностью ты меня не напугала, — констатирует кошка, потихоньку спуская руки с талии в южном направлении. — Даже наоборот...

Наоборот — это вполне понятно, исходя из того, что сидеть мне становится не так удобно, как несколькими секундами ранее, но сдаваться так просто? Шиш ему!

— Мы не договорили, — шлёпнув по наглым ручонкам, возвращаюсь его к теме вечера.

— Мне перечислись свои недостатки, чтобы было по справедливости? — с готовностью откликается этот клоун.

— Я и так их знаю.

— Вот! Вот о чём и речь! Ты их знаешь, но тебя устраивает, так? И меня устраивает, запиши себе эту мысль где-нибудь. Мне нравится твоё дурацкое чувство юмора, потому что у меня оно ещё хуже. Мне нравится, когда ты споришь до посинения, а не лупаешь глазками, соглашаясь со всем, что бы я не сказал. И да, млять, мне нравится любая из твоих ипостасей: и весёлая, и грустная, и злая, и пьяная и чёрт знает ещё какая. Так какого ты проблемы создаёшь на пустом месте?

Узор на его джемпере вновь становится куда интереснее всего остального. Именно поэтому я прикипаю к серым полоскам взглядом, не думая даже его поднимать.

— Не на пустом.

— А на каком? Крис, я знаю тебя три года, полтора месяца живу с тобой. И в жизни не поверю, что ты скрываешь что-то такое, что я узнаю и такой «ну нет, вот это уже слишком!». Хотя нет, если ты скажешь, что Тимати — лучший российский певец, то да, прости, мы не сможем быть вместе.

Несмотря на то, что чувствую я себя абсолютно не в своей тарелки, последнее высказывание оказывается, как нельзя кстати. И я не могу сдержать смешок, прозвучавший, почему-то, скорее, как всхлип.

— Блин... — с опаской выдаёт вдруг Фей. — Ты же не собираешься плакать, да? Хотя погоди-погоди, вот плачущую я тебя ещё не видел. Ну-ка, давай, пореви, вдруг мне не понравится, как будешь при этом выглядеть?

— Идиот, — только сейчас осознав, что и впрямь начинаю плакать, ни с того, ни с сего, я шустро прячу лицо у него на груди, поэтому получается гнусаво, зато искренне.

— Согласен, — не комментируя больше, Тимофей просто прижимает меня к себе плотнее, слегка покачивая, как маленького ребёнка.

Я не чувствительная, говорила же, но почему-то гадкий организм совершенно забывает об этом, устроив самый настоящий слезоразлив в столь не подходящее время. Но покопавшись в себе, я могу догадаться о причинах. Как-то так получилось, что Фей нашёл именно те слова, которые нужно было услышать. Не уверения в том, какая я замечательная и идеальная, потому как в подобный бред поверила бы лишь наивная дура, а признание, что

нужна я ему вот такая, со всеми своими тараканами, имя которым — легион.

С трудом успокоив саму себя, я рукавом вытираю глаза и щёки, а потом на ощупь стягиваю с Фей очки, откладывая их на спинку дивана. И приподнимаюсь, ткнувшись лбом в его лоб и глядя в глаза. Надеюсь, что взгляд лучше скажет то, что словами передать получится едва ли.

— Это «да, Тимофей, я согласна быть твоей девушкой и не парить тебе и себе мозги глупыми мыслями?», — интересуется Фей, и я не вижу, но чувствую, как губы у него расплываются в улыбке.

Ну и просто не могу не улыбнуться в ответ:

— Ты не предлагал мне быть твоей девушкой.

— Тебе предложи, ага, сразу тысяча причин отказать найдётся, и все как одна уважительные. Так что зубы не заговаривай, да или нет.

— Ну-у, я не знаю... — вместе с высохшими слезами и принятым решением стремительно возвращается не только хорошее настроение, но и желание пошалить. — Мне нужно подумать...

В следующее мгновение я оказываюсь вновь лежащей на спине, придавленная к дивану без возможности как следует сопротивляться и с задранными вверх руками.

— Блин, это я? — заметив синяки, выглядывающие из-под задравшихся рукавов, уточняет Котов, подрастеряв шутливость. И ослабив хватку пробегается пальцами по тёмным пятнам. — Больно?

— Неа. И это ты ещё шею не видел.

Посмотреть шею тут же высказывают ярое желание и высокий ворот платья оказывается отодвинут в сторону, обнажая доселе скрытое и вызывая восхищённый, почему-то, присвист.

— Ого.

— Вот тебе и ого! Ты же понимаешь, что я буду мстить?

— О, да! — мурлыкающие нотки пробирают до мурашек по коже.

— Фей, я серьёзно! — сложно звучать строго, когда горячие губы захватывают мочку уха в свой плен.

— Ну ещё бы. Знаешь, я бы пообещал, конечно, больше так не делать, но что-то подсказывает, что ты сама будешь против... — оторвавшись, он коротко, но многообещающе целует меня в губы.

И, чёрт возьми, я совершенно не смогу с ним в этом поспорить!

— Только не на шею. Не могу же я всё время ходить в водолазках.

— Договорились, — чересчур послушно соглашается кошка и цена его послушания становится ясна через секунду, когда подол платья начинает ползти вверх. — Так, ты мне кажется до сих пор не ответила мне на один несложный вопрос. Да или нет?

— Может, ты его просто не так задаёшь? — хватая ртом воздух, нахожу в себе силы поддеть я, но блин, с кем тут конкурировать?

— О, ну раз дело только в этом. Я согласен попробовать ещё. Формулировок, знаешь ли, хватает.

Свой ответ он всё-таки получит. Только гораздо позже, когда я уже буду совершенно не в силах противостоять без сомнения потрясающим Феевым «формулировкам» и не менее потрясающим рукам и губам...

Утром оказывается, что Земля не сошла со своей оси и по-прежнему вращается, и отсутствует даже маленькое внешнее подтверждение фундаментальности принятого мной решения. Ну в самом деле, хоть бы снег пошёл, что ли. Никакой поддержки от мироздания!

Закутавшись в халат и подобрав под себя ноги в тёплых гольфах, я сижу на своём привычном месте в привычной компании привычно одетого (хотя скорее раздетого) в одни шорты Фей. На День рождения непременно подарю ему футболку!

И всё, вроде бы, было как всегда, да не совсем.

Котов меняет место дислокации, устроившись на стуле по соседству, вместо того, чтобы сесть напротив, и даже не комментирует «сено» в моей кружке. Хотя попытки подсунуть пахнущий жжёной карамелью кофе всё равно не оставляет. Такой наивный, лапушка просто. Хватает и того, что у его поцелуев кофейный привкус, но отказать себе и ему в подобном удовольствии я просто не могу.

Это потребность какая-то, вот правда, постоянно дотрагиваться до него или наоборот чувствовать прикосновения Фей. Даже если это просто его нога, прислонившаяся к моей. Или шершавые пальцы, убирающие за ухо непослушную выбившуюся прядь. Или мои, щекочущие его под подбородком, как большого кота и царапающиеся о щетину. Или...

— А давай никуда не пойдём? — неожиданно, в первую очередь для самой себя, выдаю я.

Он торопливо прожёвывает очередной кусочек тоста, параллельно кивая, но обретя дар речи выдаёт:

— Нельзя. У меня коллоквиум, но это ладно, а у тебя две пары у Ильевского.

— Фу, ботаник, — морщю я нос. — Я, что правда согласилась с тобой встречаться? Всё, беру свои слова обратно.

Фей улыбается так, как может только он — заставляя мигом почувствовать пресловутую дрожь в коленках, которые так любят описывать авторы бульварных романчиков (каюсь, читала и такое) и выдаёт:

— Давай рассуждать логически, м? Не пойдёшь на пары — не получишь автомат. Не получишь автомат — будешь сдавать экзамен. Будешь сдавать экзамен — придётся готовиться к нему. Придётся готовиться — станешь уделять меньше времени мне. А последнее меня категорически не устраивает. Так что доедай и дуй собираться, нам выезжать скоро.

— Нам? Тебе-то куда так рано?

— Тебя отвезу. И что, думаешь, не найду чем в корпусе заняться?

— Да нафига? — продолжаю недоумевать я, даже кружку отставив. — Я что, не в состоянии сама доехать?

— Крис...

— Фей! Да, давай вот прямо сейчас поругаемся по этому поводу, ага.

— Я не собираюсь ругаться, я просто не понимаю, почему не могу проявить к тебе элементарную заботу.

Вот же баран упрямый, а? Ладно, дыши, Крис, он же тебе не поленился вчера всё по полочкам разложить, как для альтернативно одарённой, так бери пример.

— Слушай, ещё вчера мы собачились, — скептический взгляд на ходу рвёт подмётки у моей прочувствованной речи, — ладно, хорошо, не вчера. Ещё недавно мы собачились, а сегодня мило завтракаем и не пытаемся придушить друг друга. А теперь ты предлагаешь вместе завалиться в университет, явно произведя там фурор таким появлением, — я не слишком преувеличиваю, обе наши группы будут в полнейшем офигении, если не сказать хлеще, когда узнают. И не то, чтобы я прямо сейчас готова к их реакции и лавине вопросов, которая непременно обрушится, и несложно даже предположить, на чью именно голову. — Давай мы не будем спешить?

— На тот случай, если ты всё-таки передумаешь?

Не знаю, что именно напрягает меня, наверное, взгляд, потому как само выражение лица, да и голос, достаточно спокойны. А вот глаза не очень тонко намекают, что их владелец раздражён сутью моих слов. Вернее, тем, как он эту суть понял.

Господи, да неужели? Неужто и у непробиваемого Тимофея есть отголоски любимой женской привычки «сама придумала — само обиделась»? Вместо того, чтобы расстроиться, я испытываю какой-то странный подъём духа. Как будто вот эта мелкая частичка к его портрету, не изъян даже, а так, соринка на нём, разом сделала Фея человечнее и ближе ко мне.

Но он определённо ждёт ответа и как в данном случае соблюсти равновесие между тем, что он хочет услышать и тем, как хочу поступить я — понятия не имею. Хотя...

Спустив ноги со стула и одёрнув подол халата, я делаю то, чего никогда не делала — решаюсь воспользоваться способностями манипулятора, которыми, несомненно, обладает по отношению к парню нравящаяся ему девушка. То есть, попросту забираюсь кошаку на колени, лицом к нему. И, не дав опомниться, целую сомкнутые губы.

— Это шантаж, — ворчит Фей минуту спустя, когда мы нехотя отрываемся друг от друга.

Руки его успевают переползти мне на попу, не иначе как в качестве жеста поддержки, да-да, а некоторые другие части тела намекают, что не тоже не прочь пообщаться поближе, хоть вот прямо сейчас. Но, припомнив его логическую цепочку, я осознаю, что времени на подобное нет и шустро выворачиваюсь из объятий, поднимаясь на ноги.

— Так мы договорились? Сегодня я еду сама?

Незаслуженно обиженный котофей вздыхает, тяжело и протяжно, но кивает:

— Умеешь ты уговаривать. Но только сегодня!

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, — тоном восточной гурии, в котором так и сочится мёд, соглашаюсь я, успевая поцеловать его ещё раз и урулить с кухни прежде, чем «господин» решится проверить границы моего послушания.

Что-то подсказывает, с такими проверками я точно никуда не успею.

Лиза ждёт меня в холле у раздевалки, нетерпеливо поглядывая на телефон и притопывая копытцем, как та антилопа из мультика. Жалко, что не золотым, конечно, а то бы мы точно обогатились.

— Не убивай, мне правда некогда было написать, — едва приблизившись, прошу я, по своему трактовав выражение её лица.

Но подруга отмахивается от своеобразных извинений, как от назойливой мухи:

— Вот уж неважно сейчас. Лучше скажи, ну?

Вопрос сформулирован, конечно, совершенно безобразно, но смысл тут понятен и без

слов. И я ничего не могу поделывать с дурацкой улыбкой, в которой самовольно расплываются губы. А Бэт, едва заметив это, начинает улыбаться тоже.

— Да? Крис, я же умру от любопытства вот прямо сейчас!

Не могу же я потерять лучшую подругу, верно? Так что признаюсь, совершенно честно, припомнив момент прощания на пороге квартиры и непроизвольно повторяя вчерашние её слова (хотя по ощущениям это было где-то в прошлой жизни, не меньше):

— Всё хорошо.

— То есть... погоди... значит... Кри-и-ис! Божечки! — меня сначала ухватывают за руки, описав пару кругов вокруг своей оси, а затем обнимают так, словно воздух с каких-то пор абсолютно ненужная штука. — Если меня в ближайшие дни накроет инфаркт, умру счастливой.

— Тьфу на тебя, дурында! — хрипло возмущаюсь я, на что Бэт немного ослабляет объятия. — Ты чего говоришь такое?

— Правду, только правду и ничего кроме правды, — отклонившаяся сантиметров на двадцать подруга сияет почище рождественской ёлки. — Ты хоть представляешь, сколько я этого ждала?!

— Ну... думаю, не больше, чем я, — предполагаю я.

Лизавета и правда выглядит настолько обрадованной, что это даже немного неловко. Вообще, в последнее время дружба у нас получается какая-то однобокая: Бэт выслушивает моё нытьё, жалеет и отвечает живительные пинки по необходимости, озвучивает те вещи, которые я не решаюсь озвучить сама, а теперь вот ещё и радуется, как за саму себя. А я ведь умудрилась даже пропустить начало их с Лёней отношений, не заметив в её поведении никаких изменений. Ну и кто я, после этого?

— Фиговая из меня подруга, да? — мысль формируется в вопрос.

— Ага, жуть просто, — легко соглашается Бэт. — До сих пор не рассказала мне ничего толком. Ну не коза ли, а?

— Три минуты до пары, — для наглядности ткнув в большие светящиеся цифры на стене, предупреждаю я.

Бэт поудобнее закидывает сумку на плечо, подхватывает меня под руку и тянет к лестнице:

— Вот как раз по дороге всё и расскажешь. И не вздумай ничего скрывать!

Скрывать? Да упаси боже! Жить-то пока хочется...

На перемене мы всей группой толкаемся в коридоре перед аудиторией, потому как у препода странный бзик по поводу того, чтобы заходить туда первым. Лизка болтает с девчонками, а я тем временем диктую Арине куски лекции, которые она не успела записать на паре. И стою, вообще-то, лицом к окну, но всё равно умудряюсь каким-то неведомым образом почувствовать приближение Фея.

Так и есть — это он. От лохматой макушки и прищуренных янтарных глаз, не скрытых сегодня за стёклами очков, до серых джинсов и вчерашнего джемпера с узором. С небольшой ранкой на губе, в которой весьма сложно угадать след от укуса, но мне хватает и самого факта, что не только он умудрился меня «пометить». А ещё как-то по-особенному странно отпустить свои мысли в вольное плавание и не убеждать себя больше в том, что я его ненавижу.

Но самым странным, безусловно, является то, что я дико завидую Лизе, которую в этот

момент как раз обнимает за талию её парень, перед этим мимолётно поцеловав в губы. Да, знаю, это именно я попросила не торопить события и не подгонять меня в намерении рассказать всему свету, что мы теперь вместе, но... Чёрт, Фей, уйди с глаз долой, пока я не передумала.

Но, по всей видимости, его телепатия сегодня сбоит, так что кошка продолжает стоять рядом с нашей сладкой парочкой и парой одноклассниц, с которыми Бэт беседовала до этого. Но смотрит, точнее косит, при этом в мою сторону.

Наша бывшая группа, до разделения на специальности (а таковых среди присутствующих больше половины), едва ли так быстро забыла те шикарные, почти доходящие до рукоприкладства, правда исключительно с моей стороны, ссоры, которые происходили по паре раз в неделю минимум. Так что сейчас ожидание чего-то подобного почти ощутимо физически. И, не имея возможности просто подойти и ткнуться носом в Феево плечо, я решаюсь их не разочаровывать:

— Что, Котов, решил в кои-то веки пообщаться с теми, чей iq выше, чем у табуретки? Лёнь, это я не про тебя.

Блондин издевательски-благодарно склоняет голову, а котофей прищуривается, выглядя при этом так, словно только и ждал моего выпада.

— Останина, ты запомнила такое умное слово? Умница, всегда знал, что ты далеко пойдёшь! Если ещё что-то выучишь, приходи, всегда рад выслушать.

— Договорились, — под Аринин шёпот «ну зачем ты сама его задираешь?», киваю я, с трудом пряча неуместно-довольную улыбку. — Только ближе подходить не буду, ладно? Вдруг завышенное самомнение передаётся воздушно-капельным, не хочу от тебя заразиться.

— Исключительно половым, так что не волнуйся, ты последняя, кому это могло бы грозить, — уведомляет тот, кто двенадцать часов назад с толком и расстановкой доказывал мне ровно обратное.

— Ох, я даже и не знаю, как свыкнуться с этой мыслью. Хотя... нет, знаю. Мне очень поможет то, что будь ты единственным парнем на Земле, и я точно подалась бы в лесбиянки.

Судя по всему, Фей сейчас не прочь озвучить нечто вроде «с удовольствием бы на это посмотрел», но по факту лишь усмехается уголком рта. А потом... я не могу его винить, сама начала, но блин!

— Кстати, а что это ты в шарфе? Простудилась?

Лизавета фыркает так громко, что не услышать просто невозможно, получая мой укоризненный взгляд. Вот не смешно вообще! Я ещё не скоро смогу продемонстрировать шею, чёртовы засосы ничем толком не замазываются. И кто виноват, а?

— Ах, ты об этом? — в голосе опять мёд, отчего кошка в первый момент мигает удивлённо, а я ещё игриво провожу пальчиком по самому краю шарфа, на границе с кожей. — Парень не побрился вовремя, у меня теперь жуткое раздражение, представляешь?

Мне безумно сложно не засмеяться в голос от выражения лиц окружающих (правда их отмечаю лишь мельком) и лица Фея в первую очередь. Кажется, вот такого он точно не ожидал. А уж метнувшаяся к подбородку рука, словно желающая проверить наличие колючей щетины, но в последний момент неловко подёргавшая за мочку уха — вообще бальзам на душу. Вот так-то, котик, не всё за тобой последнее слово должно оставаться.

Впрочем, соглашаться с этим Котов явно не собирается и даже рот открывает, желая что-то сказать, но оказывается прерван захлебнувшимся трелью звонком. И, показав вполне понятный по фильмам жест «я слежу за тобой», они с Лёней шустро удаляются на свой этаж.

Точнее, я так думаю, ровно до того момента, как в кармане вибрирует телефон.

> «Выйди на лестницу»

Ага, сейчас! У меня пара, между прочим. Но господин Ильевский стабильно опаздывал минут на десять, так может...

— Бэт, заберёшь сумку? В туалет пока сбегая.

— Да, давай, — подруга забирает у меня из рук сумку и больше никак не комментирует, но лукавая улыбка говорит сама за себя.

Улыбайся, вредина моя, тебе можно.

— Раздражение, значит? — Котов ловит меня в объятия, стоит только шагнуть на лестничный пролёт.

— Ага, ужас просто, так раздражаешь! — совершенно по-дурацки хихикаю я, прекрасно этот факт осознавая, но не в силах ничего с ним поделать. Эй, я же не превращусь в эту, с подгибающимися коленями и сердечками в глазах, правда?! — Фей, ты опоздаешь на свой коллоквиум.

— Сейчас пойду, — морщится он, словно я и впрямь прогоняю. — Показалось несправедливым, что Лёнику обломался поцелуй, а мне нет.

— Да бедный мой мальчик, — целуя его, правда в нос, издевательски тяну я.

— Вот, хоть ты меня понимаешь. Кстати, я тебя заблокировал немного, если не сможешь выехать позвони, перегоню машину, хорошо?

— Ага. Ну всё, иди уже, правда опоздаешь.

Фей закатывает глаза от такой, несвойственной мне, сознательности, но спорить тут не с чем. И наклоняется, чтобы поцеловать уже по-настоящему, быстро, но весьма эмоционально. А затем, оторвавшись, не прощаясь уматывает вниз по ступенькам. Вот дурик же, а?

Возвращаясь в кабинет, я раздумываю над тем, чтобы устроить вечером небольшое подобие романтического ужина. Без всяких там свечек и шампанского в ведёрке льда, конечно, но всё же.

И уж точно не могу и помыслить о том, что на самом деле буду заниматься совсем другими вещами, куда менее приятными...

К парковке я подхожу, заранее планируя вызванивать Фею, но нет, всё оказывается не так катастрофически, и выехать вполне реально, правда, слегка поработав рулём. А вот ощущение, что что-то не так, не покидает меня вплоть до того момента, пока не оказываюсь в метре от Акцента. И тут уже приходит черёд убедиться, что это не Котов в моё отсутствие решил занизить автомобиль, всё куда как хуже. Вот же блин...

— Классная ответочка, — раздаётся в трубке после третьего гудка.

— Что? — гипнотизируя взглядом ближайшую покрывку, будто от этого она сама могла накачаться обратно, машинально переспрашиваю я.

— Да ладно, уже понял, это те же диверсанты, что и у тебя постарались. Знаешь, какой мне рингтон на тебя поставили?

Проблема на несколько секунд отходит на задний план, уступая место любопытству.

— Диверсанты, я так понимаю, будущее семейство Истоминых? — если изначально я пеняла на самого кошака, то теперь ситуация куда как ясна. Вот же заразы вреднючие, а? Друзья ещё называются! — И что там у тебя на меня стоит?

Судя по смешку, двусмысленность оценили:

— Дома непременно расскажу. А на звонке... ну очень знаковая песня, вот веришь? — не знаю, сколько там рядом с ним людей, но Фей даже не стесняется напеть. — Ты отказала мне два раза, не хочу, сказала ты. Вот такая вот зараза, девушка моей мечты.

Несмотря на испортившееся настроение, не оценить такой полёт фантазии я точно не могу и смеюсь в трубку вполне искренне:

— Ты смотри-ка, какие молодцы! Мстить будем, придётся тоже проявить смекалку.

— Это точно. Ты, кстати, насчёт машины? Перегнать?

— Эм... да, насчёт машины, но не... — я шумно выдыхаю, не зная, как покорректнее объяснить произошедшее. — Можешь подойти?

Наверное, что-то такое этакое звучит в моём голосе, потому как прибегает Фей спустя три минуты, с сумкой на плече и в куртке нараспашку. И, видимо убедившись, что рядом со мной не отираются подозрительные личности, а оба автомобиля в полной комплектации (не совсем, конечно, но он-то пока этого не знает), переходит на шаг.

— Соскучилась?

Вместо ответа я с расстроенной гримасой указываю пальцем на ближайшее колесо Хёндая, предлагая увидеть причину звонка собственными глазами.

— Млять...

Ага, а я о чём.

Он обходит авто вокруг, дабы удостовериться, что все четыре колеса спущены до обода, а потом присаживается к переднему левому, разглядывая покрышку. Собственно, я уже знаю, что он увидит, если приглядится — порез в пару сантиметров шириной, как и на остальных. И это существенно усложняет дело, одной запаской тут не обойдёшься.

— Да, Ариэль, везение — не твоё конёк, — поднимаясь со вздохом, констатирует Фей.

— Чего везение-то сразу? — не слишком активно возмущаюсь я, параллельно оглядываясь по сторонам.

Народу на парковке немного, а из знакомых и вовсе никого, так что можно немного расслабиться и не держать дистанцию в метр, а позволить себя обнять. Если честно, я не слишком хороша в таких делах. Да что там, совсем не хороша, хоть это и немного иронично. Ну в самом деле, какой толк учиться на юридическом, если столкнувшись с противоправными действиями в свой адрес, я понятия не имею, что делать? Если бы не Фей, пришлось звонить папе для консультации или призывать на помощь Ника, но, к счастью, сейчас у меня есть свой Супермен. И это как-то по-особенному приятно — отдать бразды правления в его руки и не парится. Да уж, феминистки из меня точно бы не вышло. Ну правда, нафиг мне не нужно всё это ваше равноправие, я хочу иметь возможность спрятаться за спину своего мужчины и позволить ему помочь в решении проблем, а не выбиваться из сил, в глупой попытке кому-то что-то доказать.

— Потому что я за четыре года только колёса весной-осенью перекидывал, а ты за два месяца второй раз влетаешь... — не подозревая о моих мыслях, уточняет он.

— Эй, я же не виновата!

— Так, а я разве сказал, что виновата? — он легко пресекает попытку выкрутиться из рук. — Везучая ты у меня, говорю же.

Это «у меня», прозвучавшее как нечто само собой разумеющееся, временно примиряет с подколкой, но вопроса — что делать с колёсами, не решает.

— Как это — что? Искать того мудака, который решил тут в ножички поиграть.

Да, конечно, искать. А то он дурак, сидеть поблизости и злобненько подхихикивать, ага. Но у кошки, оказывается, уже есть идеи на этот счёт:

— Идём, начнём с камер.

— Камер? Тут есть видеонаблюдение?

— Ну как бы да, — удивлённо покосившись, кивает Фей. — Ты что, не слышала эту грустную историю, когда какой-то лихач зацепил машину декана и уехал?

— Эм...

— Эх, совсем человек жизнью факультета не интересуется. Ну, в общем камеры после этого и поставили и есть шанс, что этот козёл на них засветится. Может тоже, как ты, не знал об их существовании.

Было бы неплохо, кстати. Тогда я ему лично по роже ногтями пройду! Котов подобную кровожадность оценивает ухмылкой и обещанием поддержать. А мы сработаемся!

«Начнём с камер» на деле растягивается на добрые полчаса. Пока я болтаю ногами на скамеечке рядом с кабинетом охраны, Фей крутится в механизме бюрократии, сначала накатав заявление, затем завизировав его у проректора и только потом получив доступ к записям. И мы, вместе с усатым дядечкой в синей форменной рубашке, приникаем к экранам.

Видео, конечно, не HD, но в целом очень даже, так что, когда на экране прокручивается нужный момент, не узнать злоумышленника мне труда не составляет. Точнее — злоумышленницу. Вот же сучка! Волосы лишние, что ли?

— Баба! — одновременно восклицает, подслеповато приглядываясь (как его вообще в охрану взяли?), дядечка. — Да паренёк, насолил ты видать ей, раз решила вот так отомстить.

— Не он, — выдавливаю едва ли не сквозь зубы. — Я.

— Ты её узнала? — Фей отрывается от монитора, разворачиваясь ко мне.

— А ты нет?

— Так там лица не видно...

Лица может и не видно, зато чёрная шубка-автоледи (и вовсе я не завидую!) и высокие сапоги с красной подошвой вполне себе узнаваемы. Как и красная же сумка, в которой, наверняка, до поры скрывалось орудие преступления.

— А можно на другие камеры переключить? Ну, чтобы проследить, откуда она пришла?

— А как же!

Охранник лихо, как ему кажется, начинает орудовать мышкой, прыгая с изображения на изображение. Но в конце концов я получаю то, что и хотела видеть — спускающуюся со ступенек главного входа...

— Фирсова? — Котов вновь оборачивается ко мне, на этот раз с реально удивлённым выражением лица.

И что я должна ответить, если и так всё видно? Пожатие плеч за ответ сойдёт едва ли.

— Так, ладно, — Котов роется в сумке, извлекая на свет божий флешку. — Вы можете мне сбросить вот этот момент, когда она выходит ну и дальше по ходу движения?

— А то!

Да, поразительно широкий словарный запас. Губами шепнув Фею, что подожду за дверью, я возвращаюсь обратно на уже ставшую родной скамейку.

— И что вы с ней на этот раз не поделили?

— А я... — с языка так и рвётся крепкое словцо, но я ловлю его в последний момент. Да, Крис, будь культурной, ты же девочка, — откуда знаю? Мы с моего ДР не разговаривали даже, не то, чтоб ругались. Хрен знает, чего сегодня взбесилась. Ну это уже реально ни в какие рамки, вот правда. Её лечить надо!

— Мда... Ладно, будем лечить, — доставая телефон, соглашается Котов.

— Ты кому? Участковому? Или...

— Или, — вновь кивает он, не давая договорить. — Алло, пап? Привет.

Я недоумённо, если не сказать больше, округляю глаза. То, что Фей нажалуется отцу — последнее, что может предположить мой разум. Ну правда, бред какой-то

— Да нет, всё нормально. Слушай, можешь номер дядь Паши сбросить? Ну Фирсова, да Правда всё нормально. Ага. Ага, жду.

— И откуда твой отец знает папашу этой... ну, ты понял? — я щурюсь недоверчиво, одновременно выдыхая облегчённо. Не нажаловался, это хорошо. — Он же прокурор какой-то, вроде как...

— Зампрокурора, если быть точным, — Фей тоже щурится, только насмешливо. — То есть кто «папаша» у Ленки ты знаешь, а кто у меня — нет?

— Ну, ты же не кичился им во все стороны. И кто?

Котов уже не ухмыляется даже — ржёт в открытую. И признаётся суфлёрским шёпотом, будто по большому секрету:

— Прокурор, — и пока я не начала возмущаться глупому приколу, добавляет, же нормальным тоном. — Левобережного района. Вот Фирсов у него как раз первый заместитель.

— Да ладно?

Звук смс прерывает следующее высказывание, так что он просто пожимает плечами и вновь нажимает кнопку вызова. На этот раз, видимо, по тому самому присланному номер.

— Павел Константинович? Здравствуйте. Это Тимофей Котов. Ага. Да понял, дядь Паш понял, — Фей смеётся в трубку, почти не напряжённо. — Я тут с вами посоветоваться хотел...

Я успеваю наострить уши, но вредный котофей поднимается со скамейки, погладив меня по руке, и отходит к окну, чтобы продолжить разговор уже там. И настолько тихо, что с моего места ни черта не слышно. Не бежать же за ним следом, а? И вообще, я так не играю!

Правда и возвращается Фей быстро, даже соскучиться (точнее, умереть от любопытства) не успеваю.

— Ну?

— Что — ну? — пара в разгаре, поэтому он без зазрения совести подгребаёт меня поближе к себе. — Обещал приехать, полюбоваться, чем дочура в свободное от учёбы время развлекается.

— Не такое уж свободное, она во время пары выходила. Ты, кстати, на занятие совсем не пойдёшь?

— Да не, всё равно лекция, потом перепишу. Лёнику написал, он отметит, что я был, если получится.

Я прячу нос в воротнике его куртки:

— Извини.

— За что? Ерунду не городи, ты-то тут при чём?

— Ну...

— Вот без «ну».

— Пфф!

Ну и ладно, было бы чью вину на себя брать. Если этой швабре белобрысой в голову что-то ударило, я здесь и правда совершенно не при делах. Единственное, совершенно не понятно, почему именно сегодня? Ладно, мы поругались, и она пошла мстить — здесь хоть какая-то логика бы прослеживалась. Но вот, так, ни с того, ни с сего...

— Хочешь, поезжай домой? На моей, — уточняет Фей, накручивая кончик косы на палец.

Причём таким тоном, как будто ручку одолжить предлагает, а не ключи от своей красотишки.

— Нее, спасибо, я пас.

От одной картины как я сажусь за руль Ауди просто мурашки по коже, приятного толка, конечно, но я не настолько уверена в себе, чтобы всё-таки это осуществить. Насчёт везения Котов, конечно, шутил, но фиг знает. Не хотелось бы влипнуть ещё куда-то просто потому, что сегодня не мой день.

— Да всё нормально, страховка открытая. А я приеду, как с колёсами решим.

— Не в этом дело.

— А в чём тогда?

— Просто, — я пожимаю плечами, по-прежнему не поднимая головы. И признаюсь, тоже почти честно. — Хочу с тобой побыть.

Мне не нужно видеть выражение лица Фея, дабы понять, что он доволен. Ну и самодоволен, куда без этого. А вот голос над ухом звучит уже соблазнительно:

— Пойдём тогда в машине подождём? Сзади стёкла тонированные...

Вот и как ему отказать, а? По крайней мере у меня подобного желания не возникает совершенно.

Если Фей и надеется, что в машине его ждут как минимум поцелуи, как максимум — нечто большее, то он жестоко ошибается. Нет, первые несколько минут проходят как раз в таком ключе, но потом любопытство окончательно замучивает меня и заставляет отстраниться.

— Так значит, вы с Фирсовой были знакомы до универа?

Цепочка из воспоминаний, причинно-следственных связей и собственных придумок создаёт картину, которая мне очень и очень не нравится. Так что лучше прояснить всё сейчас, пока фантазия не успела разойтись ещё сильнее.

— Что? Неа, не были. Ну, то есть я знал, что у дядь Паши дочь есть, но ни лично, ни на фотографиях не видел.

— Так какого она тогда на тебе с поцелуями повисла?!

Если мне и представится когда-то момент увидеть Котова настолько удивлённым, то явно нескоро.

— Ч-чего? — не то, чтобы он реально начал заикаться, но выговорить получается не с первого раза. — Когда?!

— Тогда, — пискляво передразниваю я. — В клубе, когда бедненький ты думал, что я тебя продинамила.

— Мля-я... — почти обречённо тянет Фей. — Скажи, что ты шутишь?

— Нет, Ваше амнезийное величество, я серьёзна, как никогда. Надеюсь, дальше

поцелуев не зашло?

— Нет, — как-то не слишком уверенно откликается он. И тут же, кажется даже передёрнув плечами, добавляет. — Конечно, нет! Я почти сразу домой уехал, собственно. Ну, зато немного понятнее теперь, чего она ко мне так активно клеилась.

— Клеилась?

Переспрашиваю я с нарочито-милой улыбочкой, но едва ли она кого-то обманывает. Вот же вобла сушенная, а? Всё-таки волосы у кого-то явно лишние, надо бы проредить.

— Ну, точнее предпринимала попытки. Но я успешно, кажется, объяснил, что даже если её отец в шутку высказывал желание породниться с моим, это ни фига не значит. А что, ревнуешь?

— Я тебе сейчас ухо отгрызу!

— Ух ты, правда ревнуешь?

— Фей!

— Да ладно, ну чего ты? Шучу же. Нахрен мне не сдалась эта девушка облегчённого поведения. Это ж себя не уважать нужно, чтобы с такими водиться.

— Ага, — немного успокоившись, спешу согласиться я. — Папаша лучше бы дочку воспитывал, а не планировал, с кем породниться. А то такими темпами зятя можно вообще не дожидаться.

— Да поздно было уже воспитывать, мне кажется.

Вот казалось бы, больше нам заняться нечем, как обсуждать Фирсову, но я сама задала эту тему. Ну и всё ещё любопытно, да, каким же образом у такого папы получилась такая дочь. Я не припомню, чтобы мне когда-либо что-то категорически запрещали, но почему-то и мысли не возникало вести себя так, как Леночка. Понятное дело, что современная мораль много чего позволяет, но границы же должны быть!

На вопросительный взгляд Фей вздыхает тоскливо, но правильно понимает, что я не отвяжусь. И сползает по сиденью, устраиваясь поудобнее.

— Я так, в общих чертах знаю, подробностями не интересовался. Дядь Паша с женой развёлся, когда дети ещё маленькие были. Старший сын, Егор, с ним остался, Ленка, соответственно с матерью, хотя у той вроде проблемы с психикой были, не в курсе точно. А та, в свою очередь, вернулась к своей матери, в какое-то там чуть ли не село. Так что виделись они хорошо если раз в год. Алименты на карточку и звонки по праздникам, вот и всё воспитание. А потом мамаша познакомилась в интернете с каким-то американцем, выскочила за него замуж и укатила за границу, а дочку, которой восемнадцати ещё не было, отправила к отцу. Думаю, он сам не особо рад был увидеть, что выросло, только куда денешься? Вот, в универ засунул под угрозой лишить денег, но она и тут хреню страдать умудряется.

— Да уж, хороша семейка... Но знаешь, это не повод такой безголовой быть. У Лизы вон тоже отец только в свидетельстве о рождении фигурировал и ничего.

— Крис, ну ты это мне говоришь? Ленка уже вообще краёв не видит, реально. Собственно, поэтому дядь Паше и позвонил. Хочет по туалетам неизвестно с кем шариться — её дело, стучать не собираюсь. Но чёрт знает, что в следующий раз в голову взбредёт. Это сейчас административка и штраф мизерный, а дальше что, додумается шланг тормозной перерезать? Не, ни хрена, пусть вправляет ей мозги, пока не поздно.

— Ладно-ладно, чего ты разбушевался-то? — заметив, что тон стал каким-то уж слишком раздражённым, злым даже, интересуюсь я.

— Ничего. Просто не люблю, когда трогают моих близких.

Фей нервно дёргает головой, а я уже переключаюсь на сказанное им, почти позабыв про какую-то там Фирсову.

— Близких, значит? — переспрашиваю, обнимая его руку.

Кошак коротко усмехается:

— А то нет? Или мне отодвинуться?

— Я тебе отодвинусь, ага.

Он улыбается, прежде чем притянуть меня к себе для поцелуя.

— Эм... вообще-то я планировал сделать это несколько позже, но что уж теперь...

— Ты о чём?

Подъехавший чёрный Крузер я замечаю лишь потому, что паркуется рядом с пострадавшим Акцентом, заняв едва ли не два свободных места сразу. А вот Фей, похоже, видит куда больше, потому как несколько напрягается, правда почти сразу расслабившись. Ещё и фраза эта непонятная.

— Это машина отца.

— Оу...

Признаться, честно, со столь странно-стремительным развитием отношений мне пока и в голову не приходила мысль о знакомстве с его родителями. И то, что делать это придётся прямо сейчас, существенно напрягает. А тут ещё недавнее сообщение, что папочка у него прокурор... Воображение сразу рисует амбалистого вида мужчину в форме, с суровым взглядом и стрижкой под троечку. Блин-блин-блин, ну почему не какой-нибудь простой менеджер, а?

— Аха. Ну что, идём знакомиться?

Неловкое бормотание на тему того, что я просто тихонечко посижу в машине и меня никто даже не заметит, кошак подрывает на корню, выбираясь сам и протягивая мне руку. А затем вытаскивает, как репку, не давая лишнего времени на рефлексии. Ну, мохнатый, я тебе это припомню!

Видимо, обещание отражается у меня на лбу бегущей строкой, потому как Фей хмыкает и успокаивает:

— Да не очкуй, Ариэль, я же с твоими познакомился.

Да! Когда был мне просто соседом по квартире! И вообще, не нужно сравнивать моего папу, дизайнера-пацифиста, со своим.

Так, ладно, врагу не сдаётся наш гордый Варяг и всё в таком духе. Интересно, а если я сейчас сольюсь осторожненько, он сильно обидится? Это был риторический вопрос.

— Привет.

— Здравствуйте, — в унисон с Феём говорю я, сама едва узнавая в этом пицании свой голос.

— Привет-привет, товарищи студенты.

Мужчина с пассажирского сиденья быстро пожимает руку кошаку и отходит к моему авто, а вот второй остаётся, разглядывая нас (точнее меня, по большей части) с нечитаемым выражением лица. И даже если бы я понятия не имела, кто он такой, семейное сходство с Феём сразу же бросается в глаза. Да, повыше ростом и пошире в плечах и талии, стрижка и впрямь короче почти и некуда, зато в остальном — просто котофей, версия 2.0. Точнее то,

как последний будет выглядеть лет через двадцать.

— Па, познакомься, это Кристина, — за талию притягивая меня поближе, вмешивается в обоюдный процесс осмотра Тимофей. — Моя девушка.

— Рад знакомству, девушка Кристина, — пока я стараюсь не слишком перебирать ногами на месте, от нервов, улыбается уголками губ Игорь Тимофеевич, слегка склонив голову. И как-то сразу ещё больше увеличивая их сходство.

— Спасибо. То есть, я тоже, — удерживаясь от фейспалма, исправляюсь я.

— Сын, ты понимаешь, что твоя мама сделает с нами обоими, когда я ей расскажу?

— А ты не рассказывай. У неё юбилей через три недели, вот сами и придём каяться.

— Ну, смотри. Мне с ней ссориться никак нельзя, без котлет же оставит.

— Котлетки — это святое, — со смешком соглашается примерный сынуля. — Не беспокойся, всю вину возьму на себя.

На этом расшаркивания они оба считают завершёнными и ИТ (классные инициалы, кстати), направляется к своему замку. А Фей, наклонившись к моему уху, шепчет:

— Вот и всё, а ты боялась. Только юбочка помялась.

Рукав пуховика и его куртка смягчают удар локтем, но для моего успокоения хватает и того. Вот язва, а!

— Точно Елена? — уточняет мужчина, обращаясь больше к мирозданию, кажется, чем к Тимофею.

Вот у него с дочкой как раз равным счётом ничего общего. По крайней мере темноволосый и кареглазый господин Фирсов, которому на вид дашь лет тридцать пять, не больше, с первого взгляда вызывает приязнь, в отличие от Леночки. Мне даже жаль его немного, если честно, что судьба взамен нормальной семейной жизни подсунула такое.

Вместо ответа кошка достаёт телефон, в который успел вставить нужную флешку, и протягивает, включив видео непосредственно с самой парковки.

— Вот же... — просмотрев секунд двадцать, мужчина возвращает трубку хозяину. — Ну ладно, внешность от матери досталась, но остальным-то могла в меня пойти?

Ещё один риторический вопрос, на который никто из нас отвечать не собирается. А Павел уже достаёт собственный телефон. И я даже догадываюсь, чей номер набирает...

— Елена? — он что, реально дочь полным именем зовёт? Впрочем, тон вполне нейтральный, точнее никакой. — Ты где сейчас? В библиотеке? Вот и замечательно. Выходи, я тебя на парковке жду, — и он сбрасывает вызов, не дав возможности уточнить что-либо или объяснить. И спрашивает, обращаясь уже к по-прежнему обнимающему меня Фею. — Есть что-то, что мне нужно знать?

Мы переглядываемся машинально и Котов кивает, отдавая возможность высказаться мне.

Зная Ленку довольно давно, я всё равно не могу предположить, какую роль для папочки она выберет. Она постоянно разная, причём вне зависимости от окружения или ситуации. С равной долей вероятности это могут быть и глухая холодная оборона, и образ невинной, оклеветанной овечки. Но чего я никак не ожидаю, так это почти выплюнутого мне в лицо, хоть и тихого «Сука!».

— Елена!

Голос Фирсова буквально взвивается над парковкой, и если бы я уже замерла

оловянным солдатиком от шока, то сделала бы это сейчас. Наверное, именно поэтому даже не думаю протестовать, когда стоящий в паре шагов Тимофей приближается, возвращая руку мне на талию. Палевно? В данный момент как-то совершенно всё равно. У этой психички что, крыша совсем поехала?!

— Что такое, папуля? — растрёпанная блондинка выглядит так, словно готова броситься на него. — Как всегда будешь заступаться за кого угодно, только не за меня? Да, давай, за шмару эту заступись!

Её слова звучат для меня, как пощёчина, а может только кажется, потому что именно в это мгновение щёку Ленки ожигает пощёчина вполне настоящая.

— В машину, — в упор глядя на всхлипнувшую дочь, прижавшую ладонь к лицу, почти выплёвывает мужчина. — Живо.

Я не сторонник насилия в семье (меня в детстве-то шлёпали всего пару раз, за особо масштабные проказы), но складывается ощущение, что слова бы тут не помогли, только действия. Лишь после них взгляд Фирсовой становится условно нормальным, без светившейся прежде ненависти. Господи, да что я ей сделала такого? Не ладили, понятное дело, но не настолько же...

— Кристина, извините, — обращается ко мне Павел, потирая лоб, когда Ленка молча удаляется к автомобилю. — Не думал, что это зайдёт настолько далеко.

Я недоумённо хлопаю глазами, не отойдя окончательно от разыгравшейся сцены и не слишком понимая, что вообще происходит. И мужчина тоже это осознаёт, посчитав нужным пояснить:

— Моя дочь... несколько заиклена на Тимофее.

— Заиклена? — эхом отзывается я и Фей одновременно.

— В некотором роде, да, — он бросает быстрый взгляд в молчащего и будто не присутствующего тут Котова-старшего и переводит его на младшего. — Мы посчитали, что незачем нагружать тебя данной информацией, да и работа с психологом помогла, как мне казалось. Полагаю, Елене лучше взять академический отпуск. Постараюсь сделать всё, чтобы она вас больше не побеспокоила.

Он говорит что-то ещё, но я уже не слушаю, привалившись к боку Фей. Сразу всплывает та его ремарка, по поводу психических проблем Ленкиной матери. То есть получается, она тоже не... не стабильна, что ли? И что, углядела, как я на её Тимофея обожаемого не так, вернее так, посмотрела и пошла ножичком орудовать? А если бы она на меня с ним бросилась, в припадке ревности?

— Извините, я пойду, — кажется, кого-то перебив, я освобождаюсь от руки Котова, — в машине подожду, — и на обеспокоенный взгляд янтарных глаз уточняю. — Холодно.

Холодно. Мурашки по коже осознания того, что всегда принимаемое мной за обычную неприязнь оказалось куда глубже и серьёзнее. Но такого, вот честно, даже врагу не пожелаешь. А кем-кем, а врагом мне Ленка точно не была.

Поэтому усевшись на пассажирское сиденье Ауди, которую Фей успевает завести с автозапуска, я машинально смотрю на выглядывающий бок Крузера, в котором скрылась одnogруппница. И совершенно искренне надеюсь, что у неё всё будет хорошо.

Ключи и документы от Акцента Павел забирает себе, пообещав вернуть автомобиль уже на ходу после выходных. Сомневаться не приходится, сложно ожидать от зампрокурора района чего-то другого.

Впрочем, второе обещание он выполняет тоже. Лена на занятиях не появляется ни на следующей неделе, ни через одну. Уже позже староста сообщает, что она взяла академ.

Лизка удивляется вслух и даже пытается выпытать моё мнение по этому поводу, но это один из тех немногих случаев, когда я обманываю лучшую подругу, говоря, что совершенно не в курсе. Почему-то это кажется в сложившейся ситуации единственно правильным.

Наши первые с Феём совместные выходные начинаются, кто бы мог подумать, под девизом «Пыли — бой!» Причём, что странно, сам господин Котов добровольно вызывается помогать, чего раньше за ним замечено не было. И, естественно, не проехаться на такую заманчивую тему я просто не могу, вдоволь наехидничавшись, что впечатлять меня своей хозяйственностью нужно было раньше. Намного раньше. Желательно до того момента, когда я впервые перешагнула порог...

— Да, посмотрел бы я на тебя, будь ты парнем. Носилась тут полуголая и взмыленная... — нимало не смущаясь, выдаёт наглый кошак, протирая верхние шкафы на кухне, пока я занимаюсь нижними. — С таким стояком много навпечатляешь, ага.

— Да как же ты страдал по этому поводу! — подавившись смешком, я уточняю: — Чтоб ты знал, летом я вообще в одних трусиках обычно хожу, — и добавляю мстительно, буквально кожей чувствуя его взгляд. — Когда дома никого нет, разумеется.

— О, можешь просто считать меня человеком-невидимкой и не стесняться, — скалится довольно тот, кому слово «стеснение» вообще, кажется, не слишком знакомо.

— Это какая-то ролевая игра из твоих фантазий? Прости, я не сторонник...

— Да ладно, Ариэль, ты же даже не пробовала. Но, так уж и быть, согласен начать с чего попроще, — кося янтарным взглядом с высот своего теперешнего положения, «покладисто» соглашается Фей. — Как насчёт... я преподаватель, а ты нерадивая ученица, не выполнившая домашнее задание, м?

Наглость — второе счастье, точно про него. Я склоняю голову набок, покрутив в мокрых пальцах собранные в хвост волосы и надеюсь, что выгляжу при этом хоть чуточку соблазнительно. А потом выдаю, максимально противным тоном, представляя Ларису, одну из наших бывших одногруппниц — девушку широкой души и такой же комплекции, но с напрочь атрофированным мозгом, не иначе как за ненадобностью:

— Ну Пётр Семёнович, ну сделаю я эти задачи, ну чё вы? — сделать вид, что смачно жую жвачку и всё, сходство практически идеальное.

Фей слегка вздрагивает и то ли роняет, то ли просто отбрасывает в раковину тряпку, спрыгивая на пол:

— Ну вот, спасибо, теперь у меня будут проблемы с потенцией. Не могла кого-нибудь другого изобразить? — обиженно выдаёт он, складывая руки на груди. Выставленной на всеобщее обозрение, конечно же, несмотря на минус тысячу по Цельсию в квартире, как ощущается мне.

Я стягиваю перчатки, тоже отправляя их в раковину, и разворачиваюсь к нему, прижав ладошки к груди и часто-часто моргая:

— Ой, наверное, Меган Фокс из того фильма про Дженифер?

— Издеваешься? — предполагает догадливый мой.

Я легонько пожимаю плечами и красноречиво соединяю большой и указательный пальцы, оставив между ними расстояние в несколько миллиметров, и продемонстрировав Фею.

— Ага, — на секунду задумавшись, констатирует он. И повторяет, зачем-то: — Ага.

А в следующее мгновение я оказываюсь висящей у него на плече, а сам Фей топает из

кухни по направлению к спальне.

— Ну-у! Мы же не доубирались! — получается не слишком убедительно. И по той причине, что вишу я вниз головой, и по той, что сама абсолютно не против устроить передышку.

— Сие есть печаль великая, — похлопав по заднице, Фей осторожно, совсем не как в прошлый раз, сгружает меня на кровать. — Но мир жесток, мой юный падаван, тебе придётся смириться с этим.

Когда он так прижимается вот так, одновременно забираясь холодными ладонями под кофту? О, ещё и не с тем смириться готова!

Я мстительно запускаю руки под резинку его шорт и первая тянусь за поцелуем.

Вечером мы отдыхаем от трудов праведных, валяясь на диване и довольствуясь лишь светом от телевизора. В нём крутится как раз дурацкий ужастик, про который я вспоминала сегодня, но смотреть особо некому, потому что заняты мы куда более приятным делом.

Никогда до конца не понимала прелести поцелуев по несколько часов кряду, но у Фей, оказывается, отличный дар убеждения, причём отнюдь не вербального толка. Мы даже не переходим автоматически к новому раунду постельных игр, потому что того, что происходит сейчас, этого полумрака, припухших губ, сплетённых пальцев и поверхностного дыхания... этого всего достаточно, чтобы почувствовать себя абсолютно счастливой. И не думать ни о чём другом, даже голову себе не забивать.

Ровно до того момента, пока где-то вдали не оживает мой телефон.

— Не ходи, — на секунду оторвавшись, просит Тимофей.

— Не пойду, — несвойственно послушно отзываюсь я, притягивая его обратно.

В самом деле, у меня тайм-аут, отстаньте все, хотя бы на...

— Чёрт, — Фей дёргается, когда начинает разоряться уже его трубка, затерявшаяся где-то между диванными подушками.

При этом она ещё и вибрирует, как стиралка на отжиме, так что всё равно приходится прерваться, чтобы как минимум выловить назойливый гаджет и выключить его. Ну и попутно пощекотать меня. Конечно, как без этого, ага.

— Вот почему-то так и думал.

Котов поворачивает экран ко мне, давая возможность полюбоваться Лизкиной фоткой под надписью «Эль Вудс», заставляющей непроизвольно прыснуть от смеха. Да, его чудная фантазия в полной красе. Кстати, нужно будет посмотреть, как у него записана я.

— Ладно, давай поговорю, Бэт настойчивая, как носорог, когда реально чего-то хочет.

Забрав телефон, я принимаю вызов и почти успеваю донести трубку до уха, когда откуда доносится слегка возмущённое «Ну, наконец-то!».

— И тебе добрый вечер, дорогая, — отзываюсь с сарказмом, показывая язык в ответ на закатывающего глаза Фей.

— Да-да. Вы одеты? — голос у Лизки какой-то странный, но вот так сходу понять, в чём дело, мне не удаётся.

— Эм...

— Надеюсь, что да, потому как мы паркуемся рядом с вашим домом, — не дав и слова вставить, продолжает моя блондинка в законе. — У меня целый пакет пирожков, шампанское и...

— И обострение любопытства, — громко, так что даже мне слышно, комментирует

рядом с ней Лёня.

Звук шлепка сообщает о том, что возмездие свершилось, а Лизавета уведомляет, прежде чем отключиться:

— У вас есть пара минут, пока мы поднимаемся.

— Напомни, почему мы не можем забаррикадировать дверь и сделать вид, что никого нет дома? — риторически вопрошаю я, не без помощи котофея принимая сидячее положение.

— Ну, они наши лучшие друзья... — усмехается он в ответ. — И пирожки у Лизы реально вкусные.

— Пирожки, точно! — соглашаюсь, прищёлкнув пальцами. — Иди, открывай им, я хотя бы причешусь...

И без зеркала понятно, что на голове у меня сейчас взрыв на макаронной фабрике. Лизка оценит, ага. Хотя, о чём это я. Лизка точно оценит!

— Нет, ну вы только посмотрите, а? — приведя себя в относительный порядок, пригодный для приёма гостей, я выхожу в коридор как раз в нужный момент, чтобы увидеть Лизку, прикладывающуюся к щеке Фея. — Не успеешь оглянуться, а он уже с другими девушка тискается. Всё как всегда...

Кошак склоняет голову набок, бросая на меня взгляд, который можно трактовать как «вот сейчас вообще не смешно было», зато подруга расплывается в улыбке, бросаясь обнимать и целовать уже меня.

— Кристиночка моя любимая! — смачный чмок приходится ближе к уху, слегка оглушая меня.

— О, дорогая, да ты уже хорошая, — уловив исходящий от неё лёгкий запах вина, констатирую я. — Пирожки без подогрева организма не пеклись?

— У Лёнечки сестра замуж выходит, мы ездили знакомиться с женихом, — с детской непосредственностью выдаёт Лиза, заставляя меня удивлённо уставиться на Лёню.

— У тебя есть сестра?

— Близняшка, — кивает он, вручая пакет Фею и освобождая-таки меня об чрезмерно горячих объятиях своей девушки. — Детка, пойдём-ка умоемся, да? — и уже нам, обернувшись и аккуратно подталкивая Бэт по коридору. — Извините, что так заявились, но после домашнего вина кое-кто возжаждал срочно наведаться в гости.

— О, домашнее вино, точно! — припомнив не допитую с мамой бутылку (мужчины в тот день предпочли коньяк), оживляюсь я, махнув рукой на его оправдания. В самом деле, что я, Лизавету не знаю? — Давай, приводи красу нашу в чувства и ждём вас на кухне.

После бодрящей порции холодной воды, судя по покрасневшимся щекам, Лизавета несколько поумеривает свой пыл, но ей пока вместо вина всё равно достаётся домашний же, но компотик. Впрочем, подруга сильно не протестует, привалившись к Лёниному боку и взирая на нас с умилением молодой мамочки, чей ребёнок сделал первый шаг.

— Лиза, я сейчас подавлюсь, — не выдерживает первым, как ни странно, Фей, и впрямь с трудом прожевавший откушенное.

На самом деле, на столе хватает и других вариантов закуски, несколько более подходящих, вроде сыра, грибов и запечённой куриной грудки, но нет, господин Котов вгрызается в пирожок с картошкой, будто неделю не ел.

— Но вы же такие ми-илые, — тянет она. — Знаете, как я хотела, чтобы вы вместе были? — и тут же качает головой. — Не знаете!

— Да, не стоило их с Любкой оставлять одних. Отошли с Лёхой за сигаретами до соседнего магазина, а они успели...

— Ну, домашнее вино — штука коварная, а эта коза наверняка ничего не ела, пока выпечкой занималась, как всегда. Лёха — это жених? — и дождавшись кивка, решаюсь полюбопытствовать. — А у вас что, какой-то пунктик на букве «эл»? Другие имена не котируются?

— Ты же в курсе, что Е-лизавета и А-лексей, это не на «эл»? — приподняв бровь, слегка язвительно уточняет Истомин. Ещё и голосом так выделяет, красноречиво.

Я насмешливо показываю язык:

— Зато Лиза и Лёха — очень даже.

— Тогда считай, что да. Другие маменька с папенькой не одобрят-с.

Ну надо же, а? Не то, чтобы мы когда-то конфликтовали, вовсе нет. В отличие от того же Фея Леонид мне всегда чисто по-человечески нравился. Но общаться близко толком не общались никогда. Не считать же за такое общение последние числа августа, когда я только узнала об их отношениях с моей лучшей подругой или, когда перевозили вещи. А во время немногих совместных посиделок в новом учебном году «солировала» обычно Бэт. Так что я успела немного подзабыть — у этого блондинчика язык тоже может быть острым.

Зато Котов, напротив, сейчас чрезмерно молчалив и на наши фразочки реагирует разве что приподнятыми в улыбке уголками губ. Ну и поглаживает, больше даже машинально, пожалуй, моё предплечье кончиками пальцев, уложив руку на спинку стула.

На самом деле, несмотря на неожиданность вторжения друзей, никакого дискомфорта по поводу их присутствия я не ощущаю. Нет, было бы нечестно сказать, что такая компания устраивает меня больше, чем вечер наедине с Феем, но ненамного меньше, уж точно. И даже воцарившееся сейчас молчание не беспокоит и не выглядит каким-то дисгармоничным. Жалко только...

— Надо Дашке с Ником позвонить, — поймав за хвост пришедшую в голову идею, озвучиваю я. Вот с ними как раз в последнее время пересекаться удавалось с трудом и приходилось довольствоваться перепиской.

— Я звонила! — оживляется Бэт, про которую я было подумала, что она дремлет с открытыми глазами.

— И?

— И-и-и... у них романтический поход в кино на ужастик. Предлагали завтра пойти куда-нибудь посидеть.

— А ты молчишь, пьянчуга, — укоризненно покачав головой, возмущаюсь я, попутно приложившись к собственному бокалу с насыщенно-красным терпким напитком. — Мы же пойдём?

Сама не знаю, что заставляет меня задать этот вопрос вообще, да ещё и посмотрев при этом на Тимофея, словно мне нужно его одобрение. Божечки, что творится-то? Ещё одна мысль, на этот раз куда более потрясающая (и я сейчас не про её замечательность говорю), заставляет осторожно вернуть стеклотару обратно на стол. Два дня как встречаемся, а я начинаю подстраиваться?

Что, если он сейчас скажет «Нет, не пойдём?» Стоит подумать об этом, как я осознаю, что прислушаюсь. Нет, если прозвучит в такой формулировке, то естественно понесусь

вперёд паровоза, просто назло. Но если суть будет в другом и Фей, например, попросит провести время с ним, на один день отодвинув друзей на второй план...

— А куда...

— Я скоро, — произвольно перебив Лизку, как можно более спокойно уведомляю я, поднимаясь со стула, даже котофея умудряясь мило поцеловать в щёку, дабы не дать ничего заподозрить.

И лишь в ванной, щёлкнув замком на двери, присаживаюсь на край акрилового корытца и прижимаю руки к щекам. Ох, Кристина Сергеевна, всё-то у вас не по-людски!

Холодная вода сегодня как никогда востребована, что тут скажешь. Вот и сейчас именно она возвращает меня на бренную землю из тёмных глубин мозга, где бегает маленькая истеричка, вопящая «мы все умрём!». Убедить себя в том, что на самом деле всё в порядке, удаётся с трудом, но удаётся, за что мне честь и хвала.

Сложно быть объективной, когда дело касается не чьих-то там чужих отношений (где каждый готов примерить роль психотерапевта), а собственных. Но дело-то, если разобраться, всего лишь в том, что именно таких отношений у меня пока и не было. И я сейчас не об их серьёзности или несерьёзности, а о конкретном человеке говорю. Да, вот такой я лузер, что дожив до своих лет ни разу не встречалась с кем-то, кто мне чуть больше, чем просто нравился. А влюбиться, вот реально влюбиться, и вовсе умудрилась только в Фей.

Так что, может быть, всё действительно нормально и так и должно быть? Постоянно хотеть прикасаться к нему или хотя бы иметь в зоне видимости, думать даже тогда, когда вроде и не в тему и... И действительно интересоваться мнением, на самом деле интересоваться, потому что оно важно для тебя, а не из-за попыток казаться кем-то, кем ты не являешься.

Может, следует просто расслабиться, наконец, и дать этому всему идти своим ходом? Попытаться хотя бы.

Fac quod debes, fiat quod fiet, как говорится.

Возвращаясь, я на несколько секунд замираю в коридоре, дабы изобразить на лице выражение безмятежности. Поначалу. А затем уже совсем по другой причине.

Оказывается, друзья-товарищи решили не терять время в моё отсутствие и взялись обсуждать, какое бы заведение обрадовать завтра своим присутствием. Но, что любопытно, в данный момент речь шла о каком-то «Парадизе», про который я ни сном, ни духом, а вот трио на кухне — очень даже. Хм...

— Детка, ну это несерьёзно, там ужасное пиво, — пытается воззвать к Лизиной совести, судя по тону не первый раз, Лёня.

— Зато отличные коктейли. И кальян.

— Угу, — насмешливо вмешивается Фей, — точнее кальянщик, так и скажи.

— Боишься, что внимание Крис сосредоточится не на тебе, а на черноглазом красавчике, м?

— Лиза...

— А вот не рычи на меня! — подруге явно стало лучше, по крайней мере голос перестал быть таким сиропным. — Я. Хочу. Туда. И вообще, будь благодарен, хоть немного. Если б не тамошний кальян, фиг вы меня уломали на эту авантюру с переселением. И сидел бы ты дальше, слюни пускал.

Последнюю фразу я отмечаю разве что мельком, уцепившись за предпоследнюю. И, не мешкая больше, шагаю через порог.

— О какой аванюре речь?

Надо же, какие говорящие выражения лиц, а? Просто миниатюра «Не ждали» в полной красе.

— Да-да, дорогие, я вас внимательно слушаю, — и что-то подсказывает, что услышанное мне ой как не понравится.

Пожалуй, будь это компашка заговорщиков абсолютно трезва или же не застань я их врасплох, сумели бы выкрутиться. Вот только сразу два обстоятельства в комплексе играют на моей стороне. Остаётся только ждать, замерев в дверном проёме и сложив руки на груди.

— Крис...

Как и стоило ожидать, первой сдаётся Лизка, несмотря на два строгих взгляда и одно лёгкое (неужели думал, что я не замечу?) покачивание головой.

— Что, Брут?

Последний раз я обращалась к ней так будто в другой жизни — тем вечером в кафе, буквально за два часа до «заманчивого» предложения, столь круто изменившего мою жизнь. И интуиция не то, что нашёптывала — буквально кричала — это самое предложение, с вероятностью в девяносто девять процентов, и есть их аванюра.

Чёрт, вот знала же! С самого начала знала, что дёгтя в обещанной бочке мёда — задолбаешься вычерпывать. Ну вот кушай теперь, Останина, не подавись.

— Крис... — снова, только теперь почти умоляюще.

Так, отставить эмоции, включить разум! Мне сейчас всё подробно, в деталях, объяснят, правда? А вот хрена с два!

— Млять, Бэт, ты реально считаешь, что это нормально? Я что, на мышь лабораторную похожа, чтобы такие опыты проводить?

— Ариэль, — Фей приподнимается со стула, но натывается на мой злобный взгляд и усаживается обратно.

— Неа, с тобой я после поговорю. А ты, — палец некультурно тыкает в Лизку, а затем в сторону коридора, — за мной. Живо, — и закатываю глаза в ответ нахмурившемуся Лёне. — Не волнуйся, никаких кошачьих драк. Исключительно моральное насилие и вынос мозга.

Лизавета выбирается из-за стола, кажется окончательно протрезвев, и послушно топает следом. И даже молчит, вплоть до хлопнувшей двери моей спальни.

— Ты чем, блин, думала, курица неумная?! — когда чувства, как оголённые провода, подбирать слова сложно, но я стараюсь.

— Головой.

— Вот именно, головой! Мозгом надо было думать, Лиза, мозгом!

— Крис, пожалуйста. Я понимаю, что поступила немного не этично, но...

— Немного? — меня опять взрывает, как петарду. — Это охренеть, как неэтично. «Да, давайте запихнём мою лучшую подругу в квартиру врага и посмотрим, как она вертеться будет», так что ли?

— Боже, ну что ты передёргиваешь? — кажется, она тоже начинает раздражаться. — Какой враг, а? Ладно, раньше это была защитная реакция или фиг там знает, что, но сейчас ты прекрасно понимаешь — Тимофей никогда не был тебе врагом. И со стороны, уж поверь, это замечательно было заметно!

— Да что ты? — жёлчно переспрашиваю я.

— Уж представь себе.

— И вы решили облагодетельствовать меня убогую. Вот спасибо, вот порадовали.

— Никто. Ничего. Не решал, — Бэт скрещивает руки на груди, будто моё отражение. —

Чем плохим для тебя обернулся этот переезд, а? Ну, давай, говори?

Сказать, по-хорошему, и правда нечего, можно только придумать и вывернуть факты задом наперёд. Вот только делать этого отчего-то совсем не хочется. И я всего лишь качаю головой, растеряв почти весь пыл:

— Бэт, но так не делают. Друзья так не поступают.

— А как делают? Как, Крис? — подруга проходит к окну, так и оставшись стоять к нему лицом. — Говорят, что ты долбаная слабачка? Что ты тряпка, неспособная взять себя в руки? Что не хочешь даже задницу поднять и сделать хоть что-то, чтобы стать счастливой, а только и можешь, что ныть в подушку? Так друзья поступают, да?

Последнее она произносит с трудом, а я почти с ужасом осознаю, что Бэт плачет. Моя сильная и до сумасшествия оптимистичная подруга сейчас просто стоит и плачет. Но ещё страшнее было то, что каждая её фраза была мне знакома. Каждая...

— Лиз...

— Ты даже представить себе не можешь, каково мне было, — глотая слова напололам со слезами, она по-прежнему не оборачивается, вглядываясь в ночную улицу за стеклом. — Единственный близкий человек, которому я доверяла, говорит такое... Боже, как же я злилась на тебя! Почти ненавидела. Но потом поняла... поняла, что именно злость дала силы идти дальше. Перестать быть... перестать быть тряпкой и слабачкой.

Я не выдерживаю, плюнув на вся и всё, и бросаюсь к ней, обнимая сначала со спины, а потом нормально уже, стоит только Бэт обернуться. И сама не плачу даже — реву, не в состоянии сдержать дурацких слёз.

Молчим мы, кажется, не меньше получаса, сначала вдоволь наплакавшись, а потом успокаивая друг друга. Господи, то годами слезинки не роняла, а тут второй раз за неделю как рёва-корова. Нервы ни к чёрту, валерьяночки попить, что ли...

— Лизка-а, ну прости дуру, — утирая сначала свою мокрую моську краем футболки, а потом подругину — кончиками пальцев, чтобы ещё сильнее не испортить поехавший макияж, прошу я. — Прости, сама не помню толком, что наговорила тогда. Просто так страшно было, никакие уговоры не помогали, ты лежала и смотрела в потолок, а я...я же ничего сделать не могла.

— Ты всё правильно сделала, — шмыгая носом, не соглашается Бэт. — Это как нарыв вскрыть — больно, но нужно, обязательно, иначе хуже будет.

— Да уж, доктор из меня тот ещё. Криворукий невротик, ужас просто. Тебе надо найти специалиста получше.

— Неа, не надо, меня полностью устраивает этот. Самый лучший.

— Это ты у меня самая лучшая, — растроганно отзываюсь я, с энтузиазмом вовлекаясь в ещё одну порцию обнимашек. На этот раз без дополнительного полива.

— Ты же больше не обижаешься, правда? — интересуется Лиза уже позже, когда мы просто валяемся на кровати и разговариваем о чём угодно, кроме главной темы вечера.

— Конечно, не обижаюсь, — почти честно соглашаюсь я. И добавляю, ведь ей замечательно известна моя идея-фикс по поводу мести, которая по факту никогда не

реализуется. — Но мстить точно буду. Как-нибудь у вас в квартире проколю все презервативы, му-ха-ха.

— Поняла, тебя в гости больше не зовём, — улыбаясь, соглашается Бэт. — А если серьёзно?

— Серьёзно... Почему ты согласилась? Вот про кальян не заливай только, если бы ты изначально не рассматривала эту мысль, как имеющую право на существование, даже под наркотой наша, как отмазаться.

Лиза переворачивается на живот, подперев голову руками и задумчиво глядя на потолок балдахина.

— Может потому, что мысль реально была разумная? Вас нужно было столкнуть уже в одной точке пространства, чтобы дать определиться. И тут было два варианта: либо вы бы разочаровались в друг друга, разругались окончательно и разбежались со спокойной душой, либо...

— Либо то, что имеет в итоге.

— Точно. Скажу честно, я как раз на это и надеялась.

— Вот не сомневалась даже.

— И не сомневайся. Потому как предложил-то поменяться как раз Тимофей.

Я даже приподнимаюсь, чтобы взглянуть на неё и убедиться, что не послышалось:

— Погоди, Фей?

— Ага. И уговаривал, когда я сначала сказала нет, весьма активно.

— Но...

— Не знаю, у него спрашивай, с чего бы это, — уловив ход мыслей, прерывает меня Лиза. А потом вдруг уточняет обеспокоенно: — Ты же не собираешься его бросить, правда?

— Что? Нет, конечно. Пусть мучается теперь. Как говорится, за что боролся, на то и напоролся.

— Добрая ты...

— А то! Доброта моя безгранична, — я зеваю, едва успев прикрыться ладошкой. — Блин, вечно меня после того, как поплачу, спать тянет.

— Ой, и время уже. Ну, мы поехали тогда, нужно только такси вызвать. Машину завтра заберём, пусть стоит.

— Какое такси? — я с кряхтением сползаю с кровати, добредя до шкафа и вытащив оттуда комплект постельного. — На, держи. Хотите, Котова выгоняйте, хотите диван раскладывайте, в общем, решайте сами. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — подруга секунду мешкает, а потом всё же наклоняется, поцеловав меня в щёку. — Люблю тебя, вредина.

— И я тебя. Но прости, у меня парень есть...

Из комнаты Лизка выходит с улыбкой, почти в точности копирующей мою.

Предлагая Бэт потеснить Фею, я и не сомневалась, что делать этого не придётся. Так что открывшаяся спустя минут десять (когда я уже лежу под тёплым одеялом, но всё равно никак не могу согреться) дверь тоже не удивляет. Как, впрочем, и пробравшийся в кровать котофей.

— Меня выгонят? — тоном, в котором лишь наполовину несерьёзной жалобности, шёпотом уточняет он.

— Как кота помойного, — мигом соглашаюсь я, — если не расскажешь, зачем.

Конкретизировать не собираюсь, пусть думает сам. Впрочем, животрепещущим пока остаётся лишь один вопрос, остальные вторичны.

— Не знаю, — отзывается Фей, когда я уже и впрямь задумываюсь о результативности выдворения его из постели. — Потому что подвернулся момент, не воспользоваться которым было бы глупо. Потому что реально хотелось помочь с машиной, но знал, куда ты пошлешь меня с такой помощью. Потому что объективно такой расклад был выгоден для всех.

— И какой вариант правильный?

— Все. Ни один. Не знаю, — глубокий вдох и медленный выдох дают понять, что не мне одной непросто. — Потому как я охренеть какой терпеливый, Крис... Но это не значит, что нужно сидеть у моря, даже не забросив сети, и ждать, пока поймается Золотая Рыбка.

Была русалка, стала золотая рыбка? Ну уж нет, я не согласна!

— Знаешь, что? — в темноте виден только его силуэт, но и того достаточно. — Завтра ты мне всё расскажешь. В таких деталях, чтобы самый дотошный следователь не прикопался, понял?

— Чистосердечное признание смягчает ответственность?

— Именно.

— А сейчас?

— А сейчас хочу спать. И мне ужасно холодно...

Фею хватает намёка. В следующую секунду я оказываюсь прижата к горячему телу, уложена головой на его плечо и с ногами, зажатыми между чужих лодыжек.

— Блин, правда ледяная. Вот, а ещё вечно споришь, когда я тебя Ариэль зову.

— Что думаешь, русалочка зря принца себе среди людей приглядела? — потеревшись не менее холодным носом о шею кошака, взамен уточняю я. — Чтобы греться об него, точно тебе говорю.

Котов усмехается, прижимая к себе плотнее.

— Ну, принц из меня, конечно, так себе...

— Вот давай Ариэль сама решать будет, кто принц, а кто там, русал залётный, ладно?

Ещё один смешок касается волос, перейдя в поцелуй:

— Спи, принцесса подводная.

— Не подводная, а морская, между прочим!

— Конечно-конечно, всё что пожелает Ваше Высочество.

Засыпаю я с совершенно дурацкой улыбкой на губах, на плече своего личного принца Эрика. Неплохое начало для сказки, как по мне...

— Горько! Горько! Горько! Один! Два! Три!..

— Ох, ну сколько можно, а? — издав тихий стон, утыкаюсь я лицом в плечо Фея.

Впрочем, утыкаюсь — слишком громко сказано, потому как на лице сейчас столько косметики, что самой страшно, а испачкать тёмно-серую ткань жилета последнее, чего хотелось бы.

— Терпи, мы сами на это подписались, — не менее обречённо вздыхает любимый, целуя меня в макушку, с трудом отыскав ту в переплетении накрученных и затейливо уложенных прядей.

— Кто, если не мы, — подтверждаю, сделав глубокий вдох и приняв более приличествующее свидетельнице положение. — Зато теперь точно знаю, что вот этого всего, — палец украдкой указывает в сторону танцпола, — даром не нужно. Никакой свадьбы, нафиг-нафиг! Расписались по-быстрому, посидели пару часов с десятком самых близких в кафе и вперёд, к белому песочку и бирюзовому морю.

— А как же белое платье? Эй, я хочу платье! — выслушав, возмущается котофей.

— Окей, купим тебе платье, — покладисто соглашаюсь я, собираясь добавить, что сама, в таком случае, буду в чём-нибудь более удобном. По крайней мере, чем мой сегодняшний наряд, который не предусматривает ни бюстгальтера, ни бретелей, держится исключительно на моей невеликой груди и периодически делает попытки сбежать. Но в голову приходит куда более интересная мысль. — Стоп, а кто сказал, что я замуж за тебя буду выходить, м?

Янтарные глаза привычно щурятся:

— А что, есть другие кандидатуры?

— Ммм, — я задумчиво закусываю губу, с которой давно стёрся, не без Феевого участия, кстати, весь блеск. — Нет, вообще-то. Но, если мне не изменяет память, ты меня тоже туда не звал...

— А ты хочешь?

— Я? За тебя? — я отстраняюсь и демонстративно одариваю его долгим взглядом. Естественно, хочу! — Конечно, нет. Вот мне нужен такой муж, ага.

— Ну, не хочешь — как хочешь, — легкомысленно пожимает он плечами и тянет меня обратно в зал.

Эй, а поговоривать? Или, хотя бы, возмутиться? Блин, Фей...

Свадьба идёт своим чередом, со знакомыми каждому традициями, вроде утащенной туфельки (Лиза успевает так натереть ноги, что просит ни в коем случае не «выкупать» гадкую колодку, а обувает заранее приготовленные балетки), похищенного жениха (Нику и Арсену мы с Феем обещаем отомстить, но танцевать под «Стоп» Сэм Браун всё равно приходится) и сбора средств на мальчика и девочку (тут уж мы безбожно тасуем результаты, позже сообщив о необходимости постараться над двойней).

К знаменательному моменту метания букета я устаю так, что больше всего мечтаю тихо отсидеться где-нибудь в уголке. И выдыхаю облегчённо, когда начать решают с подвязки.

Я всегда знала, что подруга у меня красивая, но красота эта яркая, эффектная, бросающаяся в глаза. Сейчас же, благодаря стараниям двух мастеров, она похожа на

сказочную принцессу, хрупкую и нежную настолько, что даже бесчувственная я временами начинаю смахивать слёзы с глаз.

Вот и сейчас она выходит в центр зала в окружении вороха белых кружев, с сияющей в пепельных локонах диадемой, идеальная от и до. Но вместо того, чтобы почувствовать зависть, я испытываю лишь гордость за неё.

Ну, и желание рассмеяться, когда Лиза нарочито невинно опускает глазки в пол, одновременно начиная поднимать подол платья и обнажая поставленную на стул ногу. Такая себе пансионерка, краснеющая от одной только мысли, что мужчина увидит её лодыжку. Нужно будет сообщить позже, что ей в актрисы идти нужно было, а не в юристы. Тем более что мужа, справившегося со снятием подвязки без рук, целует она отнюдь не целомудренно.

Но Фей-то куда понёсся в толпу холостых мужчин, а? После разговора о замужестве, пиши ему с маслом, а не кружевную безделицу! Подошедшая Бэт в ответ на моё бухтение звонко хохочет и сетует, что не попросила Лёню бросать именно в сторону Котова. Правда альтернативу кинуть стулом почему-то не поддерживает.

Законным обладателем подвязки оказывается Арсен, скромненько притулившийся где-то с краю. Да уж, карма — она такая, от неё не скроешься. Наверное, так он и думает, демонстрируя новое обретение своей девушке, прежде чем водрузить на голову, как корону. Правда та в ответ не менее демонстративно крутит тонкой ручкой с пустеющим местом на безымянном пальце. Ох, как же я её понимаю...

— Всё, идём-идём, пора ловить букет, — Лизавета тянет меня за руку к уже скучковавшимся вокруг ведущего девушкам, с упорством, достойный лучшего применения.

— А можно я не пойду?

— Разумеется, можно, — отзывается добродушная моя, — только не на моей свадьбе.

Ага, добровольность — наш главный принцип, почему-то так и подумала.

Я ещё надеюсь просто поприсутствовать в качестве массовки, предоставив какой-нибудь другой счастливнице возможность получить роскошный веничек из розовых роз, но у коварной невесты на этот счёт оказываются совершенно другие планы.

«Я тебе отомщу!» — округляя глаза, говорю я ей взглядом.

«Конечно-конечно», — с улыбкой соглашается Бэт, становясь в центр зала.

Девушек и меня в их числе (в каком-то немало числе, если честно, даже не подозревала, что тут столько незамужних), ставят вокруг Лизы в подобие хоровода, а затем каждая получает по ленте, другим концом убегающей к букету. Точнее, как во всеуслышание объявляет ведущий, непосредственно к букету ведёт лишь одна, остальные Лизавета просто держит в руках, до поры сохраняя интригу.

— А теперь... музыку, пожалуйста!

Вы когда-нибудь танцевали под «Во поле берёзка стояла»? Я да, ещё в младшей школе, и надеялась, что подобное больше никогда не повторится. Наш и без того не слишком ровный круг периодически превращается в ещё более кривой овал, но кого это заботит? Но присутствующие довольны и дружно поддерживают аплодисментами и даже свистом. Господи, спасибо Фей куда-то отлучился, а то бы точно был в первых рядах...

Мелодия прерывается на четвёртом куплете, неожиданно для всех и мы с девчонками замираем в странных позах, вызвав новый взрыв смеха. А затем Лиза отпускает ленты, оставляя одну, путеводной нитью протянувшуюся... ко мне.

Подруга с улыбкой разводит руками, словно желая сказать, что так получилось, но я не

верю этой хитрой лисе вот ни на грамм. Правда букет, который она вручает, приблизившись, забираю. Не пропадать же добру, в конце концов. И совсем понимаю, зачем Бэт вдруг обхватывает меня за плечи, вынуждая развернуться.

Не понимаю ровно до того момента, пока не замечаю вставшего на одно колено Фей...

Осознание приходит, словно обухом по голове, заставляя разом потерять самообладание, ориентацию в пространстве и, кажется, даже слух. Потому что наблюдая, как шевелятся губы любимого, я слышу лишь разрозненные слова, никак не желающие соединиться в одно целое. И стою в совершеннейшей прострации, одной рукой притиснув к груди розы, а вторую прижав к губам.

Чёрная деревянная коробочка открывается, являя мне и окружающим поблёскивающее крупным камнем кольцо, а последняя фраза, точнее вопрос, наконец-таки складывается воедино:

— Крис, ты выйдешь за меня?

И всё, на что меня хватает, так это судорожно закивать головой, в такт бешеному ритму сердца.

— Люблю тебя, — шёпот касается уха, пока он кружит меня, уже с кольцом на пальце, куда-то пристроившую букет и уткнувшуюся ему в шею, желая спрятаться ото всех, включая снующего по соседству оператора, решившего запечатлеть сей знаменательный момент.

— Люблю тебя, — эхом отзываюсь я, не мешкая ни секунды.

— Ну вот, а говорила, что замуж за меня не хочешь, — укоряет Фей позже, уже за столом, пока я восхищённым взглядом разглядываю кольцо, подставляя его свету от ламп.

То самое, в которое я просто влюбилась, помогая Лёне с выбором кольца для Лизы, ещё в конце зимы. Но подруге оно, к сожалению (или к счастью, как теперь оказалось), было бы мало, тогда как мне — в самый раз.

— Непостоянная ты, ужас просто, — не дождавшись ответа, вздыхает мой, теперь уже, жених.

— А ты совершенно не умеешь быть серьёзным, — парирую я.

Фей улыбается многозначительно:

— Тебе же это нравится, — и добавляет, возвращая меня в тот самый, знаковый день, ставший началом наших отношений, — детка.

И я морщу нос, потянувшись за поцелуем, вместо возражений.

Потому что он прав — мне это нравится. Мне это просто до безумия нравится...

«Я похожа на проститутку!»

> «Не выдумывай»

«Ну правда! Эта юбка не прикрывает половину задницы!»

> «Зато прикрывает вторую половину. Крис, это наряд из секс-шопа! Он и ДОЛЖЕН быть таким!»

Я отправляю Лизке злобный смайлик и бросаю телефон на кровать, не слишком заботясь о том, не отскочит ли он в стену или не упадёт ли на пол. У меня тут проблемы посерьёзнее, чем какой-то чёртов гаджет.

Вот какой умный человек посоветовал Кристине поинтересоваться у любимого мужа, что он хочет в подарок на День Рождения? А, точно, это была я. Теперь и расхлёбываю содеянное, потому что Фей вовсе не дурак и попросил, ни много ни мало, сюрприз. Сюрприз, мать его! И искренне сомневаюсь, что речь шла о торте со свечками и надувных шариках.

Именно поэтому я добрые полчаса кручусь перед зеркалом, разглядывая отражение, облачённое в костюм, приобретённый в чудном магазинчике «Розовый кролик». Что за название вообще, а? Впрочем, вопрос риторический.

Нет, объективно, костюмчик не так плох. Отдельно от меня и будучи запрятанным на самое дно мусорного бака прямо в коробке, на тот случай, буде его отыщут там лица без определённого места жительства. А вот мы с ним совместно...

Я делаю очередную попытку натянуть юбку пониже, но стоит только отпустить ткань, как та возвращается на место, обнажая затянутые в чёрный шёлк ягодицы. А белое кружево по краю, кажется, начинает торчать более воинственно.

Это ещё молчу о корсете. Нет, я в курсе, что он должен подчёркивать фигуру, но этот умудряется так собрать в кучку мою невеликую грудь, что она кажется по меньшей мере вдвое больше реального размера. Впрочем, держится данный элемент гардероба как раз на ней да честном слове.

Моём честном слове никогда больше не влезать в подобные авантюры.

А макияж? С таким вот хоть сейчас на трассу, точно говорю. Особенно с чудной помадой в цвет волос, смыть которую оказались не в силах все имеющиеся в моём распоряжении средства. Разве что ацетон пока не пробовала, оставив его на самый крайний случай.

И если мой драгоценный не оценит всего сделанного, заставлю его самого напялить этот костюм. А потом сфотографирую и отправлю фотки Истоминым, пусть посмеются.

Донёсшийся сквозь открытую дверь звук вставляемых в замок ключей прерывает очередной круг моральных терзаний. Временно отправив их на задний план, я шустро запрыгиваю в туфли на одуряющей шпильке и хватаю со стола метёлку из перьев, прилагавшуюся к костюму.

Ну, Крис, к чёрту!

Уф, страшно-то как...

На самом деле, ролевые игры — совсем не моё. Не потому, что ханжески считаю подобное извращением, вовсе нет. Просто надеть костюм и выйти к мужу — полбеда. А вот что делать дальше и как при этом не чувствовать себя полной дурой, это уже другой вопрос.

Но давать задний ход сейчас ну никак нельзя, так что я замираю в конце коридора, украдкой переводя дыхание.

Фей стоит лицом к двери, закрывая замки уже изнутри и параллельно разуваясь, так что есть несколько секунд, за которые я успеваю принять приличествующую случаю позу и приподнять уголки губ в слегка нервной, но всё же улыбке.

— Крис, я до... — крик обрывается не на полуслове даже, скорее на полужадушенном всхлипе.

Я знаю, что он видит сейчас, кроме этих бесчых корсета и юбки. Белые чулки с широкой ажурной резинкой, кружевные манжеты на запястьях, такой же ободок в тщательно накрученных волосах. И, вишенкой на торте, широкая лента на шее, в тон розовым бантикам на лифе.

Я демонстративно хлопаю приклеенными ресницами, щекоча метёлочкой ногу:

— Добрый вечер, Тимофей Игоревич.

Выражение лица супруга бесценно, впору и впрямь пожалеть, что под рукой нет фотоаппарата. Но эта мысль выметается почти сразу, когда он нервным движением слегка оттягивает галстук.

— Ариэль?..

— Моя работа на сегодня закончена, — тем же вежливым тоном извещаю я. — Вы не могли бы убедиться, что всё в порядке, чтобы я могла уйти домой?

Ну же, любимый, вливайся в игру! Пока я не сгорела со стыда не сходя с места...

Его хватает всего нескольких секунд, чтобы понять. А затем выражение лица вновь меняется, превращая вечного мальчишку в пресыщенного жизнью бизнесмена. Того, кто после тяжёлого дня возвращается в свою крутую квартиру. Того, кто привык, что его приказы выполняются точно и беспрекословно.

— Добрый вечер, Кристина. Хорошо, давайте проверим.

У него даже тон теперь другой, вальяжный и немного наглый. Глаза беззастенчиво разглядывают мой наряд, особое внимание уделяя пространству между подолом юбки и кружевным краем чулок.

А если так?

— Прошу Вас, — я разворачиваюсь, позволяя насладиться видом сзади.

И с удовлетворением отмечаю, как он громко сглатывает. Надо же, после стольких лет Фей ещё можно чем-то пронять? Приятно, приятно...

Начинаю со спальни, чтобы дать своему работодателю понять, что его горничная получает зарплату не зря. Прохожу в центр комнаты, по скрадывающему стук каблуков ковро и разворачиваюсь, заставив юбку взлететь выше и продемонстрировать, на секунду, то, что под ней.

— Можете убедиться, здесь идеальная чистота.

Фей подходит к столу, проводя по его поверхности кончиками пальцев. А затем подносит их к лицу, потирая подушечки друг о друга:

— Надо же, и впрямь идеальная.

Конечно, это так, ведь на нервах я умудрилась отдраить квартиру почти до блеска. Но что-то подсказывает — он сейчас ведёт речь вовсе не о чистоте. А голос такой, что мне

хочется отжаться ему прямо на этом самом столе, наплевав на всякие там игры. Но он же сам просил сюрприз, так пусть наслаждается им до конца.

— Я рада, что Вы оценили. Перейдём к кухне?

Я не командую, скорее предлагаю, но он и не думает противиться. И вновь идёт позади, не отрывая взгляда от моей попы. С такой высотой каблуков пытаться не вилять ею — занятие бесперспективное, да я и не пытаюсь. Так даже лучше.

На кухне приятный полумрак, растворяемый лишь подсветкой шкафов. И здесь тоже чисто, за исключением безобразного пятна чая, расплывшегося вокруг опрокинутой (нарочно, конечно же) кружки. Причём лежит она именно так, чтобы броситься в глаза с самого порога, который мы и перешагиваем в этот самый момент.

Супруг вновь ловит всё на лету. И хмурится, заметив выбивающийся из общего идеала штрих:

— Кристина, извольте объяснить — это что?

У него такой голос, что мой в ответ дрожит почти естественно:

— Простите, я даже не знаю, как так могло получиться... Возможно, это кот...

Его левая бровь приподнимается заинтересовано:

— То есть Вы на полном серьёзе пытаетесь переложить свою ответственность на животное?

Плакать по заказу я не умею, так что просто подношу ладонь к губам, словно едва сдерживая слёзы:

— Нет, конечно нет, пожалуйста...

Он подходит к барной стойке и опирается на неё спиной, скрещивая руки на груди:

— Не далее, чем пять минут назад Вы убеждали меня в идеальной чистоте. А сейчас я вижу это. В моём доме не место недисциплинированности, Кристина.

Я опускаю глаза долу, будто не решаясь возражать.

— В агентстве мне рекомендовали Вас, как одну из лучших сотрудниц. Теперь же я в этом сомневаюсь. Пожалуй, мне придётся отказать от Ваших услуг.

— Нет, — я непроизвольно повышаю голос. — Прошу, мне очень нужна эта работа!

Он морщится недовольно, потирает идеально выбритый подбородок, но всё же качает головой:

— Не думаю, что готов спустить подобную расхлябанность и оставить Ваш проступок без внимания.

— Я... — руки нервно комкают ткань, — я готова понести наказание.

— Наказание? — тон задумчивый, словно он сам об этом не думал, но идеей заинтересован.

И я хватаюсь за соломинку:

— Любое наказание, которое Вы назначите. Пожалуйста, Тимофей Игоревич, мне правда очень нужна эта работа. Вы можете оштрафовать меня, только не выгоняйте!

— Вы же понимаете, что меня не интересуют Ваши копейки?

— Тогда... я не знаю...

— Вы привлекательная девушка, Кристина, — его взгляд опалает, так что краснею я совсем не наигранно. — Уверен, Вы знаете, чем меня можно заинтересовать.

Фей стоит всё также облокотившись на стойку, внешне расслабленный, но очерченные контуры вен на руках на раз выдают, чего эта мнимая расслабленность стоит.

И скромная горничная делает несколько неуверенных шагов навстречу хозяину, роняя

чёртову метёлочку на пол.

Муж не говорит больше ни слова, даже когда я медленно опускаюсь на пол, устроившись перед ним на коленях. Разве что смотрит, теперь сверху вниз, с таким вихрем чувств в глазах, что меня начинает потряхивать. И дрожат руки, расстёгивая тяжёлую пряжку ремня.

За эти годы мы успели узнать друг друга от и до, так что я на все сто уверена — ничего из того, что для меня неприемлемо, он точно не сделает. Но ситуация оказывается возбуждающей настолько, что уже я проникаюсь ею насквозь. И почти вживаюсь в безумно несвойственную, противоречащую натуре роль, ощущая себя не женой, решившей разнообразить семейную жизнь, а юной девочкой, так на многое готовой, ради сохранения работы.

— Смелее, Кристина, — голос у Фей с хрипотцой, хотя я толком ничего ещё и не сделала.

Но, подбодрённая, окончательно справляюсь с ремнём и берусь за пуговицу. Ткань брюк недвусмысленно натянута, выдавая отношение мужа к происходящему. И с нажимом проведя ногтями по молнии, я оказываюсь вознаграждена вырвавшимся у него сквозь зубы вздохом. Я ещё даже не начала, любимый. Даже не начала...

Замок ползёт вниз, вслед за ним и ткань тёмных боксеров, и вот я уже касаюсь пальцами нежной, бархатистой кожи. Обхватываю пальцами, сведя их в кольцо, веду до самого основания, слыша уже не вздох, а что-то, похожее на тихий стон. И наклоняюсь ближе, вбирая головку в рот.

Наверное, мазохизм заразен, потому как Фей давно уже признался, что тоже получает удовольствие от лёгкой боли. Так что зубы присоединяются к губам, заставляя мужа непроизвольно податься бёдрами вперёд. А меня — вобрать его глубже. Поступательные движения головой уменьшают свободу действий, но никто не мешает помогать себе рукой. И это почти сразу приносит свои результаты — ладонь Фей проходит по волосам, сбивая чёртов ободок, а затем устраивается на затылке. Я расслабляюсь немного, позволив ему самому задавать нужный ритм, а затем поднимаю глаза.

Кто сказал, что подобный способ доставить удовольствие любимому мужчине — это унижение? Что ж, кто бы ни был этот глупый человек, это его дело. Для меня же было сейчас одним из величайших наслаждений, видеть лицо мужа, с закрытыми глазами и полуоткрытыми губами, по которым периодически проходит язык, смачивая их. Мой же язык тоже не остаётся без дела...

— Ч-чёрт, Крис, — я так увлекаюсь процессом, что почти пропускаю момент, когда он останавливает меня и вздёргивает на ноги, тут же целуя так, что эти самые ноги почти не держат.

Губы Фей терзают мои, покусывают так, что даже немного больно, но приятно куда больше. А руки спускаются ниже, задирая и без того невеликую юбку и сжимая ягодички.

— Вам... понравилось? — прерывисто выдыхаю я, едва получив небольшую передышку.

Супруг на секунду сводит брови, будто не понимая, с чего бы я к нему на Вы, но тут же вспоминает:

— Вы почти убедили меня дать ещё один шанс.

— Почти?

— Я всё ещё немного колеблюсь.

Улыбка насмешливая и самодовольная, а колебания ни капли не мешают развернуть меня к себе спиной и подтолкнуть к барной стойке, понуждая опереться на неё. А ловкие пальцы уже стягивают трусики, отправляя их в недолгое скольжение вниз по ногам. Мне остаётся только выступить из них, носком туфли отбросив растёкшуюся лужицей ткань в сторону, да так и замереть, почувствовав, как всё те же пальцы касаются меня.

Фею не нужно много времени, чтобы убедиться — к проникновению я готова, давно влажная настолько, насколько это возможно. И больше он не теряет ни минуты, войдя одним движением, сразу и до конца. Восхитительное чувство наполненности вырывает из стеснённой корсетом груди вздох, а шёпот «Прогнись!» только добавляет ситуации интимности. И я слушаюсь, выгибая спину почти до хруста. Плевать, что не слишком удобно, на всё плевать!

Муж отбрасывает мои волосы с одного плеча и хватает за подбородок, заставляя немного повернуть голову, чтобы хоть так дотянуться коротким, агрессивным поцелуем. А затем наращивает темп так, что приходится почти улечься грудью на стол, чтобы хоть так удержаться на неустойчивых каблуках.

Край столешницы впивается в рёбра, а пальцы любимого — в бёдра, но это лишь малая часть из всего калейдоскопа ощущений. Я привычно уже даже не пытаюсь сдерживать крики, но очень скоро чувствую, как жёсткая ладонь закрывает рот.

Супруг замедляется, движения по-прежнему глубокие, но ритм теперь настолько рваный, что понять, когда произойдёт следующее вторжение почти невозможно. Он вновь наклоняется к уху, опалая дыханием чувствительную кожу.

— Тихо, девочка. Мы же не хотим, чтобы кто-то подумал, что у прислуги интрижка с шефом, правда? Это ведь такое клише, право слово...

Млять, Фей, кто-то тоже вжился в роль? И я обязательно расскажу, насколько мне нравится этот факт, но только позже. А сейчас, двигайся же, зараза!

Я не произношу ни слова — к губам по-прежнему прижимается ладонь, но произвольное хныканье он, думаю, понимает правильно. Только вместо того, чтобы послушаться, выходит. И разворачивает обратно, к себе лицом.

Наверное, на моём лице весь спектр эмоций, испытываемых по поводу такой паузы, но кто будет оправдываться перед горничной, правда? И вместо хоть какого-то ответа он поднимает меня в воздух, усаживая на барный стул.

Высота — именно то, что нужно. Впрочем, и неудивительно, их мы подбирали очень даже специально. Так что мне остаётся только развести ноги, обнимая мужа за бёдра и позволяя вернуться туда, где я нуждаюсь в нём особенно остро.

Я не могу видеть себя со стороны, но даже представленной картинке хватает с лихвой — я, с задранной юбкой и Фей, в костюме и с расстёгнутыми и приспущенными брюками. Голова идёт кругом, но пока на месте удерживают самые любимые руки в мире, всё в порядке.

— Ты скоро? — вновь сбиваясь со сценария, он отрывается от губ, временно занявшись шеей, раз уж обожаемая им грудь нынче вне зоны доступа.

Мне хватает сил лишь на то, чтобы кивнуть, потому что и впрямь уже на грани, внизу живота растёт то щекотное ощущение, что для меня является предвестником разрядки. И произвольно вцепившись ногтями в плечи мужа, я приникаю к нему ещё ближе, хотя, казалось бы, уже некуда.

Каждое движение грозит стать финальным аккордом и каждое я встречаю новым

стоном прямо в прижавшиеся к моим губы. Просто прижавшиеся, потому что на поцелуй прямо сейчас не хватает ни меня, ни его. И когда Фей конвульсивно подаётся вперёд, одновременно притягивая меня ближе, я выдыхаю «Ох, да» одновременно с Феевым «Млять!». И чувствую чудесные волны накатившего оргазма.

— Женщина, ты меня с ума сведёшь! — с немного нервным смешком жалуется супруг, выходя из меня и помогая спуститься со стула, когда комната перестаёт плавать перед глазами, а дыхание — напоминать предсмертные хрипы.

Оказавшись на полу, я тут же сбрасываю туфли, разом становясь ниже его, зато испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение. Хотя нет, вру, ни с чем не сравнимое — это то, что произошло пару минут назад.

— Вам не понравилось, Тимофей Игоревич? — расправляя юбку, бросаю на него игривый взгляд из-под упавших на лицо прядей.

— Арр, не провоцируй! — он застёгивает молнию на брюках, кося на меня в ответ. — Нарвёшься на второй раунд вот прямо на полу, потому что на ногах я уже не устою.

— Какое... заманчивое... предложение... — перемежая слова с лёгкими поцелуями, признаюсь я. А потом не выдерживаю, вовлекая в долгий и глубокий, целуя уже не работодателя, а мужа. И, оторвавшись лишь минуты через две, произношу. — Привет, любимый.

— Привет, любимая, — в унисон отзывается он, упираясь лбом в мой лоб. Смотрит долгим взглядом, от которого всё внутри буквально плавится, прикасается губами к носу шуточно. А потом уточняет шёпотом. — А у нас есть что поесть?

И такой он ступавшийся в этот момент, что я не выдерживаю и смеюсь, запрокинув голову. Ну, муж, а? Костюмы, ролевые игры, ага... Борща ему тарелку и будет счастлив.

Но поздним вечером, когда я засыпаю в его объятиях, чувствуя, как кончики пальцев поглаживают кожу груди (не в качестве намёка, а просто потому, что ему это нравится), Фей тихо интересуется на ухо:

— А там, где ты этот костюм купила, белые халаты продаются?

— Спи давай, иначе прямо сейчас пропишу тебе большую клизму, — сонно отзываюсь я.

Халат ему белый подавай, надо же! Я вообще-то думала о наряде стюардессы. Ну да ладно, пусть будет халат...

Поцелуй между лопаток последнее, что запоминает мозг, прежде чем окончательно погрузиться в сон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net